
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

Москва

2023

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

2
MARCH — APRIL

Moscow
2023

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. DOBROVOL'SKIY Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
 Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

V. MAGOMEDOVA, N. SLIOUSSAR. Gender variation and gender markedness in Russian nouns	7
Д. Д. Мордашова. Структура семантической зоны модальности в русском языке: моделирование системных отношений между конструкциями (на материале ресурса «Русский конструктикон»)	29
С. В. Князев. Севернорусская интонация: просодическое членение	56
А. П. Выдрин. Типология осетинских глагольных парадигм	89
A. I. VINYAR. Beyond syntactiocentric and lexicalist: Event-structural force-dynamic approach to noun incorporation and promotion to direct object in Anguema Chukchi	114

Обзоры

А. Б. Хазова. Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте	144
--	-----

Рецензии

Ю. В. Николаева. [Рец. на:] J. Bressem. <i>Repetitions in gesture: A cognitive-linguistic and usage-based perspective</i> . Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021	157
---	-----

Contents

Varvara MAGOMEDOVA, Natalia SLIOUSSAR. Gender variation and gender markedness in Russian nouns	7
Daria D. MORDASHOVA. The structure of the semantic domain of modality in Russian: Modelling systemic relations between constructions (based on the Russian Constructicon)	29
Sergey V. KNYAZEV. Northern Russian intonation: Prosodic breaks	56
Arseniy P. VYDRIN. Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective	89
Alexey I. VINYAR. Beyond syntacticocentric and lexicalist: Event-structural force-dynamic approach to noun incorporation and promotion to direct object in Anguema Chukchi	114

Surveys

Anastasiya B. KHAZOVA. Linguistic studies of computer-mediated communication	144
--	-----

Reviews

Yulia V. NIKOLAEVA. [Review of:] J. Bressem. <i>Repetitions in gesture: A cognitive-linguistic and usage-based perspective</i> . Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021	157
--	-----

Gender variation and gender markedness in Russian nouns

© 2023

Varvara Magomedova

HSE University, Moscow, Russia; varya.magomedova@gmail.com

Natalia Slioussar

HSE University, Moscow, Russia; Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;
slioussar@gmail.com

Abstract: In this paper, we analyze different factors affecting gender assignment in Russian nouns. We conducted two studies combining experimental, dictionary, and corpus data (relying both on traditional corpora and on the web-as-a-corpus approach). The first study is dedicated to gender assignment to expressive nouns in a situation when the gender of the base noun and the expressive suffix give contradictory cues. We demonstrated extensive gender variation in these cases and estimated the role of different factors affecting it. The gender of the base noun and the inflection associated with the expressive suffix appeared to be the most important. Animacy is also relevant (certain options are possible only for nouns denoting people) but statistically insignificant. The second study is on gender assignment to nouns that have a zero inflection in nominative singular and a palatalized, alveolo-palatal, or post-alveolar stem-final consonant. In the previous studies, it was noted that the phonological properties of this consonant affect the gender distribution in these nouns. Our data confirmed this generalization and provided several new insights. We also demonstrated that native Russian speakers are sensitive to it. We discuss the implications of our results for different approaches in theoretical morphology and focus on gender markedness analyzing a special status of masculine gender.

Keywords: augmentative, diminutive, experiment, expressivity, gender, Russian, variation

Acknowledgements: The work on this project was carried out within the Basic Research Program at the HSE University, Russia.

For citation: Magomedova V., Slioussar N. Gender variation and gender markedness in Russian nouns. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 7–28.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.7-28

Вариативность и маркированность грамматического рода у русских существительных

Барвара Дмитриевна Магомедова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; varya.magomedova@gmail.com

Наталья Анатольевна Слюсарь

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
slioussar@gmail.com

Аннотация: В этой статье мы исследуем различные факторы, влияющие на род существительных в русском языке, и предлагаем новый теоретический анализ маркированности рода. Статья опирается на экспериментальные, словарные и корпусные данные. Первое исследование

посвящено определению рода у существительных субъективной оценки в ситуации, когда род исходного существительного и экспрессивный суффикс дают противоречивые подсказки. Мы показали, что в этой ситуации наблюдается значительная вариация по роду, а также оценили роль различных факторов, влияющих на распределение. Наиболее важными оказались род исходного существительного и тип склонения, связанный с суффиксом субъективной оценки. Одушевленность также важна (некоторые варианты возможны только для существительных, обозначающих людей), но статистически незначима. Второе исследование посвящено определению рода у существительных, имеющих нулевое окончание в именительном падеже единственного числа и оканчивающихся на мягкую или шипящую согласную. В предыдущих исследованиях было отмечено, что конечная согласная основы влияет на распределение родов у этих существительных. Наши данные подтвердили это заключение и позволили сделать несколько новых выводов. Мы также показали, что носители русского языка чувствительны к этим признакам. Мы обсуждаем значение полученных результатов для различных подходов в теоретической морфологии, уделяя особое внимание проблеме маркированности рода и особому статусу мужского рода в русском языке.

Ключевые слова: аугментатив, вариативность, диминутив, род, русский язык, эксперимент, экспрессивность

Благодарности: В данной работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Magomedova V., Slioussar N. Gender variation and gender markedness in Russian nouns. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 7–28.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.7-28

1. Introduction

1.1. The structure of the paper

Russian has three grammatical genders: masculine, feminine, and neuter. Gender in Russian has been at the center of several theoretical debates. Firstly, feature markedness is a matter of controversy. Masculine is the most frequent, while neuter is the least frequent, but it is used in impersonal constructions, where the unmarked form is expected. Some experimental studies point to neuter as the unmarked option, while many others suggest that masculine is unmarked. Theoretical accounts are similarly split. Secondly, many nouns exhibit systematic gender variation, challenging different approaches to gender assignment. In particular, it is intuitively clear that complex interactions can be found between the gender of the noun and its inflectional and derivational affixes and even its phonological form. But it is not clear how to account for them.

In this paper, we review different aspects of these interactions and try to account for the *prima facie* contradictory observations mentioned above. We conducted two studies combining experimental, dictionary, and corpus data (relying both on traditional corpora and the web-as-a-corpus approach). The first study is dedicated to gender assignment to expressive nouns in a situation when the gender of the base noun and the expressive suffix give contradictory cues, and the second one to gender assignment to nonce nouns depending on the final consonant of the stem. Only nominative forms are discussed — we plan to analyze case-related differences in our further studies.

The paper is organized as follows. Firstly, we outline the system of nominal inflectional classes in Russian and their connections to grammatical gender, focusing in more detail on expressive nouns. Secondly, we present different approaches to feature markedness. After that, we turn to the two studies we conducted and finally discuss their implications.

1.2. Gender and declensions in Russian

Russian nouns are distributed between three genders: masculine (M), feminine (F), and neuter (N), and are inflected for six cases and two numbers. In most cases, the gender of the noun cannot be unambiguously determined from its inflectional affix, only from agreeing adjectives, participles, and verb forms. However, as we show below, there is a conspicuous connection between gender and inflectional affixes, which was analyzed in different theoretic frameworks, e.g. [Asarina 2009; Caha 2021; Corbett, Fraser 2000; Kramer 2015; Rice 2005].

Nouns have different sets of inflections depending on the inflectional class, or declension, they belong to.¹ Traditional reference grammars (e.g., [Russian grammar 1980]), as well as many other studies (e.g., [Aronoff 1994; Halle 1994]), identify three declensions with several sub-classes and various exceptions. Alternative approaches either divide the first declension into two classes with masculine and neuter nouns respectively and therefore identify four declensions [Corbett, Fraser 1993; Müller 2004], or make a primary distinction between the 1st and 2nd ('core') declensions on the one hand and the less frequent 3rd declension on the other hand [Zaliznyak 1987; Wiese 2008].

Our findings do not allow teasing apart these approaches. Therefore, we will rely on the model with four declensions outlined in Table 1 for the sake of convenience. Classes I and IV have different inflections only in the nominative and accusative singular (the reason why many researchers unite them).

Table 1

A system of four inflectional classes for Russian nouns

Classes	Descriptions	Examples	Percentage of nouns in the RNC ²
class I	M nouns ending in a consonant in nominative singular (with a zero inflection)	<i>zakon</i> 'law', <i>kon'</i> 'horse' (C/C'-final nouns ³)	46%
class II	F nouns ending in <i>-(j)a</i> in nominative singular	<i>komnata</i> 'room', <i>zemlja</i> 'earth'	29%
	M nouns (only denoting people) ending in <i>-(j)a</i> in nominative singular	<i>papa</i> 'dad', <i>djadja</i> 'uncle'	1%
class III	F nouns ending in a consonant in nominative singular (with a zero inflection)	<i>kost'</i> 'bone' (C'-final nouns)	5%
class IV	N nouns ending in <i>-o</i> or <i>-e</i> in nominative singular	<i>okno</i> 'window', <i>more</i> 'sea'	18%
indeclinable	nouns of different genders	<i>kivi</i> 'kiwi', <i>pal'to</i> 'coat'	1%

Table 1 shows that declensions are closely related to gender. It goes from declension to gender, but it is also illustrative to go from gender to declension. 97% of masculine nouns have zero

¹ All declensions have the same inflections in plural, so the discussion of declension-related differences below only concerns singular.

² Percentages of nouns in the Russian National Corpus, or RNC, are taken from [Slioussar, Samoilova 2015]. Their counts were based on the grammatically disambiguated subcorpus and did not take substantivized adjectives into account. There is also a very small number of exceptional cases with irregular inflection.

³ Here and below we use the term 'C'-final nouns' for the nouns that end in a palatalized, alveolo-palatal, or postalveolar consonant, and the term 'C-final nouns' for the nouns that end in other consonants.

inflection in nominative singular, 85% of feminine nouns end in *-(j)a*, and almost 100% of neuter nouns end in *-o/e* (like in Table 1, these counts are based on [Slioussar, Samoilova 2015]).

The connection between gender and declension is so strong that it leads to indeclinability of some nouns, gives rise to defective paradigms and gender variation. For example, all declinable C-final nouns belong to the declension class I and are masculine. Russian has many feminine proper names (first and last names, toponyms etc.) that are C-final, but they are all indeclinable as a result.

A different pattern is found in the nouns denoting professions and social roles. Historically, most of them are masculine and belong to class I. When women gained access to these roles and professions, new feminine words were derived from a number of these nouns, but by far not from all of them. At the same time, it became possible to use masculine nouns for women, either with masculine or with feminine agreement. Notably, using feminine agreement is grammatical only in the nominative case [Graudina et al. 1976; Zaliznyak 2002], although some exceptions are found in real usage [Sitchinava 2011]. Thus, these words did not become proper common gender nouns like *plaksa* ‘crybaby_{M/F}’, for which both masculine and feminine agreement is always possible — apparently, because class I contains both feminine and masculine nouns. As a result, Zaliznyak [2002] suggests treating these cases as two separate nouns, a masculine one and a feminine one with a severely defective paradigm.

There is a vast literature on these nouns: e.g., [Panov 1968; Muchnik 1971; Graudina et al. 1976; Corbett 1982; 1991; Asarina 2009; Pesetsky 2013; Steriopolu, Wiltschko 2010; Lyutikova 2015; Steriopolu 2019; Matushansky 2013; Caha 2019; Privizentseva, to appear]. In [Slioussar, Magomedova, to appear], we also look at these nouns in more detail using corpus and experimental data. We argue that the availability of feminine agreement in the nominative case relies on analogy: Russian has other feminine nouns with a zero inflection in the nominative singular (namely, class III nouns), but all oblique case singular inflections do not coincide in these classes.

Another problematic group are nouns with diminutive and augmentative suffixes. These suffixes are not supposed to change the gender of the base noun (see [Vinogradov 1947]), but as a result, we get many combinations that do not fit the picture outlined in Table 1. This leads to extensive variation. Studying this variation is the goal of this paper, so we discuss expressive nouns in a separate subsection.

Finally, indeclinable nouns are interesting for the following reasons. Firstly, neuter gender is chosen by default for them, although otherwise masculine is the most frequent. Secondly, their gender may be affected both by semantic analogy (the gender of a declinable noun with a similar meaning) and by their phonology: e.g., nouns ending in *-(j)a* are more likely to be feminine, although in this case, *-(j)a* is not an inflectional affix, but a part of the root. This leads to an even greater gender variation than in expressive nouns, and we study it in a separate paper [Chuprinko et al., to appear, a; b].

Apart from expressive nouns, our paper focuses on the following problem. As Table 1 shows, C'-final nouns can be masculine or feminine (the same is true for nouns ending in *-(j)a*, but they are feminine almost 30 times more often than masculine). In our second study, we show that the distribution of C'-final nouns with different stem-final consonants in two genders is not equal and that native speakers of Russian are sensitive to that.

1.3. Nouns with diminutive and augmentative affixes

Russian has a great variety of diminutive and augmentative affixes. Normally, nominal derivational affixes are associated with a particular set of inflectional affixes, which define the gender of the derived word:

- (1) *grib*-Ø ‘mushroom_M’ → *grib-nic-a* ‘mycelium_F’, *grib-nik*-Ø ‘mushroom collector_M’

The picture with expressive affixes is more complex. A number of examples are given in Table 2. Firstly, some affixes are associated with two sets of inflections. Secondly, diminutive and augmentative

nouns may keep the gender of the base noun (henceforth, we will call it the ‘base gender’).⁴ Since we study gender variation in these nouns, we do not indicate their gender in Table 2 and elsewhere—only when corpus or experimental examples with particular gender agreement are analyzed.

Table 2

**Some diminutive and augmentative affixes, inflections associated with them
and declensions associated with these inflections**

Expressive suffixes	Declension	Examples
Diminutive: <i>-ok-Ø</i> , <i>-ek-Ø</i> , <i>-ik-Ø</i> , <i>-čik-Ø</i>	class I (M)	<i>stul’čik</i> ‘chair _{DIM} ’ from <i>stul</i> ‘chair _M ’ <i>vinčik</i> ‘wine _{DIM} ’ from <i>vino</i> ‘wine _N ’
Diminutive: <i>-k-a</i> , <i>-onk-a</i> , <i>-en’k-a</i> Augmentative: <i>-in-a</i> , <i>-(j)ug-a</i> , <i>-(j)ar-a</i>	class II (predominantly F)	<i>knižonka</i> ‘book _{DIM} ’ from <i>kniga</i> ‘book _F ’ <i>zver’juga</i> ‘animal _{AUG} ’ from <i>zver</i> ‘animal _M ’
Diminutive: <i>-išk-a/o</i> , <i>-yšk-a/o</i> , <i>-(j)ušk-a/o</i> Augmentative: <i>-išč-a/e</i>	class II (predominantly F) or IV (N)	<i>rybiščale</i> ‘fish _{AUG} ’ from <i>ryba</i> ‘fish _F ’ <i>kotiška/o</i> ‘cat _{DIM} ’ from <i>kot</i> ‘cat _M ’

Many researchers claimed that expressive suffixes do not change the base gender in Russian [Vinogradov 1947; Corbett 1982; Hippisley 1996; Rice 2005]. Several more recent papers noted that in real usage, variation is observed [Doleschal 2000; Savchuk 2011; Sitchinava 2011], but did not explore how extensive this variation is or which factors are relevant. Our paper aims to fill this gap.⁵

Expressive suffixes were also analyzed in many works by Olga Steriopolo [Steriopolo 2008; 2015; 2017; Steriopolo et al. 2021]. Initially, she argued that some suffixes always change the base gender, while the others never do, and developed an account in the Distributed Morphology framework. In [Steriopolo et al. 2021], she argues that suffixes with emotive meaning always change the base gender, while suffixes with size meaning never do. In [Steriopolo 2017], she admits the existence of some variation, but only for animate nouns, and attempts to explain it with underspecification of a gender feature for common gender nouns. Our data do not confirm these hypotheses: extensive gender variation was found both for animate and for inanimate nouns, and it did not correlate with the meaning of the suffix.

1.4. Markedness

Asymmetries between different gender or number features are usually explained in terms of feature markedness. However, the very definition of markedness depends on the theoretical framework (see, e.g., [Haspelmath 2006] for an overview). Structural approaches

⁴ Expressive suffixes are often considered to be between inflectional and derivational, as they do not create a word with a new meaning, only add a nuance [Booij 2000]. We will call them derivational in this paper, but our data do not bear on this question.

⁵ Notably, some researchers claim that in case of affixes like *-išč-a/e*, the *-a* variant is used with feminine base nouns, and the *-e* version with masculine and neuter base nouns — see [Russian grammar 1980, I: 213; A reference grammar of Russian 2004: 146; Privizentseva, to appear]. This would be logical, but, paradoxically, language defies this simple logic. Naturally occurring data we collected show that this is definitely not the case: e.g., *mašinišč-e* ‘car_{AUG}’ from *mašina* ‘car_F’ or *domiška* ‘house_{DIM}’ from *dom* ‘house_M’ can be easily found, more examples are provided in Table 2 and below. However, we did not analyze how frequently different variants are selected depending on the base noun — we plan to come back to this problem in our further research, also taking case into account. In this study, we took various expressive nouns as a starting point and analyzed their gender agreement options.

rely on the so-called representational markedness: a [+a] feature value is more marked than a [-a] value, and absence of a feature is usually assumed to be the least marked option. As a result, the least marked (or ‘unmarked’) forms are expected to appear in structures where no gender feature is available (e.g., in impersonal constructions such as *Stemnelo* ‘It got dark’). In case of derived nouns, structural approaches usually predict that some affixes will always change the gender of the base noun, while the others never will, are not well suited to describe variation and definitely do not predict that the unmarked option should be the most frequent.

In competition-based theories, like Optimality Theory (OT), the unmarked gender is the default, which is used when there are no specific requirements for gender assignment. It is expected to be the most frequent and the most productive. A similar approach to markedness is adopted in many functional and typological studies. The classic version of OT does not describe variation, but OT-based probabilistic theories, like Harmonic Grammars and Maximum Entropy models, are specifically geared to account for it. In any case, the unmarked option is expected to have higher chances to be selected — also in case of gender of derived nouns.

Very often, these approaches point to the same feature value as unmarked: for example, to the singular value of the number feature. However, this is not the case for Russian gender. Masculine is the most frequent in Russian, while neuter is the least frequent (see Table 1), but neuter is used in impersonal constructions.

Structural approaches consider neuter to be unmarked in Russian (e.g., [Kramer 2015; Matushansky 2015; Nevins 2011]) and encode this intuition in the representation of gender features. For example, for Nevins, feminine is [+FEM], [-MASC], masculine is [-FEM], [+MASC] and neuter is [-FEM], [-MASC]. Kramer encodes feminine as [+FEM], masculine as [-FEM] and neuter corresponds to no gender features. Optimality-theoretic approaches consider masculine to be unmarked (e.g., [Rice 2005]), while neuter is considered to be the most marked. This view is shared by many other authors from different frameworks, e.g., [Jakobson 1960]. Finally, some authors consider masculine to be unmarked on the word level and neuter to be unmarked on the sentence level [Corbett, Fraser 2000].

Several experimental studies looking at agreement processing in Russian found that masculine behaves differently from the two other genders [Akhutina et al. 1999; 2001; Romanova, Gor 2017; Slioussar 2018]. Slioussar and Malko [2016], who studied gender agreement attraction⁶ in production and in comprehension, found that neuter behaves as unmarked in the former case and masculine in the latter. A series of earlier similar production experiments on Slovak [Badecker, Kuminiak 2007], in which the gender system is similar to Russian, revealed the same picture: neuter behaved as unmarked.

We think that there is no ‘correct’ approach to the problem of gender markedness. Masculine is special in one sense, and neuter in some other. We will formulate our view on this problem in the discussion section.

2. Study 1: Gender assignment in expressive nouns

In our study of expressive nouns, we could not use traditional corpora because the variation we are interested in is usually beyond the literary norm, and corpora mostly contain edited

⁶ Attraction errors (such as the number error in the example *The key to the cabinets are rusty*, in which the dependent noun, an attractor, disrupts subject-predicate agreement) were demonstrated to occur more frequently in production and to be missed more easily in comprehension in various languages. It was also noted that the effect depends on the feature values of the attractor and the head: for example, when the head is plural and the attractor is singular, no attraction is observed. This made attraction important for the study of feature markedness.

texts. Therefore, we used the web-as-a-corpus approach and searched the internet for different examples for which the base gender and inflectional affixes give conflicting cues, to see which gender agreement is possible for them. After that, we conducted an experiment with a subset of such nouns to find out which derivate gender is preferred by native Russian speakers. This subset was balanced according to several factors that we identified as relevant in the web-as-a-corpus study — the base gender, the inflection of the derivate, and its animacy, — so we could estimate their influence numerically.

2.1. Web-as-a-corpus data

Compiling a complete list of Russian expressive nouns is not feasible, so providing numerical data (such as the share of nouns with a given combination of gender assignment cues that show masculine agreement) is difficult. Therefore, the goal of this part of the study was mostly to establish what is possible and frequent and what is not: which combinations of the base gender, inflections, and derivate gender are easily found on the web and which can hardly be found. We used the Google search engine (www.google.com).

We took the animacy scale into account, dividing our examples into three groups: denoting people, denoting animals, and inanimate. The gender feature is semantically loaded for the first group and semantically empty for the third one, while the situation in the second group is complicated, so this factor may be relevant for derivate gender assignment. We did not observe any correlations between gender change and the meaning of the suffix (diminutive vs. augmentative, emotive vs. size-related).

Our first general observation was that for masculine and feminine base gender, all combinations of inflections and derivate gender can easily be found — examples are provided below. However, nouns with neuter base gender almost never select expressive affixes associated with class I or class II inflections. We could find only several examples like *jajco* ‘egg_N’ — *jajčik* ‘egg_{DIM}’, *pivo* ‘beer_N’ — *pivčik* ‘beer_{DIM}’ or *odejalo* ‘blanket_N’ — *odejalka* ‘blanket_{DIM}’. These examples showed masculine or feminine agreement, respectively, which can be explained by their class I and class II inflections, but, since they are very few and very infrequent, it is hard to make any conclusions based on them.

Nouns with masculine base gender usually keep their base gender in case of conflicting cues, but many examples of gender change can also be found. Below, examples with different inflections and occupying different positions on the animacy scale are provided.

(2) Masculine base gender + inflection -a (class II) = masculine agreement

a. inanimate

Da i pidžačonka takoj byl... nu takoj prjam :)
 and also jacket_{DIM,NOM.SG} such_{M,NOM.SG} was_{M.SG} well such_{M,NOM.SG} just
 ‘And the jacket_{DIM} was also like... well, just like, you know.’

b. animal

Vidal? Dikij zverjuga!
 saw_{M.SG} wild_{M,NOM.SG} animal_{AUG,NOM.SG}
 ‘[You] saw [it]? A wild beast_{AUG}!’

c. human

Ne kapitan s gvozdem, praporiška nesčastnyj.
 not captain_{NOM.SG} with nail_{INS.SG} ensign_{DIM,NOM.SG} pitiful_{M,NOM.SG}
 ‘Not a captain with a nail, but a pitiful ensign_{DIM}.’

(3) Masculine base gender + inflection -a (class II) = feminine agreement

a. inanimate

Mal'čik milyj, tol'ko pidžačonka kvelaja.
 boy_{M.NOM.SG} nice_{M.NOM.SG} just jacket_{DIM.NOM.SG} tacky_{F.NOM.SG}
 'The boy is nice, just his jacket_{DIM} is tacky.'

b. animal

Moj pēs — zverjuga na redkost' spokojnaja.
 my_{M.NOM.SG} dog_{NOM.SG} animal_{AUG.NOM.SG} rarely calm_{F.NOM.SG}
 'My dog is a surprisingly calm animal_{AUG}.'

c. human

Praporiška ty naša, ty prosto njaška.
 ensign_{DIM.NOM.SG} you our_{F.NOM.SG} you simply sweetie_{NOM.SG}
 'You [little] ensign_{DIM}, you are such a sweetie.'

(4) Masculine base gender + inflection -o/e (class IV) = masculine agreement

a. inanimate

Umišče-to kakoj u našego brata mužika!
 mind_{AUG.NOM.SG}-PART what_{M.NOM.SG} at our_{M.GEN.SG} brother_{GEN.SG} man_{GEN.SG}
 'How clever we are, simple men! Lit.: What a mind_{AUG} our brother simple man has!'

b. animal

Bezumno krasivyj i obajatel'nyj kot'iško!
 insanely beautiful_{M.NOM.SG} and charming_{M.NOM.SG} cat_{DIM.NOM.SG}
 'An incredibly beautiful and charming kitty_{DIM}!'

c. human

Voobšče etot Lučnikov naivnyj idiotiško okazalsja.
 generally this_{M.NOM.SG} Luchnikov_{NOM.SG} naïve_{M.NOM.SG} idiot_{DIM.NOM.SG} turned_out_{M.SG}
 'Generally, that Luchnikov turned out to be a naïve idiot_{DIM}.'

(5) Masculine base gender + inflection -o/e (class IV) = neuter agreement

a. inanimate

Eto že umišče kakoe nado imet' fašistskoe...
 this PART mind_{DIM.ACC.SG} what_{N.ACC.SG} must have_{INF} fascist_{ADJ.N.ACC.SG}
 'What a fascist mind one must have (to come to this)...'

b. animal

Vot moë kotiško)))
 here my_{N.NOM.SG} cat_{DIM.NOM.SG}
 'Here is my kitty_{DIM}.'

c. human

Tupoe švedskoe idiotiško!
 stupid_{N.NOM.SG} Swedish_{N.NOM.SG} idiot_{DIM.NOM.SG}
 'A stupid Swedish idiot_{DIM}!'

Nouns with feminine base gender change it much more often than the ones with masculine base gender, but, as (6)–(9) show, examples of both types (with changed and unchanged gender) can still be found. As far as we can judge, the only exceptions are C-final derivates. They always change their gender to masculine if they are inanimate or denote animals, feminine agreement can be found only with nouns denoting humans. A similar picture can be found in the very few examples with neuter base gender and class I inflections (e.g., *jajco* 'egg_N' — *jajčik* 'egg_{DIM}').

- (6) Feminine base gender + inflection -Ø (class I) = feminine agreement

a. inanimate: no examples found

b. animal: no examples found

c. human

Mamčik pozvonila v školu..
 mom_{DIM.NOM.SG} called_{F.SG} to school_{ACC.SG}
 ‘Mommy_{DIM} called the school...’

- (7) Feminine base gender + inflection -o/e (class IV) = feminine agreement

a. inanimate

Vooružennye ljudi v forme i ogromnaja mašinišče.
 armed_{NOM.PL} people_{NOM.PL} in uniform_{LOC.SG} and giant_{F.NOM.SG} car_{AUG.NOM.SG}
 ‘Armed people in uniform and a giant car_{AUG}.’

b. animal

Mgnov’enno rybki isčezli i pokazalas’ rybišče.
 immediately fishes_{DIM.NOM.PL} disappeared_{PL} and appeared_{F.SG} fish_{AUG.NOM.SG}
 ‘Immediately the [little] fishes_{DIM} disappeared, and a [huge] fish_{AUG} appeared.’

c. human

Tam moja babuško i deduško.
 there my_{F.NOM.SG} grandma_{DIM.NOM.SG} and grandpa_{DIM.NOM.SG}
 ‘My grandma_{DIM} and grandpa_{DIM} are there.’

- (8) Feminine base gender + inflection -Ø (class I) = masculine agreement

a. inanimate

Vkusnyj bulčik
 yummy_{M.NOM.SG} bun_{DIM.NOM.SG}
 ‘A yummy bun_{DIM} (the title of a YouTube video).’

b. animal

Segodnja prixodil milen’kij sobačok.
 today came_{M.SG} cute_{M.NOM.SG} dog_{DIM.NOM.SG}
 ‘A cute doggy_{DIM} came today.’

c. human

Mamčik prišël — obradovalas’ dočka.
 mom_{DIM.NOM.SG} came_{M.SG} cheered_{F.SG} daughter_{NOM.SG}
 ‘“Mommy_{DIM} came,” — cheered up the daughter.’

- (9) Feminine base gender + inflection -o/e (class IV) = neuter agreement

a. inanimate

Krutoe mašinišče, blestjavoe!
 cool_{N.NOM.SG} car_{AUG.NOM.SG} shiny_{N.NOM.SG}
 ‘It’s a cool, shiny car_{AUG}!’

b. animal

A čto eto za rybišče takoe interesnoe?
 and what this for fish_{AUG.NOM.SG} such_{N.NOM.SG} interesting_{N.NOM.SG}
 ‘And what an interesting fish_{AUG} is this?’

c. human

Roždestvenskaja istorija pro omskoe babuško.
 Christmas_{ADJ.F.NOM.SG} story_{NOM.SG} about Omsk_{ADJ.N.ACC.SG} grandma_{DIM.ACC.SG}
 ‘A Christmas story about a grandma_{DIM} from Omsk.’

We have also found several examples with feminine and neuter mixed cues showing masculine agreement:

- (10) Feminine base gender + inflection *-o/e* (class IV) = masculine agreement
Očen' mn'e ponravils'a — delovityj, uverennyj v sebe sobačiško.
very me_{DAT} appealed_{M.SG} busy_{M.NOM.SG} confident_{M.NOM.SG} in self dog_{DIM.NOM.SG}
'I liked him very much — such a busy, confident doggy_{DIM}.'

To summarize, we found extensive gender variation in expressive nouns. The following factors may have influence: the base gender, the inflectional class, and animacy. We also observed different patterns for the three genders. Masculine base gender is preserved more often than feminine, while neuter nouns just do not attach expressive affixes associated with other genders. Inflections associated with masculine gender (class I) trigger gender change more often than those associated with feminine (class II) or neuter (class IV). To estimate the role of these factors numerically, we conducted an experiment.

2.2. Experimental data

2.2.1. Experiment 1: Method

Thirty native speakers of Russian (17 female and 13 male) volunteered to take part in the experiment. Their age ranged from 18 to 45, the mean age being 23.5. They all provided informed consent.

The materials were 40 nouns with diminutive and augmentative affixes (*-ok-Ø*, *-ek-Ø*, *-ik-Ø*, *-čik-Ø*, *-išk-a/o*, *-(j)ušk-a/o*, *-išč-a/e*, *-in-a*, *-(j)ug-a*, *-(j)ar-a*). We checked on the internet that they all occur naturally. Their properties are listed in Table 3. We did not include neuter base gender because, as we noted in the previous section, such nouns almost never attach expressive affixes that could trigger gender change. To distract participants' attention from the goal of the study, we also included 40 filler nouns and pseudonouns without expressive affixes (animate and inanimate, from different declensions, masculine, feminine, or neuter).

Table 3

Fourty nouns with expressive affixes used as stimuli

Base gender	Inflection	Animacy
M	<i>-a</i> : class II (F)	5 nouns denoting people and 5 inanimate nouns
	<i>-o/e</i> : class IV (N)	5 nouns denoting people and 5 inanimate nouns
F	<i>-Ø</i> : class I (M)	5 nouns denoting people and 5 inanimate nouns
	<i>-o/e</i> : class IV (N)	5 nouns denoting people and 5 inanimate nouns

To avoid asking participants explicitly about the gender of stimulus nouns, we instructed them to select an adjective from the list for every stimulus noun. During the experiment, nouns were shown one by one on the computer screen, and participants were asked to say aloud the combination of the selected adjective and the noun. The list contained seven adjectives with stressed inflections (to avoid problems due to unstressed vowel reduction): *krutoj* 'cool', *rodnoj* 'native, dear', *ploxo*j 'bad', *zlo*j 'evil', *bol'soj* 'big', *nebol'soj* 'not big, small', and *tako*j 'such' (we instructed to select the last option if the others are not suitable). As a result, participants thought that the experiment was about semantic connotations of different nouns, while in fact we were interested in gender agreement.

In the instruction, the adjectives from the list were provided in the three gender forms (in nominative singular) not to prime any gender. Remembering these adjectives during the experiment could be difficult, so we printed out a reminder that we gave to the participants while they were reading the instruction. The reminder contained only the beginnings of the adjectives: e.g., *krut...* for *krutoj* ‘cool’, *bol’s...* for *bol’soj* ‘big’, etc. Participants believed that this was done so that they could remember the adjectives faster, but the true reason was again not to prime any gender with the inflections.

Participants passed the experiment one by one in a quiet room. We used the *PsyScope* platform (<http://psy.ck.sissa.it/>) to demonstrate the instruction and stimuli and recorded participants’ answers. First the experimenter pressed a key and a fixation point appeared in the center of the screen (1000 ms), followed by a stimulus noun (500 ms). Then the blank screen was demonstrated until the participant pronounced the selected adjective and the noun. After that, the experimenter pressed a key again, and the next trial started.

The order of stimulus presentation was random. We selected the interval of 500 ms so that participants could read stimuli, but could not start thinking about them deeply. The main experiment was preceded by a training session.

2.2.2. Experiment 1: Results and discussion

We collected 1200 answers. In 614 out of them (51%), expressive derivatives did not preserve the base gender. The feminine base gender was lost in 461 cases (77%), while the masculine base gender was lost only in 153 cases (26%). Gender changes were not random and were predominantly triggered by the inflectional affix, as expected (92% cases). But in 47 examples, masculine gender was assigned to nouns with feminine base gender and suffixes ending in *-o* or *-e* (class IV). We will come back to these cases in the discussion section. Table 4 presents the results in more detail.

Table 4

The results of the Experiment 1

Base gender	Inflection	Observed base gender change
M	<i>-a</i> : class II (F)	in 90 out of 300 answers (30%) changed to F
	<i>-o/e</i> : class IV (N)	in 63 out of 300 answers (21%) changed to N
F	<i>-Ø</i> : class I (M)	in 282 out of 300 answers (94%) changed to M
	<i>-o/e</i> : class IV (N)	in 132 out of 300 answers (44%) changed to N in 47 out of 300 answers (16%) changed to M

The statistical analysis was done in the R programming environment (www.r-project.org). We built mixed effects logistic regressions with random slopes and random intercepts by participants and by items. We used the *glmer* function from the *lme4* package [Bates et al. 2015]. For post hoc analyses, Tukey’s tests were conducted using the *glht* function from the *multcomp* package [Bretz et al. 2010]. We used binary factors coded as 1 vs. 0 as fixed effects, namely: masculine base gender, feminine base gender, final *-o/e*, final *-a*, final C (hard consonant), stress position (on the suffix vs. on the stem), animacy, diminutive meaning, augmentative meaning, emotive meaning of the adjective, size-related meaning of the adjective. We have built a separate model for each factor.

Both the base gender and the inflection appear to be highly relevant: the former is preserved in 49% answers, while the latter triggers changes in 47% answers (the remaining 4% cases changed to masculine despite feminine and neuter mixed gender cues). We found that masculine base gender is significantly more likely to be preserved than feminine ($\beta = -3.84$, $SE = 0.68$,

$p < 0.001$). The zero inflection (final C, associated with masculine) is significantly more likely to trigger gender change than *-a* (associated with feminine) or *-o/e* (associated with neuter) ($\beta = -5.39$, $SE = 1.16$, $p < 0.001$; $\beta = -4.69$, $SE = 0.82$, $p < 0.001$, respectively). The difference between *-a* and *-o/e* did not reach significance.

49% animate nouns and 52% inanimate nouns changed their base gender, and this difference was not significant. Combining web-as-a-corpus and experimental data, we can conclude that animacy might play an important role in some cases, but on average, its influence is weak. For example, C-final expressive nouns may preserve their feminine base gender only when they denote people, but, since they change it in the absolute majority of cases, this categorical difference (possible vs. impossible) gives very small numerical effects.

We also estimated the influence of several other factors, but none of them were significant. We checked stress position (on the suffix vs. on the stem), expressive suffix meaning (diminutive vs. augmentative), age and sex of the participants. We compared every suffix to all the others and found that none of them showed idiosyncratic behavior.

As we noted in the introduction, Steriopo et al. [2021] claimed that suffixes with emotive meaning trigger gender change, while suffixes with size meaning do not. However, we found no correlations between adjective choice and gender change, not even a tendency. We also saw no evidence of such correlation in our web-as-a-corpus data.

Finally, some suffixes we used are associated with two different inflectional classes, e.g., *-išk-a/o* with class II (predominantly feminine) and class IV (neuter) (see also Table 2). Somewhat surprisingly, this does not preclude Russian speakers from deriving words like *stjuardessiško* ‘female flight attendant_{DIM}’ from *stjuardessa*, although the *-išk-a* variant could be used, avoiding a gender conflict. Words like *stjuardessiško* were among our stimuli and showed variable agreement.

We can conclude that two factors are predominantly responsible for gender variation in expressive nouns: the base gender and the inflection of the derivate. For both factors, masculine gender has a special status. It is preserved significantly more often and triggered by the inflection significantly more often than feminine or neuter. Moreover, all (relatively few) examples that cannot be explained by these two factors have masculine gender.

3. Study 2: Gender assignment depending on the stem-final consonant

As we noted in the Introduction, the correlation between gender and declensions is very strong in Russian and shows up in different cases, gender assignment in expressive nouns being only one of them. The goal of our first study was not to establish this fact as such, but to explore the details. In our second study, we focus on a correlation that is much less obvious.

Table 1 shows that while C-final nouns can only be masculine (with the exception of indeclinable nouns and nouns with defective paradigms), C'-final nouns can be both masculine and feminine. C'-final nouns ending in alveolo-palatal and postalveolar consonants have different spelling rules depending on their gender. Feminine nouns have the soft sign «ь» at the end (it does not affect pronunciation), while masculine nouns do not (cf. *rož'* «рожь» ‘rye_F’ and *muž* «муж» ‘husband_M’). No obvious orthographic or phonological cues are available for C'-final nouns ending in a palatalized consonant: their gender cannot be determined from their nominative singular form (cf. *len'* «лень» ‘laziness_F’ and *den'* «день» ‘day_M’).

However, several authors noted that the distribution of C'-final nouns between the two genders depends on the particular stem-final segment [Vrabie 1992; Nessel 2003]. They did not test their observations statistically. We provide a statistical analysis of dictionary data and test whether native speakers are sensitive to these correlations in an experiment with nonce words. Our results show that gender assignment depends not only on inflections, but also on the phonological properties of the stem.

3.1. Dictionary data

The distribution of genders in C'-final nouns was investigated by Emil Vrabie [1992] based on four Russian dictionaries [BAS 1948–1965; MAS 1981–1985; Ozhegov 1960; Ushakov 1935–1940] and later by Tore Nesset [2003] based on the *Grammatical Dictionary of the Russian Language* [Zaliznyak 1987]. Both authors found that the phonological properties of the stem-final segment are important, but did not provide a statistical analysis, so we do so below. In Table 5, we summarize some dictionary and corpus data illustrating that the gender distribution is indeed not random. For the statistical analysis, we used the dictionary compiled by Hagen [2018], which is based on several popular dictionaries of Russian and extended with novel words from web sources.

Table 5

C'-final nouns in the grammatically disambiguated subcorpus of the Russian National Corpus (RNC)⁷, in the *Grammatical Dictionary of the Russian Language* (GDRL) [Zaliznyak 1987] and in the Hagen dictionary [Hagen 2018]

Final consonant	RNC (Nom.Sg forms)		GDRL (lemmas)		Hagen (lemmas)	
	M	F	M	F	M	F
/b'/	34 (24%)	110	1	11	—	13
/p'/	3 (2%) ⁸	169	—	19	—	22
/v'/	13 (1%)	1448	1	20	1	21
/f'/	0	2	—	2	—	2
/m'/	0	16	—	3	—	5
/d'/	748 (51%)	707	10	55	5	59
/t'/	713 (5%)	13184	17	3414	8	5508
/z'/	319 (49%)	327	7	34	3	37
/s'/	80 (14%)	491	5	57	1	60
/n'/	2354 (45%)	2842	126	112	102	115
/r'/	2160 (76%)	677	177	34	63	28
/l'/	6648 (71%)	2653	1083	215	681	224

The Hagen dictionary contains 8552 C'-final nouns. For the statistical analysis, we excluded all nouns with two highly frequent suffixes: *-tel'* associated with the masculine (940 nouns) and *-ost'* associated with the feminine (5333 nouns). This left us with 2272 nouns, 1750 inanimate and 522 animate. The influence of animacy on gender is not always straightforward, therefore we calculated statistics on two sets: with animate nouns and without them. The results were very similar, so below, statistics on the full set are provided.

The statistical analysis was done in the R programming environment (www.r-project.org). We used general logistic regressions.

We found that the place of articulation and sonority of the stem-final segment significantly affect the gender distribution. There are only two masculine nouns with labial or labiodental stem-final segments: *golub'* 'pigeon_M' and *červ'* 'worm_M', so in this group, conducting a statistical analysis does not make any sense. Nouns ending in coronal obstruents are significantly more often feminine than masculine ($\beta = -3.64$, $SD = 0.25$, $p < 0.001$), while nouns ending in sonorants

⁷ The counts are based on [Slioussar, Samoilova 2015].

⁸ These three forms are *rup'* (a reduced form of the noun *rubl'* 'ruble').

are significantly more often masculine ($\beta = 0.53$, $SD = 0.09$, $p < 0.001$). Nouns ending in alveolo-palatal and postalveolar consonants, in which the gender is signaled orthographically, by the presence or absence of the soft sign, are significantly more often masculine ($\beta = 2.08$, $SD = 0.14$, $p < 0.001$). In general, feminine nouns occur in all groups, while masculine nouns tend to concentrate in groups with strident and sonorant stem-final segments.

3.2. Experimental data

We conducted two experiments to test whether native speakers of Russian are sensitive to the generalizations concerning the stem-final segment. The first one was a pilot study that was included in the Experiment 1 on gender assignment to expressive nouns described above. The second one (Experiment 2) was an independent study in which we used more stimuli and a different method to facilitate data collection.

3.2.1. Pilot study

When describing Experiment 1, we mentioned that apart from expressive nouns, we used 40 real and nonce nouns without diminutive or augmentative suffixes as fillers. Among them, there were 12 real and 12 nonce nouns ending in palatalized consonants, on which we focus in this section. The design of the experiment was presented above, so here we will only discuss the stimuli and the results.

In the real group, six nouns were masculine and six feminine. They had the following stem-final consonants: /b'/, /d'/, /n'/, /l'/. We collected 360 answers and found only seven errors in gender assignment: three errors with *žen'sen'* 'ginseng_M', two errors with *stupen'* 'step_F', one error with *kisel'* 'starch drink_M' and with *prorub'* 'ice-hole_F'. Obviously, with such a low number of errors no interesting conclusions can be made — only that the participants paid enough attention to the task. The high accuracy is not surprising because native Russian speakers in general do not have problems with determining the gender of a noun unless there is variation — see, e.g., [Rusakova 2013].⁹

As for the 12 nonce nouns, we had two examples with each of the following stem-final segments: /b'/, /d'/, /s'/, /n'/, /l'/, /r'/. The results for them are presented in Table 6 (p. 21). The share of masculine answers changes depending on the final consonant.

For the statistical analysis, we used mixed effects logistic regression with random slopes and random intercepts by participants and by items, like in Experiment 1. We found that nonce nouns ending in -l' and -r' were assigned masculine significantly more often than nonce nouns in the other groups ($\beta = 2.48$, $SE = 1.15$, $p = 0.03$; $\beta = 4.00$, $SE = 1.54$, $p < 0.01$, respectively), while other differences were not significant. This indicates that native Russian speakers are indeed sensitive to the properties of the stem-final consonant because, unlike all other palatalized consonants, /r' and /l' are more characteristic for masculine nouns than for feminine nouns.

Let us also note that in total, participants selected masculine gender in 59% answers, while real C'-final Russian nouns are more often feminine than masculine. As many other findings in our paper, this points to a special status of masculine gender. The validity of conclusions from this pilot study may be compromised by the low number of stimuli, so we conducted Experiment 2 to check them on a larger stimulus set.

⁹ Some C'-final nouns show gender variation, usually because of a diachronic gender and declension change from class III feminine to class I masculine [Savchuk 2011], but we did not include such words in the experiment.

Table 6

**The results of the pilot experiment and Experiment 2:
The number and percentage of masculine answers**

Final consonant	Pilot experiment	Experiment 2
/bʹ/	22 (37%)	69 (70%)
/pʹ/	—	68 (69%)
/vʹ/	—	68 (69%)
/fʹ/	—	68 (69%)
/mʹ/	—	70 (71%)
/dʹ/	26 (43%)	65 (66%)
/tʹ/	—	71 (72%)
/zʹ/	—	76 (77%)
/sʹ/	38 (63%)	70 (71%)
/nʹ/	30 (50%)	66 (67%)
/lʹ/	51 (85%)	83 (84%)
/rʹ/	44 (73%)	93 (94%)

3.2.2. Experiment 2: Method

Thirty-three native speakers of Russian (15 female and 18 male) volunteered to take part in the experiment. Their age ranged from 18 to 55, the mean age being 25.1. They all provided informed consent.

The pilot study showed that it made sense to focus on nonce nouns. Therefore, we created 36 nonce nouns with the following stem-final consonants: /bʹ/, /pʹ/, /vʹ/, /fʹ/, /mʹ/, /dʹ/, /tʹ/, /zʹ/, /sʹ/, /nʹ/, /lʹ/, and /rʹ/ (three stimuli for each consonant). We also created 36 filler nonce nouns, 18 ending in a non-palatalized consonant and 18 ending in *-a*, to distract participants' attention from the main goal of the study.

In Experiment 1, we opted for oral production because we wanted our participants to answer as fast as possible, to avoid any metalinguistic considerations on their side (what is normative and what is not, etc.). In case of nonce nouns, the prescriptive norm and other similar considerations cannot affect the answers, so we opted for a written version of the task. It is less immediate, but the experiment was easier to conduct and to analyze.

We presented nonce nouns on the screen as a list and asked participants to come up with an adjective that seemed associated with this word and to type it in the blank provided. The order of stimulus presentation was random. Like in Experiment 1, participants believed that we were interested in semantic connotations of nonce nouns, while we analyzed the gender of the adjectives. We used Google Forms to implement this design.

3.2.3. Experiment 2: Results and discussion

We collected 1188 answers to target nonce nouns. The share of masculine adjectives depending on the stem-final consonant is shown in Table 6. The statistical analysis was the same as in Experiment 1 and in the pilot study: we used mixed effects logistic regression with random slopes and random intercepts by participants and by items.

The results of the pilot study were confirmed on a more representative stimulus set. Nonce nouns ending in *-l'* and *-r'* were again considered masculine significantly more often than other nonce nouns ($\beta = 1.92$, $SE = 0.84$, $p = 0.03$; $\beta = 2.95$, $SE = 0.62$, $p < 0.001$, respectively), while other differences were not significant. The overall percentage of masculine gender was even higher in Experiment 2 than in the pilot study.¹⁰ Although Russian has only one or no masculine nouns in every labial group (ending in */b'/, /p'/, /v'/, /f'/, /m'/*), most answers to such nonce words were masculine. I.e., masculine gender is readily overgeneralized — if the stimulus has the right inflection (the majority of nonce nouns ending in *-a* were classified as feminine).

4. Discussion

Our data may be interesting not only by themselves, but also because they are more easily compatible with some theoretical approaches than with the others. We demonstrate this briefly in this section. Then, we turn to the problem of gender markedness.

4.1. Theoretical approaches

Distributed Morphology, or DM, is the most widespread formal framework in theoretical morphology. It offers a syntax-based approach to morphological structure with gender being a feature on the *n*-head. This framework also argues for late vocabulary insertion: the syntactic tree is built from universal heads and features, while actual morphemes are inserted only at a very late stage, at the interface with the phonological component. In case of gender agreement, a gender feature of the highest *n*-head of the tree is retrieved. Therefore, expressive suffixes may be expected to assign gender in case they are represented as *n*-heads and carry a gender feature [Kramer 2015]. Accordingly, Steriopolo, who argued that certain expressive suffixes or suffixes with certain meanings always change the base gender in Russian, while the others never do, represented the former as syntactic heads and the latter as modifiers [Steriopolo 2008; 2015; 2017; Steriopolo et al. 2021].

What is not expected in this framework is the variation that we observed in our first study — expressive suffixes sometimes change the gender of the base noun and sometimes do not, and this is not defined by the animacy of the noun or the meaning of the suffix. This would require two sets of identical expressive affixes that would differ only in one respect: one suffix in a pair must be a head and the otherwise identical twin must be a modifier. Moreover, even this inelegant solution would not account for the asymmetries between the three genders. It could be compatible with random variation, while we observed that masculine base gender is preserved more often and affixes trigger gender change to masculine more often than to feminine or to neuter.

Another question in formal approaches is whether inflectional class defines gender or vice versa (see, e.g., [Asarina 2009; Kramer 2015; Privizentseva, to appear]). Our first study shows that none of the two categorical answers may be correct. Matushansky [2015] suggests building a more complex system in which lexical gender and inflectional class are among other factors that contribute to the gender assignment, but it has not been developed so far.

Our second study of nouns with palatalized stem-final segments was based on nonce nouns, for which no gender information is stored. Therefore, it is not surprising that native speakers may rely on various analogies with real nouns when they decide on their gender. Still, analogies based on the phonological properties of the final segment are more difficult to encode in DM because

¹⁰ This might have happened because the pilot study had a more heterogeneous set of stimuli, both real and nonce.

in this framework, phonological properties of the root are not available at the stage of gender assignment.¹¹ It is even more difficult to encode how these properties interact with the special status of masculine gender, which is chosen more often in nonce nouns than we would expect based on the distribution of real nouns.

Distributed Morphology and most structural theories assume a separate storage of elements and an abstract structure where these elements are inserted. Relational and constructional approaches to morphology suggest that there is no separate storage: all words are stored in the form of constructions or relational schemes — see, e.g., [Booij 2010; Masini, Audring 2019; Jackendoff, Audring 2019]. Although these theories may have problems accounting for purely syntactic processes, our data on morphological variation are more readily compatible with these approaches.

According to this group of theories, the variation in gender assignment is due to different schemas available in the lexicon. The fact that in Experiment 1, masculine gender was assigned to almost all C-final expressive nouns ignoring their non-masculine lexical gender may be explained by the distribution of C-final nouns in Russian. This group is very numerous and contains only masculine nouns (apart from some indeclinable nouns, nouns with defective paradigms and expressive nouns under discussion). Therefore, schemas with a C-final stem and feminine or neuter gender are either unavailable or extremely rare. The correlation between the stem-final segment and gender in C'-final nouns may be explained in the same way: e.g., schemas with a stem-final sonorant C' and masculine gender are more frequent than analogous schemas with feminine gender, and this influences gender assignment to nonce nouns.

A model of Russian gender developed by Doleschal [2000] is similar in the spirit to Relational Morphology. Doleschal even takes variation into account. She analyzes some expressive examples making important observations, but does not aim to draw a wider picture, identifying the relative importance of different factors that affect variation in this group.

Finally, competition-based approaches, like Optimality Theory (OT), are especially well-suited to account for our data. In OT, different types of information (phonological, syntactic, semantic) may be available at once and different cues may compete during gender assignment. In the classic version of OT, one variant is selected as a result, but OT-based probabilistic theories, like Harmonic Grammars and Maximum Entropy models (e.g., [Boersma, Pater 2016; Goldwater, Johnson 2003; Hayes, Wilson 2008]) were developed to account for variation. If we focus on gender assignment, there is an influential Optimal Gender Assignment Theory built by Rice [2006] on German, French, and Russian data and substantially modified by Corteen [2019] to improve the predictions for German nouns, the model suggested by Galbreath [2010] for Russian, and some others. Importantly, none of these models included gender variation. In [Chuprinko et al. to appear, b], we offer an optimality-theoretic account of gender variation in Russian indeclinable nouns, where an interplay of different factors can also be detected.

At the same time, as we show in the next section, we also need some insights from structural approaches, namely, the concept of representational markedness.

4.2. Gender markedness

Now let us come back to the problem of gender markedness. As we noted in the Introduction, structural approaches assume that neuter is unmarked in Russian, while competition-based and functional approaches view masculine as unmarked. The question is not trivial because both genders may demonstrate some special behavior in different tasks and different contexts.

In the two studies reported in this paper, the special status of masculine could be observed. Masculine base gender was preserved more often, masculine was assigned more often in case

¹¹ Unlike most other DM models, Borer [2003; 2013] suggests that the phonological form of roots and at least some other morphemes must be available for morphosyntactic processes.

of conflicting gender cues. Special properties of the neuter gender did not have a chance to reveal themselves in these studies. However, we know independently that neuter is used in impersonal sentences and is the most frequent gender in indeclinable nouns [Corbett 1982; Muchnik 1971; Murphy 2000; Chuprinko et al., to appear, a; b].

How to reconcile these *prima facie* conflicting observations? We suggest the following solution. We assume that neuter is representationally unmarked, as it is claimed in structural approaches, and therefore tends to be chosen when no gender cues are present. This is the case in impersonal sentences and in indeclinable nouns. As for the special properties of masculine, we believe that they can be explained by its high frequency and productivity. Masculine is also the most diverse gender in terms of the final segments.¹² As a result, if any cues point to masculine, it is more likely to be chosen than any other gender. We would call it a ‘greedy gender’, using an analogy to greedy operators in regular expressions in programming.¹³

A group of examples does not readily fit this picture: in Experiment 1, there were 47 answers in which masculine gender was chosen for the nouns with feminine base gender and suffixes ending in *-o* or *-e* (class IV, associated with neuter). We also found such examples on the internet — one of them was given in (10). One might assume that masculine not only has the strongest cues, but may also be chosen as a last resort option when the system is stuck in case of conflicting cues. However, this solution would be difficult to reconcile with the choice of neuter in impersonal sentences or with its prevalence in indeclinable nouns.

The 47 examples in question ended in *-išče* and *-iško*. We analyzed all nouns with these affixes in the *Grammatical Dictionary of the Russian Language* [Zaliznyak 1987] and found that nouns classified as masculine were more numerous than those classified as neuter.¹⁴ Of course, the dictionary mostly ignores variation observed in real usage, but this still means that many *-išče* and *-iško* nouns with masculine agreement can be found. We argue that these affixes become associated not only with neuter, but also with masculine as a result. This can explain why masculine was used in the 47 answers under discussion without assuming that masculine is chosen as a last resort option in some cases and neuter in the others.

Our approach may also be used to account for discrepancies in the previous experimental findings. As we discussed in the introduction, Slioussar and Malko [2016], who studied gender

¹² Many patterns found in the nominative singular in feminine and neuter can also be found in masculine: there are masculine nouns ending in *-a* like *papa* ‘dad’; masculine nouns ending in *-o* and *-e* like *domiško* ‘house_{DIM}’ and many other expressive derivatives that preserved their base gender; masculine nouns with zero inflections ending in all possible consonants. Feminine nouns with zero inflections can only end in alveolo-palatal, postalveolar and palatalized consonants, while neuter nouns always end in vowels. There are also indeclinable masculine nouns with endings not typical for nominative singular forms, like *-i* in *viski* ‘whiskey’ or *-u* in *kenguru* ‘kangaroo’.

¹³ Most structural approaches assume that the absence of any features is the least marked option: e.g., for Kramer [2015], feminine is [+FEM], masculine is [−FEM], and neuter corresponds to no gender feature in Russian. Adamson and Šereikaitė [2019] develop a different account for Lithuanian. Lithuanian has three genders, like Russian, but nouns may be only masculine or feminine. Neuter agreement can be found only in impersonal constructions, with pronouns meaning ‘nothing’ or ‘nobody’, etc. For this reason, Adamson and Šereikaitė encode neuter as the absence of gender features, but do not see this option as a part of the markedness hierarchy, as it is not realized on any noun. In their system, masculine (encoded as [−FEM]) is regarded as the least marked option. Adamson and Šereikaitė’s approach cannot be applied to our data because Russian does have neuter nouns, while our approach has a potential to be extended to their data, providing an alternative explanation why both neuter and masculine show special properties in Lithuanian and getting rid of the uncommon assumption that the absence of any features is not the least marked option. We leave this question for further research.

¹⁴ In general, masculine nouns are dramatically more frequent than neuter nouns in Russian (especially if we do not take into account abstract neuter nouns formed with several productive suffixes), so, even though they attach a great variety of expressive affixes, while neuter nouns strongly prefer class IV affixes, masculine nouns turn out to be more numerous even in the class IV affix group.

agreement attraction in Russian, found that in production, neuter showed special properties usually associated with the unmarked feature value, while in comprehension, masculine was different from the two other genders. We believe that neuter attractors are the least disruptive for gender agreement in production because the neuter feature is the least marked representationally and thus the least noticeable. At the same time, gender agreement errors with masculine subjects are the most noticeable in comprehension — probably, because masculine as the most frequent gender with the strongest cues projects the strongest expectations about the gender of the upcoming predicate (see also [Slioussar 2018] and [Akhutina et al. 1999, 2001; Romanova, Gor 2017] on attributive agreement).

5. Conclusions

In this paper, we demonstrated that Russian nouns with diminutive and augmentative affixes exhibit gender variation and estimated the role of different factors affecting this variation using web-as-a-corpus and experimental data. Two factors were identified as crucial: the gender of the base noun and the inflection associated with the expressive suffix. Animacy is also relevant because it excludes certain options (expressive nouns ending in a non-palatalized consonant with non-masculine base gender may preserve their base gender only when they denote people), but numerically, its influence is small because the options it excludes are not frequent anyway. The meaning of the suffixes (diminutive vs. augmentative, emotive vs. size-related) did not play any role, although the latter distinction was argued to be crucial by Steriopolo et al. [2021].

We also focused on the observation made by [Vrabie 1992; Nessel 2003] that the gender of nouns with a zero inflection in nominative singular and a palatalized, alveolo-palatal or post-alveolar consonant at the end of the stem depends on the phonological properties of this consonant. We supported this observation with more data and a statistical analysis. In an experimental study, we demonstrated that native Russian speakers are sensitive to this generalization.

We explored the implications of our findings for different approaches in theoretical morphology and for the problem of gender markedness. Our data are not readily compatible with structural frameworks like Distributed Morphology, but can be modelled in optimality-theoretic, relational, or constructional approaches, in which different types of information (phonological, syntactic, semantic) may be available at once and different cues may compete during gender assignment. At the same time, our data support the validity of the concept of representational markedness that is introduced in structural approaches.

Different authors disagreed upon which gender is unmarked in Russian: masculine or neuter. We argue that neuter is the least marked representationally, so it is used in impersonal sentences and is the most frequent gender in indeclinable nouns — when gender assignment cues are absent or very weak (see [Chuprinko et al., to appear, a; b] for a detailed analysis). Masculine is a greedy class due to its highest productivity, frequency, and diversity of surface forms. Therefore, it has the strongest cues and tends to be chosen more often than other genders in case of conflict. This approach explains the observations we made in this study, as well as other reported findings.

ABBREVIATIONS

ACC — accusative	F — feminine	M — masculine
ADJ — adjective	GEN — genitive	N — neuter
AUG — augmentative	INF — infinitive	NOM — nominative
DAT — dative	INS — instrumental	OT — Optimality Theory
DIM — diminutive	LOC — locative (“prepositional case”)	PL — plural
DM — Distributed Morphology		SG — singular

REFERENCES

- A reference grammar of Russian 2004 — Timberlake A. (ed.). *A reference grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Adamson, Šereikaitė 2019 — Adamson L., Šereikaitė M. Gender representation and defaults in Lithuanian. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2019, 4(1): Article 121.
- Akhutina et al. 1999 — Akhutina T., Kurgansky A., Polinsky M., Bates E. Processing of grammatical gender in a three-gender system: Experimental evidence from Russian. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1999, 28: 695–713.
- Akhutina et al. 2001 — Akhutina T., Kurgansky A., Kurganskaya M., Polinsky M., Polonskaya N., Larina O., Bates E., Appelbaum M. Processing of grammatical gender in normal and aphasic speakers of Russian. *Cortex*, 2001, 37: 295–326.
- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by itself: Stems and inflectional classes*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Asarina 2009 — Asarina A. Gender and adjective agreement in Russian. Handout presented at the 4th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society, Univ. of Zadar, Croatia, 2009.
- Badecker, Kuminiak 2007 — Badecker W., Kuminiak F. Morphology, agreement and working memory retrieval in sentence production: Evidence from gender and case in Slovak. *Journal of Memory and Language*, 2007, 56: 65–85.
- BAS 1948–1965 — Chernyshev V. I., Barkhudarov S. G., Vinogradov V. V., Filin F. P. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1948–1965.
- Bates et al. 2015 — Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. *lme4: Linear mixed-effects models using Eigen and S4*. R package version 1.1–8. <http://CRAN.R592project.org/package=lme4>. 2015.
- Boersma, Pater 2016 — Boersma P., Pater J. Convergence properties of a gradual learning algorithm for Harmonic Grammar. *Harmonic Grammar and Harmonic Serialism*. McCarthy J. J., Pater J. Sheffield: Equinox, 2016: 389–434.
- Booij 2000 — Booij G. Inflection and derivation. *Morphology. An international handbook on inflection and word-formation*. Vol. 1. Booij G., Lehmann C., Mugdan J., Skopeteas S., Kesselheim W. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2000, 654–661.
- Booij 2010 — Booij G. Construction morphology. *Language and Linguistics Compass*, 2010, 4: 543–555.
- Borer 2003 — Borer H. Exo-skeletal vs. endo-skeletal explanations: Syntactic projections and the lexicon. *The nature of explanation in linguistic theory*. Moore J., Polinsky M. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2003, 31–67.
- Borer 2013 — Borer H. *Structuring sense*. Vol. III: *Taking form*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Bretz et al. 2010 — Bretz F., Hothorn T., Westfall P. *Multiple comparisons using R*. Boca Raton: CRC Press, 2010.
- Caha 2019 — Caha P. *Case competition in Nanosyntax: A study of numerals in Ossetic and Russian*. Berlin: Language Science Press, 2019.
- Caha 2021 — Caha P. Modeling declensions without declension features. The case of Russian. *Acta Linguistica Academica*, 2021, 68(4): 385–425.
- Chuprinko et al., to appear, a — Chuprinko K., Magomedova V., Slioussar N. Gender variation in indeclinable inanimate nouns and gender markedness in modern Russian. Submitted manuscript, 2023.
- Chuprinko et al., to appear, b — Chuprinko K., Magomedova V., Slioussar N. Modelling gender variation in Russian indeclinable nouns: optimality over structuralism, hierarchical MaxEnt and degrees of idiosyncrasy. Submitted manuscript, 2023.
- Corbett 1982 — Corbett G. G. Gender in Russian: An account of gender specification and its relationship to declension. *Russian Linguistics*, 1982, 6: 197–232.
- Corbett 1991 — Corbett G. G. *Gender*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Corbett, Fraser 1993 — Corbett G. G., Fraser N. M. Network Morphology: A DATR account of Russian nominal inflection. *Journal of Linguistics*, 1993, 29: 113–142.
- Corbett, Fraser 2000 — Corbett G. G., Fraser N. M. Gender assignment: A typology and a model. *Systems of nominal classification*. Senft G. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 293–325.
- Corteen 2019 — Corteen E. C. *The assignment of grammatical gender in German: Testing Optimal Gender Assignment Theory*. Ph.D. diss. Univ. of Cambridge, 2019. <https://doi.org/10.17863/CAM.37638>

- Doleschal 2000 — Doleschal U. Gender assignment revisited. *Gender in grammar and cognition*. Part I: *Approaches to gender*. Dahl Ö., Unterbeck B., Rissanen M. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000, 117–166.
- Galbreath 2010 — Galbreath B. L. E. *Gender assignment in contemporary standard Russian: A comprehensive analysis in Optimality Theory*. Ph.D. diss. Univ. of Virginia, 2010.
- Goldwater, Johnson 2003 — Goldwater Sh., Johnson M. Learning OT constraint rankings using a maximum entropy model. *Proc. of the Stockholm Workshop on Variation within Optimality Theory*. Spenader J., Eriksson A., Dahl Ö. (eds.). Stockholm: Stockholm Univ., 2003, 111–120.
- Graudina et al. 1976 — Graudina L. K., Itskovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi* [Grammatical correctness of the Russian speech]. Moscow: Nauka, 1976.
- Hagen 2018 — Hagen M. *Polnaya paradigma. Morfologiya* [Full paradigm. Morphology]. 2018. RAR archive. Retrieved on January 10, 2019 from <http://www.speakrus.ru/dict/>.
- Halle 1994 — Halle M. The Russian declension: An illustration of the theory of Distributed Morphology. *Perspectives in phonology*. Cole J., Kisseberth C. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 1994, 29–60.
- Haspelmath 2006 — Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with). *Journal of Linguistics*, 2006, 42: 25–70.
- Hayes, Wilson 2008 — Hayes B., Wilson C. A maximum entropy model of phonotactics and phonotactic learning. *Linguistic Inquiry*, 2008, 39(3): 379–440.
- Hippisley 1996 — Hippisley A. Russian expressive derivation: A Network Morphology account. *The Slavonic and East European Review*, 1996, 74: 201–222.
- Jackendoff, Audring 2019 — Jackendoff R., Audring J. Relational morphology in the parallel architecture. *The Oxford handbook of morphological theory*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019, 390–408.
- Jakobson 1960 — Jakobson R. O. The gender pattern of Russian. *Studii și Cercetări Lingvistice*, 1960, 11: 541–543.
- Kramer 2015 — Kramer R. T. *The morphosyntax of gender*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.
- Lyutikova 2015 — Lyutikova E. A. Soglasovanie, priznaki i struktura imennoi gruppy v russkom yazyke [Features, agreement, and structure of the Russian noun phrase]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, 30: 44–74.
- MAS 1981–1985 — *Slovar' russkogo yazyka: v chetyrekh tomakh* [Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.]. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow: Russkii Yazyk, 1981–1985.
- Masini, Audring 2019 — Masini F., Audring J. Construction morphology. *The Oxford handbook of morphological theory*. Audring J., Masini F. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2019, 365–389.
- Matushansky 2013 — Matushansky O. Gender confusion. *Diagnosing syntax*. Cheng L. L.-S., Corver N. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013, 271–294.
- Matushansky 2015 — Matushansky O. *N is for “not there”*. A talk presented at the conf. “Formal Approaches to Slavic Linguistics 24”, New York, 2015.
- Muchnik 1971 — Muchnik I. *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Grammatical categories of verb and nominal in contemporary standard Russian]. Moscow: Nauka, 1971.
- Müller 2004 — Müller G. A Distributed Morphology approach to syncretism in Russian noun inflection. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 12*. Browne W., Rivero M.-L. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2004, 353–373.
- Murphy 2000 — Murphy D. L. *The gender of inanimate indeclinable common nouns in modern Russian*. Ph.D. diss. Univ. of Ohio, 2000.
- Neset 2003 — Neset T. The assignment of gender and declension to Russian nouns in soft consonants: Predictability and rule interaction. *Journal of Slavic Linguistics*, 2003, 11: 287–322.
- Nevins 2011 — Nevins A. Marked targets versus marked triggers and impoverishment of the dual. *Linguistic Inquiry*, 2011, 42(3): 413–444.
- Ozhegov 1960 — Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 4th edn. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Inostrannykh i Russkikh Slovari, 1960.
- Panov 1968 — Panov M. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian language and Soviet society: Morphology and syntax of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1968.
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge (MA): MIT Press, 2013.
- Privizentseva, to appear — Privizentseva M. Mixed agreement in Russian: Gender, declension, and morphological ineffability. To appear in *Natural Language and Linguistic Theory*.

- Rice 2005 — Rice C. Optimizing Russian gender: A preliminary analysis. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 13*. Franks S., Gladney F., Tasseva-Kurktchieva M. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2005, 265–275.
- Rice 2006 — Rice C. Optimizing gender. *Lingua*, 2006, 116: 1394–1417.
- Romanova, Gor 2017 — Romanova N., Gor K. Processing of gender and number agreement in Russian as a second language. *Studies in Second Language Acquisition*, 2017, 39: 97–128.
- Rusakova 2013 — Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [Elements of anthropocentric grammar of Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013.
- Russian grammar 1980 — Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.
- Savchuk 2011 — Savchuk S. Korpusnoe issledovanie variantov rodovoi prinadlezhnosti imen sushchestvitel'nykh v russkom yazyke [A corpus study of gender variation in Russian nouns]. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2011, 10: 562–579.
- Sitchinava 2011 — Sitchinava D. V. Rod [Gender]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Materials for the project of the corpus description of Russian grammar]. As a manuscript. Moscow, 2011. <http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%BE%D0%B4>.
- Slioussar 2018 — Slioussar N. Gender, declension and stem-final consonants: An experimental study of gender agreement in Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2018, 17: 688–700.
- Slioussar, Magomedova, to appear — Slioussar N., Magomedova V. *Gender stereotypes in agreement processing in Russian*. Submitted manuscript.
- Slioussar, Malko 2016 — Slioussar N., Malko A. Gender agreement attraction in Russian: Production and comprehension evidence. *Frontiers in Psychology*, 2016, 7: 613–632.
- Slioussar, Samoilova 2015 — Slioussar N., Samoilova M. Chastotnosti razlichnykh grammaticheskikh kharakteristik i okonchaniy u sushchestvitel'nykh russkogo yazyka [Frequencies of different grammatical features and inflectional affixes in Russian nouns]. *Proc. of the conf. "Dialogue"*, 2015 (online articles). <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/SlioussarNASamoilovaMV.pdf>.
- Steriopolo 2008 — Steriopolo O. *Form and function of expressive morphology: A case study of Russian*. Ph.D. diss. Univ. of British Columbia, 2008.
- Steriopolo 2015 — Steriopolo O. Syntactic variation in expressive size suffixes: A comparison of Russian, German, and Spanish. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*, 2015, 12: 2–21.
- Steriopolo 2017 — Steriopolo O. Nominalizing evaluative suffixes in Russian: The interaction of declension class, gender, and animacy. *Poljarnyj vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies*, 2017, 20: 18–44.
- Steriopolo 2019 — Steriopolo O. Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns. *Questions and Answers in Linguistics*, 2019, 5(2): 91–105.
- Steriopolo et al. 2021 — Steriopolo O., Markopoulos G., Spyropoulos V. A morphosyntactic analysis of nominal expressive suffixes in Russian and Greek. *The Linguistic Review*, 2021, 38: 1–42.
- Steriopolo, Wiltschko 2010 — Steriopolo O., Wiltschko M. Distributed gender hypothesis. *Studies in Slavic linguistics: Proc. of the Formal Description of Slavic Languages 7.5*. Zybatow G., Dudchuk P., Minor S., Pshehotskaya E. (eds.). Bern: Peter Lang, 2010, 155–172.
- Ushakov 1935–1940 — Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyiy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow: Sovetskie Entsiklopedii, 1935–1940.
- Vinogradov 1947 — Vinogradov V. V. *Russkii yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: A grammatical theory of word]. Moscow: Prosveshchenie, 1947.
- Vrabie 1992 — Vrabie E. Gender distribution of Russian soft-sign nouns with word frequency highlights. *Russian Language Journal*, 1992, 46: 57–83.
- Wiese 2008 — Wiese B. Categories and paradigms. On underspecification in Russian declension. *Explorations in nominal inflection*. Müller G., Gunkel L., Zifonum G. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008, 321–372.
- Zaliznyak 1987 — Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of Russian. Inflection]. 2nd edn. Moscow: Russkii Yazyk, 1987.
- Zaliznyak 2002 — Zaliznyak A. A. *"Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozeniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu* ["Russian nominal inflection" and selected works on the modern Russian language and general linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2002.

Структура семантической зоны модальности в русском языке: моделирование системных отношений между конструкциями (на материале ресурса «Русский конструктикон»)

© 2023

Дарья Дмитриевна Мордашова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; mordashova.d@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу системных отношений между конструкциями с модальным значением в русском языке. В качестве источника данных используется материал ресурса «Русский конструктикон». На основе этого материала предлагается классификация 124 конструкций, выражающих неэпистемические (динамические и деонтические) и эпистемические значения. Классификация опирается на разрабатываемую в недавних работах по грамматике конструкций и конструктикографии таксономию групп конструкций различного объема (в частности, семей, гнезд и сетей конструкций). В семьи мы объединяем модальные конструкции с наиболее близкими семантическими (а в ряде случаев также и морфосинтаксическими) характеристиками. Семьи формируют более крупные объединения модальных конструкций (гнезда и сети), построенные по принципу радиальной категории, включающей более прототипические и более периферийные группы. В статье показано, что в ряде случаев этой методологии оказывается недостаточно и более когнитивно оправданным является обращение к аппарату скалярных структур, не предполагающих наличия какого-то одного центрального элемента (в случае модальных конструкций с эпистемическим значением). Классификация дополняется установлением концептуальных связей между семьями конструкций, как то: семантический переход от общего к частному или наоборот (спецификация vs. обобщение), отношение семантического противопоставления, усиление или ослабление определенного семантического компонента (интенсификация vs. снижение категоричности), дополнительное выражение определенного эмоционального отношения и др. Статья уточняет сложившееся в русле типологического подхода представление о составе семантической зоны модальности и способах ее кодирования, а также актуальна для конструктикографии, которая занимается выявлением механизмов взаимодействия между языковыми единицами (конструкциями) разных уровней.

Ключевые слова: грамматика конструкций, модальность, русский язык

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00285 (<https://rscf.ru/project/22-18-00285/>). Автор выражает признательность В. А. Плунгяну, А. А. Эндресен и членам исследовательской группы CLEAR Университета Тромсё — Норвежского арктического университета за обстоятельное обсуждение этой работы, а также анонимным рецензентам за ценные замечания и дополнения.

Для цитирования: Мордашова Д. Д. Структура семантической зоны модальности в русском языке: моделирование системных отношений между конструкциями (на материале ресурса «Русский конструктикон»). *Вопросы языкознания*, 2023, 2: 29–55.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.29-55

The structure of the semantic domain of modality in Russian: Modelling systemic relations between constructions (based on the Russian Constructicon)

Daria D. Mordashova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mordashova.d@yandex.ru

Abstract: This paper proposes an analysis of systemic relations between constructions with modal semantics in Russian. Based on the data from the Russian Constructicon resource, I build a classification of 124 constructions expressing root (dynamic and deontic) and epistemic meanings. The classification relies on the taxonomy of constructions, which is being developed in recent studies in Construction Grammar and constructicography. This taxonomy involves groups of constructions of various size (namely, families, clusters, and networks of constructions). A constructional family comprises modal constructions with similar semantic (and often also morphosyntactic) properties. Families form larger units — constructional clusters and networks, which have a radial category structure, where more central and more peripheral members can be identified. This paper pinpoints that some semantic domains are better described in terms of scalar rather than radial structures, and epistemic modal constructions serve as an example of such domain. I establish conceptual links between the families of constructions, such as specification vs. generalization strategies, contrast, intensification vs. attenuation of particular semantic components, etc. The classification proposed in the paper contributes both to typology in that it refines the existing view on the structure of modality and its linguistic expression, and to constructicography, which is concerned with the mechanisms of constructional interaction within the system of a given language.

Keywords: construction grammar, modality, Russian

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-18-00285).

For citation: Mordashova D. D. The structure of the semantic domain of modality in Russian: Modelling systemic relations between constructions (based on the Russian Constructicon). *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 29–55.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.29-55

1. Введение

Настоящая статья посвящена анализу системных отношений между конструкциями с модальным значением в русском языке. Семантическая зона модальности является достаточно проработанной областью в типологии (см. среди прочего [Palmer 1986/2001; van der Auwera, Plungian 1998; Nuyts, van der Auwera (eds.) 2016]) и русистике (см., например, [Виноградов 1975; Бондарко (ред.) 1990; Петрова 2007; Падучева 2016]). Существует также значительный пласт литературы, посвященной формально-семантическому анализу значения модальных глаголов: в этом отношении следует прежде всего отметить работы А. Кратцер [Kratzer 1981; 1991], положившие начало многочисленным дальнейшим исследованиям (см., например, [von Stechow, Iatridou 2008; Portner 2009] и приводимые в этих работах ссылки).

В этой статье семантическая зона модальности рассматривается с позиций когнитивной лингвистики и Грамматики конструкций (см. подробнее раздел 2). В рамках этого направления сложилось несколько возможных подходов к интерпретации модальных значений¹ (см. обзор в [Boogaart, Fortuin 2016]). Одним из наиболее влиятельных среди

¹ В этой статье мы придерживаемся терминологии, которая используется в обзорной статье о модальных значениях [Nuyts 2016], и будем говорить о динамических, деонтических

них является анализ в терминах динамики сил (force dynamics), теоретиком которого выступил Л. Талми [Talmy 1985]. Эта теория предполагает, что значения многих языковых выражений можно описать через противодействие двух сил, одна из которых (Агонист) находится в естественном стремлении либо к покою (бездействию), либо к движению (изменению состояния), а другая (Антагонист) оказывает на первую силовое воздействие. Для модальных глаголов это противодействие нагляднее всего иллюстрируется деонтическими контекстами типа *Мальчик должен сделать домашнее задание*, где *мальчик* выступает Агонистом, стремящимся находиться в «состоянии покоя» (не выполнять задание), а некоторая внешняя сила, не названная эксплицитно (например, его родители или учитель), воздействует на него противоположным образом и принуждает к «движению» (таким образом проводится аналогия с состоянием покоя или движением физических объектов при непосредственной физической каузации). Эта теория впоследствии применялась в работах, посвященных анализу модальных глаголов в европейских языках (см. в числе прочего [Sweetser 1990] об английском, [Winter, Gärdenfors 1995] об английском и шведском, [Achard 1998] о французском и [Boye 2001] о датском), одновременно подвергаясь критике в различных аспектах (подробнее см. [Boye 2005; Portner 2009]).

Значимые идеи для понимания функций модальных глаголов в когнитивной лингвистике были сформулированы в [Langacker 2008], где в качестве ключевых были предложены понятия актуализации (grounding) и субъективности. Первое понятие связано с различными возможностями привязки глагольного выражения (или высказывания в целом) к текущей речевой ситуации (ground) и ее основным элементам (говорящий, адресат, время и место речевой ситуации), причем отдельные грамматические категории (например, время, модальность) выступают в качестве средств подобной привязки (grounding devices). В отечественной русистике этому подходу представляется близким подход В. В. Виноградова, который рассматривал модальность как одну из центральных актуализационных предикативных категорий, связанных с тем, как соотносятся содержание высказывания и действительность с точки зрения говорящего (о категории предикативности и ее компонентах см. [Виноградов 1975: 264–271]). Субъективность, по Р. Лангакеру, позволяет сопоставить модальные выражения различных типов по той степени, в которой для их интерпретации необходимо задействовать элементы речевой ситуации. В частности, эпистемические модальные глаголы признаются при таком подходе более субъективными, поскольку их употребление с необходимостью вводит в рассмотрение точку зрения говорящего и набор знаний, на основе которых он оценивает некоторую пропозицию. В этом смысле пропозиция оказывается сильнее привязана к речевой ситуации, чем в случае модальных выражений другого типа (динамических и деонтических).

Уже этот краткий обзор показывает общую тенденцию предыдущих исследований концентрироваться преимущественно на структуре значения модальных глаголов как самостоятельных единиц. Подход к анализу модальных глаголов с точки зрения контекстов, в которых они употребляются, т. е. конкретных конструкций, начал развиваться в западной традиции относительно недавно (см. [Diewald 2006] о немецких модальных конструкциях, [Boogaart 2009] о конструкциях с нидерландским *kunnen* ‘мочь’ и др.). В рамках функционально-когнитивного подхода на материале русского языка было проведено множество исследований конструкций с модальным значением (см. [Булыгина, Шмелев 1993; Fortuin 2005; Летучий 2008; Плунгян 2008; Добровольский, Зализняк

и эпистемических значениях модальных выражений. Динамические и деонтические значения мы будем противопоставлять эпистемическим, используя, за неимением более изящного наименования, ярлык «неэпистемическая», или «корневая модальность» (ср. термин «root modality», используемый в ряде работ [Hofmann 1976; Coates 1983] в качестве обобщающего для динамических и деонтических значений).

2020] и др.). В фокусе внимания в таких работах оказывались, как правило, одна или несколько синонимичных конструкций, между которыми необходимо было установить семантические различия. Зачастую эти различия были настолько тонкими и нетривиальными, что для их выявления требовалось обращение к большим объемам данных (например, к Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] или данным параллельных корпусов).

Наше исследование преследует принципиально иную цель: опираясь на предшествующие наработки по отдельным конструкциям и основные положения Грамматики конструкций и конструктикографии, а также используя данные ресурса «Русский конструктикон» (подробнее о нем см. раздел 3), мы предпримем попытку системного анализа структуры модальной семантической зоны в русском языке в целом (в противовес предыдущим точечным исследованиям частных конструкций). Близкие цели ставились отечественными лингвистами, работавшими в русле теории функциональной грамматики. Так, в монографии [Бондарко (ред.) 1990], посвященной исследованию полей темпоральности и модальности на материале русского языка, представление отдельных модальных категорий строится в терминах функционально-семантического поля (ФСП), а модальная зона в целом представляет собой «комплекс ФСП с указанным содержанием» [Там же: 62]. Содержательным наполнением поля служат типовые категориальные (модальные) ситуации — например, ситуации возможности, необходимости, императивные ситуации и др. Недостатком термина «категориальная ситуация» является его неопределенность: выделение таких типовых ситуаций и определение их состава производилось во многом интуитивно.

В настоящей работе мы будем оперировать понятием конструкции (см. раздел 2), которое позволяет предложить стандартизованное описание типовых структур и выстраивать картину их взаимодействия на разных уровнях. Мы покажем, каким образом можно моделировать системные отношения внутри значительных по объему групп конструкций, пользуясь аппаратом радиальных структур, включающих более центральные и более периферийные элементы. Эта работа представляет интерес как для общей теории модальности и сложившегося в ее рамках представления о составе данной семантической зоны, так и для конструктикографии, имеющей дело в том числе с выявлением механизмов взаимодействия между языковыми единицами разных уровней.

Выявление системных связей между конструкциями, согласно [Lyngfelt et al. (eds.) 2018], на настоящий момент остается довольно малоизученной областью, и работ, посвященных анализу групп конструкций и отношений между ними, пока немного. Первые шаги в этом направлении были сделаны в работах [Endresen, Janda 2020; Janda et al. 2020; Mordashova 2021] о структуре частных семантических полей (сетей оценочных, прохибитивных и сравнительных конструкций русского языка). Для сетей конструкций в этих работах предлагается анализ в терминах радиальных структур, и возникает закономерный вопрос о возможности приложения этого анализа к другим семантическим полям. В этой работе мы покажем, в какой мере данный подход приложим к семантической зоне модальности, и дополним его скалярным представлением тех фрагментов исследуемой семантической зоны, для которых радиального представления оказывается недостаточно.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. В разделе 2 представлена теоретическая база исследования: основные положения Грамматики конструкций и конструктикографии как нового направления в рамках этой теории. Затем в разделе 3 описывается источник данных для этого исследования — ресурс «Русский конструктикон». Раздел 4 содержит представление групп модальных конструкций и анализ системных связей между ними в терминах радиальных и скалярных структур. В разделе 5 подводятся итоги исследования и формулируются основные преимущества, которые дает конструктикографический подход к описанию модальности, на фоне предыдущих исследований.

2. Конструкции и конструктикография

В Грамматике конструкций, на которую мы опираемся, конструкция признается центральной единицей языковой структуры (см. [Fillmore et al. 1988; Croft 2001; Goldberg 2006]) и понимается как единство формы и функции, усвоенное человеком в процессе использования языка. В этой статье мы сосредоточимся главным образом на «частично идиоматичных» («partially schematic» в терминологии [Ehrlemaek et al. 2016]) конструкциях, значение которых не предсказывается полностью исходя из их формы. В структуре таких конструкций выделяется фиксированная часть («якорь») и свободная часть («слот»), которая может заполняться языковым материалом с теми или иными семантическими ограничениями. При этом необходимо заметить, что неполная композициональность во многих конструкционистских моделях не является обязательным условием для того, чтобы считать то или иное языковое выражение конструкцией: даже полностью семантически предсказуемое сочетание может храниться в лексиконе в «готовом» виде, если оно является достаточно частотным (см. [Tomasello 2003; Diessel 2004], а также обсуждение подхода А. Голдберга далее). По [Hilpert 2014], наличие некомпозициональной семантики является лишь одним из возможных критериев для отнесения языкового выражения к числу конструкций. Выбор частично идиоматичных конструкций для системного анализа в этой статье связан с привлечением данных ресурса «Русский конструктикон», для которого конструкции этого типа являются стратегически приоритетными (см. раздел 3; о некоторых отклонениях от принципа некомпозициональности см. раздел 4.1).

Один из важнейших постулатов Грамматики конструкций сформулирован в [Goldberg 2006: 18] как «it's constructions all the way down»: предполагается, что конструкциями пронизаны все уровни языка (от морфемы до целого высказывания), а совокупность наших знаний об устройстве языка определяется знанием об устройстве сети конструкций. Такая сеть (или множество сетей) иерархически организованных и взаимосвязанных единиц получила название «**конструктикон**» [Fillmore 2008; Fillmore et al. 2012]. Вскоре у этого термина появилось и прикладное понимание, связанное с описанием системы конструкций некоторого языка. Развитие этого прикладного аспекта было связано с именем Ч. Филлмора, который возглавил команду по разработке первого конструктикона для английского языка. После этого конструктиконы начали создаваться и для других языков, в частности для немецкого, шведского, бразильского португальского, японского и русского, и эта работа привела к формированию нового направления в рамках Грамматики конструкций — **конструктикографии** (см. обзор основных достижений этого направления в [Lyngfelt et al. (eds.) 2018]). С одной стороны, перед конструктикографами стоит задача инвентаризации и описания конструкций, что сближает их работу с работой лексикографов. С другой стороны, важной задачей для конструктикографов является переход от списочного представления собранных конструкций к системному, к построению в конечном итоге иерархически устроенной системы конструкций. Близкая задача решается разработчиками словарей-тезаурусов и тематических семантических словарей, однако конструктикографы имеют дело с принципиально отличной языковой единицей — конструкцией, а не отдельной лексемой.

В настоящей статье будет предложено системное представление конструкций с модальным значением в русском языке, опирающееся на методологию выявления взаимосвязанных групп конструкций, апробированную для конструкций с оценочной семантикой (см. [Endresen, Janda 2020]). Эта методология основывается на выделении групп конструкций разного объема, которые выстраиваются в таксономическое единство; такие группы получили название **семей**, **гнезд** и **сетей** конструкций.

Под **семьей** понимается относительно небольшая группа (обычно от двух до девяти) конструкций, которые объединены в первую очередь по семантическому принципу (конструкции в пределах одной семьи часто оказываются синонимичными). В ряде случаев

семантическая близость подкрепляется синтаксическим и/или структурным сходством (к структурным характеристикам мы относим, например, редупликацию или инверсию), а также использованием одних и тех же или деривационно близких якорных слов. Таким образом, для включения в семью не требуется полного совпадения семантико-синтаксических характеристик всех ее членов, достаточно наличия частичных пересечений между ними (ср. принцип семейного сходства). Это позволяет выделять наиболее прототипических представителей семьи, имеющих более полный набор характеристик, и более периферийных ее членов².

Конструкции внутри семьи могут быть связаны по принципу наследования признаков, когда более конкретная, «дочерняя» конструкция рассматривается как частный случай более абстрактной схемы, которую формирует «материнская» конструкция. Однако, как уже было сказано выше, в силу специфики отбора конструкций, включенных в используемый нами ресурс «Русский конструктикон», где предпочтение отдается частично идиоматичным конструкциям, количество конструкций, представляющих абстрактные схемы, невелико. Исключение составляют случаи, когда в качестве отдельной конструкции выступает высокочастотная (и потому стратегически важная для целевой аудитории ресурса, см. подробнее раздел 3) реализация наравне с ее обобщенной «материнской» конструкцией: ср. **NP-Gen.PI NumCrd** — *На лекцию пришли человек двадцать и рублей NumCrd* — *У Маши было рублей сто на книги*³. Гораздо чаще между конструкциями в пределах семьи устанавливаются горизонтальные связи, предполагающие наличие общих характеристик без обязательного происхождения от общего «предка».

Примером такой семьи конструкций с горизонтальными связями между ее членами может служить объединение конструкций со значением «континуативного прохибитива», который обозначает прекращение уже начавшегося действия (см. [Рахилина 2013]). В эту семью попадают конструкции вида **будет PronPers-2.Dat (VP-IPfv.Inf)!** — *Будет тебе врать!*, **хорош VP-IPfv.Inf!** — *Хорош прыгать!* и **хватит (PronPers-2.Dat) VP-IPfv.Inf!** — *Хватит ругаться!* Теоретически возможно привести упомянутые конструкции к одной абстрактной схеме, предполагающей наличие предикативного элемента (*будет, хорош, хватит*), дативного участника (как правило, адресата) и глагола несовершенного вида в форме инфинитива, обозначающего деятельность, которую говорящий побуждает собеседника прекратить. Однако такая схема не позволяет учесть нюансы структуры отдельных конструкций (например, невозможность выражения дативного участника для **хорош VP-IPfv.Inf!** или, напротив, его обязательное выражение для **будет PronPers-2.Dat (VP-IPfv.Inf)!**), а также особенности самого предикативного элемента, грамматикализованного из разных источников и в неодинаковой степени (ср. краткое прилагательное в форме мужского рода *хорош*, краткую форму среднего рода прилагательного *полный* в еще не упомянутой нами конструкции той же семьи **полно PronPers-2.Dat VP-IPfv.Inf!** — *Полно тебе плакать!* или элементы глагольного происхождения *будет* и *хватит*). Более информативным в этом случае является представление членов этой семьи с помощью частных конструкций, а не единой абстрактной схемы (см. подробнее [Endresen et al., to appear]).

Семьи конструкций объединяются в **гнезда** (в отдельных, хотя и редких, случаях гнездо может состоять только из одной семьи), которые обычно организованы по принципу радиальной категории (см. [Lakoff 1987; Lewandowska-Tomaszczyk 2007]). Это означает, что

² На основании общности синтаксических и/или структурных свойств возможно включение конструкций с почти идентичной семантикой в разные семьи, что позволяет фиксировать различные стратегии кодирования одного и того же значения в языке.

³ Имя конструкции (выделено жирным шрифтом) в «Русском конструктиконе» записывается по определенным правилам, см. разделы 2 «Сокращения и символы» и 3 «Правила записи имени конструкции» на сайте ресурса: <https://constructicon.github.io/russian/instructions-russian/#2-sokrasheniia-i-simvoliy>.

в гнезде можно выделить одну или несколько центральных семей, являющихся наиболее прототипическими для этого объединения, тогда как остальные семьи в той или иной степени отдалены от центра и выражают более частные нюансы значения или требуют более специфического контекста. Между семьями конструкций устанавливаются различного рода семантические и/или прагматические связи: семантический переход от общего к частному или наоборот (спецификация vs. обобщение), отношение семантического противопоставления, усиление или ослабление определенного семантического компонента (интенсификация vs. снижение категоричности), дополнительное выражение определенного эмоционального отношения и др. Конкретные примеры на перечисленные типы связей будут приведены в Разделе 4 в связи с обсуждением модальных конструкций.

Наиболее крупной единицей в таксономии является **сеть**, которая представляет собой структурированное объединение гнезд конструкций и характеризуется некоторым общим значением (например, «Сравнение», «Оценка», «Прохибитив» и т. д.). Нулевой гипотезой относительно структуры сети, как и в случае гнезда, служит устройство по принципу радиальной категории, т. е. в форме соотношения центра и периферии. В этой статье мы покажем, что сеть может иметь и скалярную природу, затрудняющую выделение наиболее центрального элемента (ср. эпистемические модальные конструкции в разделе 4.2 далее).

Прежде чем перейти к приложению заявленной таксономии к конструкциям внутри семантической зоны модальности, остановимся более подробно на источнике данных — ресурсе «Русский конструктикон».

3. Источник данных — ресурс «Русский конструктикон»

Опираясь на процитированное выше высказывание А. Голдберга «it's constructions all the way down», можно утверждать, что число конструкций в языке представляет собой открытое множество. Это составляет очевидную проблему для описания структуры любой семантической зоны, поскольку такое описание потенциально может быть дополнено неограниченным рядом данных (если выполняется условие отсутствия конфликта между сопоставляемыми конструкциями, см. [Goldberg 2006: 22]). В текущем исследовании необходимо было очертить первоначальный круг единиц для анализа, и мы приняли решение в качестве отправной точки задействовать данные «Русского конструктикона» (далее — РК) — открытого электронного ресурса, содержащего неоднословные грамматические конструкции русского языка (см. [Bast et al. 2021]). Ресурс к настоящему моменту включает более 2200 конструкций и продолжает пополняться, поэтому предлагаемая в настоящей статье классификация модальных конструкций в дальнейшем может быть дополнена и скорректирована. Впрочем, достаточно большой объем проанализированного материала (см. раздел 4) позволяет предположить, что существенных изменений в получившуюся структуру вносить уже не потребуется.

Целевой аудиторией РК являются как лингвисты-исследователи, так и студенты, изучающие русский язык как иностранный, часто испытывающие трудности при интерпретации конструкций с некомпозиционным значением. Например, значение конструкции **NP-Nom Cop здоров VP-Inf** — *Он здоров врать*⁴ не выводится из значения краткой формы прилагательного *здоровый* самого по себе, а возникает исключительно в комбинации с инфинитивом зависимого глагола. Подобные конструкции являются для РК стратегически

⁴ Ср. толкование конструкции на сайте РК: «Конструкция характеризует некоторого участника как ловкого, искусного, неумолимого в определенной деятельности. Способности участника оцениваются высоко и положительно, даже если сам род деятельности может оцениваться иначе. Слово “здоров” используется здесь только в краткой форме. Слот VP-Inf чаще заполняется глаголами несовершенного вида, но встречается и совершенный вид».

приоритетными, поскольку многие из них не упоминаются в толковых или фразеологических словарях (см. об этой проблеме [Janda et al. 2018]).

Каждая конструкция сопровождается подробным описанием, которое включает толкование, набор специальных помет (семантических, синтаксических и стилистических), а также примеры, основанные на данных Национального корпуса русского языка или поисковой системы Google (для более разговорных конструкций, обладающих низкой частотностью в корпусе). Детальное описание ресурса представлено в [Эндресен и др. 2020], в приведенной работе также дается пример заполнения профиля конструкции и всех релевантных полей в нем.

Для целей систематизации инвентаря конструкций, собранных в ресурсе, и перехода от списочного представления к системному важнейшую роль играет семантическая классификация конструкций, на которой мы остановимся более подробно. Эта классификация производилась во многом с опорой на существующие типологические исследования грамматических категорий: многие из тех значений (семантических типов), которые были изначально определены для конструкций, включенных в состав РК, имеют тенденцию к кодированию грамматическими показателями в языках мира. Например, семантический тип «Опасение» (Apprehension), обозначающий опасение или предостережение о некоторой нежелательной ситуации, в языках мира может выражаться формой особого наклонения (см. [Добрушина 2006]). В русском языке это значение не имеет специализированного грамматического показателя и кодируется конструкциями типа ((Я) боюсь,) как бы не VP-Pfv.Pst — *Как бы Миша не опоздал!* или **смотреть-Imp, (не) VP-Imp** — *Смотрите, не опоздайте!* Получившаяся классификация во многом пересекается с «универсальным грамматическим набором» (см. [Плунгян 2011: 65]), хотя и не ограничивается им: так, за пределы этого набора выходят обширные группы конструкций, отнесенных к семантическому типу «Значимый признак» (Salient property) и «Реакция на предшествующий дискурс» (Reaction to the previous discourse).

Разработанная классификация является многоуровневой: основной уровень включает 55 семантических типов, большинство из которых имеют подтипы (всего 182 подтипа). Семантические типы являются более общими характеристиками конструкций, тогда как их подтипы служат для уточнения значения. Например, семантический тип «Адресат» (Addressee) имеет следующие подтипы: 1) «Собственно адресат» (Core addressee): **NP в адрес NP-Gen** — *Редкая рецензия на Кустурицу обходится без дифирамбов в адрес Брежневича*; 2) «Аудитория» (Audience): **NP/VP перед NP-Ins** — *Он умел говорить перед большой публикой*; 3) «Бенефициант» (Beneficiary): **NP/VP в угодю NP-Dat** — *Он сказал это в угодю начальству*; 4) «Малефициант» (Maleficiary): **VP назло NP-Dat** — *Назло мужу она обрезала свои длинные волосы*.

Одна и та же конструкция может принадлежать сразу к нескольким семантическим типам. Так, конструкция **VP не в пример Adj-Cmp/Adv-Cmp** — *Он выглядел не в пример приятнее* относится к двум семантическим типам: «Сравнение» (Comparison), подтип «Несходство» (Inequality), и «Степень интенсивности» (Degree of intensity), подтип «Высокая степень» (Booster). Присваивание конструкциям в РК семантических и синтаксических типов (тегов) производилось в ходе совместной работы команды из трех аннотаторов, каждый из которых является носителем русского языка и имеет лингвистическое образование. При добавлении в базу данных новых конструкций существующая аннотация неоднократно перепроверялась и уточнялась (подробнее о разметке данных и разработке ресурса см. [Janda et al. 2020]). Проведение регулярных коллективных обсуждений позволило избежать субъективности анализа отдельных конструкций, а также способствовало последовательности в выборе того или иного тега.

Над семантическими типами формируется отдельный уровень более крупных таксономических единиц, обозначенных как классы. Таких классов выделяется пять: 1) «Квалиа»; 2) «Модальность и смежные категории»; 3) «Субъективность»; 4) «Дискурс» и 5) «Параметры»; некоторые из них дополнительно разделены на подклассы (так, класс «Дискурс»

включает два подкласса: «Маркеры организации дискурса» и «Клаузуальные конструкции с дискурсивной функцией»). Подробное обсуждение семантической классификации выходит за рамки настоящей статьи; характеристика семантических типов конструкций содержится на сайте ресурса в разделе «Инструкции»⁵.

Семантические типы и подтипы в системе разметки, которая используется в РК, во многом соответствуют сетям и гнездам конструкций в выработанной конструктикографической таксономии (см. раздел 2). В следующем разделе, на основании имеющейся семантической классификации, мы представим результат нашего распределения модальных конструкций по более частным группировкам (семьям), основанным на общих семантических, синтаксических и/или прагматических характеристиках, а также установим концептуальные связи между выделенными семьями.

4. Классификация модальных конструкций и моделирование системных связей

Класс «Модальность и смежные категории» насчитывает 374 конструкции, которые распадаются на два подкласса: «Центральные модальные значения» (124 конструкции⁶) и «Смежные с модальностью категории» (250 конструкций). Общая структура класса приведена на рис. 1 (с. 38).

В скобках дается количество конструкций каждого типа (подтипа). Знак * означает, что одна из конструкций входит в два семантических подтипа. Большая рамка, подсвеченная красным цветом, показывает границы подкласса «Центральные модальные значения». В голубых рамках даны семантические типы, они соединены стрелками с подтипами. Сплошной линией соединены семантические типы, имеющие смежный семантический компонент⁷. Зеленым цветом подсвечены те семантические типы конструкций, которые, наравне с классом «Модальность и смежные категории», относятся и к другому семантическому классу⁸.

Далее мы сосредоточимся на подклассе «Центральные модальные значения», поскольку он формирует ядро категории модальности, тогда как прочие значения примыкают к ядру как содержащие более или менее выделенный модальный компонент (детальное обсуждение структуры этого класса и связей между входящими в него семантическими типами конструкций выходит за рамки настоящей статьи, см. об этом [Janda et al., to appear]). Дальнейшее изложение будет строиться вокруг двух семантических типов: «Неэпистемическая («корневая») модальность» (Root modality) и «Эпистемическая модальность» (Epistemic modality).

В определении модальности мы следуем традиционному подходу, в соответствии с которым модальность понимается узко — как категория, включающая только значения возможности и необходимости (см. [van der Auwera, Plungian 1998; Nuyts 2016]). При этом

⁵ С содержанием этого раздела можно ознакомиться по ссылке: <https://constructicon.github.io/russian/semantic-types-russian/#semantic-types-semantic-tipy-konstruktsii>.

⁶ Суммарное значение для типов ««Корневая» модальность» и «Эпистемическая модальность» на Рис. 1 равно 125, однако реально конструкций на одну меньше, поскольку одна из них относится к обоим семантическим типам, подробнее см. раздел 4.1.

⁷ Например, тип «Опасение» связан с выражением опасения по поводу некоторой нежелательной ситуации, которую говорящий считает вероятной и хочет избежать; отсюда связь с типами «Волитивность» и «Эпистемическая модальность».

⁸ Например, тип «Реализованная возможность» находится на пересечении категорий аспектуальности и модальности, поскольку входящие в него конструкции кодируют не потенциально возможное действие, а его успешную реализацию, ср. **NP-Dat удалось VP-Inf** — *Мини удалось покурить*.

- «Необходимость: внутренняя» (Necessity: Internal)¹⁰ — указание на динамическую необходимость, обусловленную потребностями и свойствами (напр., чертами характера) участника или свойствами внешнего мира: напр., **(NP-Dat) Cop необходимо VP-Inf — Тебе необходимо прочитать эту книгу.**
- «Необходимость: внешняя» (Necessity: External) — указание на деонтическую необходимость, обусловленную наличием определенных норм (социальных, юридических, этических), определяющих поведение участника: напр., **(NP-Dat) надлежит/надлежало VP-Inf — Комитету сразу надлежит внести оплату услуг.**

Эпистемическая модальность подразумевает оценку вероятности некоторого положения дел (см. [Nuyts 2016: 38]) и указывает на степень уверенности (как правило, говорящего) в сообщаемой информации (см. [Boye 2016: 117]). Эпистемическая модальность, таким образом, не содержит специфического ирреального компонента значения, который свойственен «корневой» модальности. В рамках этого семантического типа друг другу противопоставлены два подтипа:

- «Уверенность» (High degree of certainty) — указание на высокую степень уверенности в сообщаемом: ситуация оценивается как вероятная или очень вероятная: напр., **бьюсь об заклад, (что) CI — Бьюсь об заклад, что вы проиграете.**
- «Неуверенность» (Low degree of certainty) — указание на низкую степень уверенности в сообщаемом: ситуация оценивается как маловероятная: напр., **не факт, что CI — Не факт, что это удачный эксперимент.**

В этом месте необходимо сделать ремарку, касающуюся понятия эвиденциальности и его связи с эпистемической модальностью. Как известно, в подходах разных исследователей эвиденциальность может включаться в разные области поля модальности или вовсе исключаться из него. Так, [Bybee 1985; Palmer 1986] объявляют эвиденциальность подтипом эпистемической модальности, а [Hengeveld 1989] объединяет эвиденциальность и эпистемическую модальность под общим ярлыком «эпистемологической модальности» (ср. также «пропозициональную модальность» в [Palmer 2001]). В то же время во многих работах (см. [Anderson 1986; Bybee et al. 1994; Aikhenvald 2004; de Haan 2006]) эвиденциальные показатели полностью исключаются из числа модальных. В [Храковский 2007: 617] эпистемическая модальность и эвиденциальность также трактуются как два независимых семантических признака. Компромиссное решение принимается в [van der Auwera, Plungian 1998], где показатели инферентива (логического вывода) рассматриваются в числе модальных со значением эпистемической оценки, тогда как прочие эвиденциальные маркеры (например, репортатив) не входят в зону модальности; в настоящей работе мы следуем этому подходу.

Имея в качестве точки отсчета распределение конструкций по перечисленным семантическим типам и подтипам (т. е., фактически, списки конструкций), мы переходим к результатам анализа этого распределения, который предполагал: 1) выявление групп конструкций с наиболее близкими семантическими (а в ряде случаев также и морфосинтаксическими) характеристиками, т. е. семей; 2) построение гнезд конструкций по принципу радиальной категории (определение прототипической семьи конструкций и установление системных связей между прототипом и остальными семьями) или модификацию этой методологии в случае, когда выделение прототипа оказывалось затруднительно. Результаты этого анализа представлены в разделах 4.1 и 4.2 в формате перечисления выделенных семей

¹⁰ Ярлык «внутренняя необходимость» во многом является условностью, поскольку не обнаруживается конструкций, которые бы кодировали исключительно необходимость, обусловленную внутренними свойствами участника. Важно, однако, противопоставить конструкции этого типа конструкциям, которые принадлежат к типу «внешней» (деонтической) необходимости и не имеют употреблений в зоне динамической модальности.

с примерами и краткой характеристикой, а также визуализации гнезда с помощью схемы, представляющей полученную радиальную (или скалярную) структуру. Полная характеристика конструкций и их группировка по семьям осуществлена автором настоящей работы для РК и доступна на сайте ресурса: <https://constructicon.github.io/russian/> (поиск конструкции возможен по любому элементу ее имени или иллюстрации).

4.1. Сеть конструкций со значением неэпистемической («корневой») модальности

Начнем рассмотрение ядра зоны модальности с гнезда «Возможность» (Possibility). В составе РК к этому семантическому типу относится восемь конструкций, которые мы разделили на три небольшие семьи (одна из конструкций входит одновременно в две семьи):

- 1а. «Внутренняя (физическая) возможность»¹¹ (две конструкции), предполагающая наличие у участника ситуации определенных физических качеств, способностей или умений для выполнения действия: **NP-Nom мочь VP-Inf** — *Вася может подобрать любую мелодию на слух*¹². Наряду с глаголом *мочь*, в семью входит конструкция с модальным глаголом *уметь*: **NP-Nom уметь VP-Inf** — *Я умею плавать*.
- 1б. «Внешняя возможность» (три конструкции), предполагающая, что для выполнения действия существуют подходящие условия (внешние, т. е. не зависящие от участника ситуации): (**NP-Dat**) **Сop можно VP-Inf** — *До Москвы из Лондона можно долететь за четыре часа*.
- 1с. «Невозможность и/или запрет» (четыре конструкции), предполагающая, что выполнение действия находится под запретом или невозможно по объективным причинам. В эту семью входят различные варианты конструкций с якорным сочетанием *и речи быть не может/могло*: **o NP-Loc (тут/здесь/сейчас) и речи быть не может/могло** — *О присутствии адвоката и речи быть не может*, а также конструкция с предикативом *нельзя*.

Для этого гнезда нами предложена структура, представленная на рис. 2. Семья 1а представляется центральной в этом гнезде, поскольку она в большей степени ориентирована на участника, который всегда имеет стандартное номинативное оформление (ср. возможность дативного оформления субъекта в 1б), а в роли якорей в конструкциях этой семьи выступают модальные глаголы с полноценной словоизменительной парадигмой. В данном случае необходимо отметить, что, в соответствии с подходом [Goldberg 2006], сочетание инфинитива с модальным глаголом или предикативом признается полноправной конструкцией, несмотря на отсутствие некомпозициональной семантики у такого сочетания. Эти конструкции включены в РК, поскольку являются стандартным для русского языка способом выражения модального значения возможности. Более того, модель управления модального предиката в подобных случаях является параметром типологического варьирования (ср., например, горномарийский язык, в котором предикаты со значением ‘мочь’ и ‘уметь’ требуют при себе зависимого в форме деепричастия).

¹¹ Здесь и далее в кавычках приводятся наименования, предложенные нами для выявленных семей конструкций. Семьи конструкций внутри одного гнезда обозначаются латинскими буквами (a, b, c и т. д.). Слово *семья* перед названием в кавычках опускается для экономии места, но дальнейшее согласование идет по женскому роду.

¹² Глагол *мочь* обладает широкой полисемией, поэтому конструкция **NP-Nom мочь VP-Inf** входит одновременно в несколько семей: в семью 1б «Внешняя возможность» гнезда «Возможность», семью 2а гнезда «Разрешение» и в семью 6а гнезда «Неуверенность», подробнее об этих гнездах конструкций см. ниже.

Будучи семантически ориентированной на внешние обстоятельства, семья 1b противопоставлена 1a; в дополнение к полисемичному глаголу *мочь*, в качестве якорного слова в этой семье может выступать модальный предикатив *можно*. Семья 1с (конструкции которой, как правило, не отмечаются среди средств выражения возможности, поскольку внимание в литературе обычно сосредоточено на «базовых» способах выражения модальности, например модальных глаголах, ср. [Падучева 2016]) связана с обеими семьями, но на разных основаниях. С одной стороны, в большинстве конструкций этой семьи участвует глагол *мочь*, также входящий в состав конструкций семей 1a–b, однако семантически она противопоставлена скорее семье 1b, поскольку речь в ней идет о «внешней невозможности» (или запрете со стороны говорящего, который также можно интерпретировать как невозможность по внешним для предполагаемого актора причинам). Одновременно семья 1с относится к другому семантическому типу — «Запрет» (Prohibition) (см. рис. 1) — и, таким образом, служит связующим звеном между гнездами конструкций со значением возможности и прохибитивных конструкций. Дальнейшее обсуждение связей между семьями конструкций за пределами класса «Центральные модальные значения» выходит за рамки настоящей статьи.

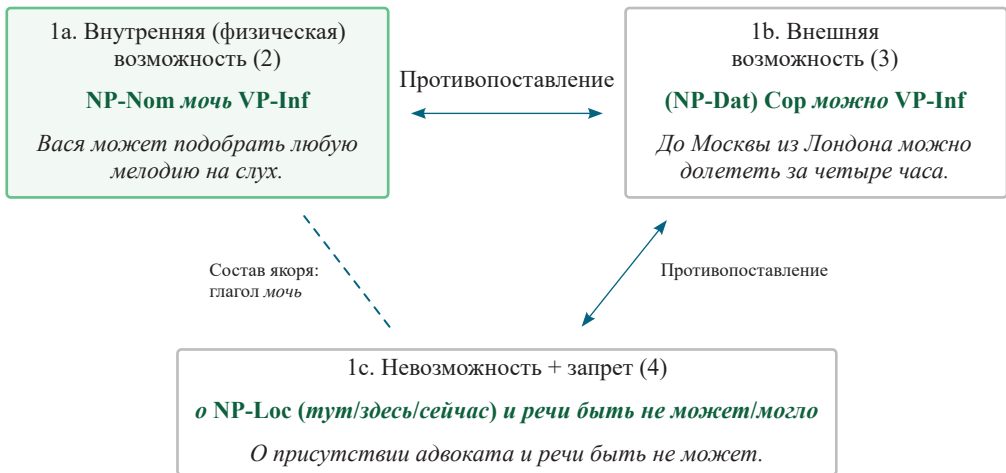

Рис. 2. Гнездо «Возможность»¹³

Анализ гнезда «Возможность» демонстрирует, что между выделяемыми семьями может обнаруживаться значительное пересечение: в данном случае это связано с широкой полисемией глагола *мочь*, который входит в состав конструкций каждой из выделенных семей, а также в состав некоторых гнезд конструкций, речь о которых пойдет далее. Для подобных полисемичных показателей лексикографическое описание и подход с точки зрения конструкций дают сходные результаты.

Непосредственно связанным со значением возможности является семантика разрешения, которое может рассматриваться как подтип внешней возможности (ср. подход в [van der Auwera, Plungian 1998]). В РК этому значению отводится отдельный семантический тип «Permission» (Разрешение). В гнезде «Разрешение», включающем 13 конструкций, мы выделили четыре семьи:

¹³ Здесь и далее на рисунках в зеленую рамку заключается наиболее прототипическая для данного гнезда семья конструкций. Стрелками обозначаются семантические и/или прагматические связи между семьями, а линиями — структурные сходства между ними. Пунктирными стрелками или линиями отмечаются более слабые семантические и структурные пересечения, т. е. общие черты, характерные лишь для части конструкций в двух семьях.

- 2а. «Универсальное разрешение» (две конструкции). Конструкции этой семьи покрывают и ситуацию предоставления разрешения, и ситуацию запроса на разрешение у собеседника: **(NP-Dat) Cop можно VP-Inf** — *Можно мне открыть окно?* (ср. также пример из профиля этой конструкции на сайте РК: *Практически все дети были лояльны к «компьютерной политике» своих родителей: «Да, нормально, я всегда знаю, когда мне можно (= разрешено) будет поиграть»*¹⁴).
- 2б. «Запрос на разрешение» (три конструкции), который формулируется в виде (часто вопросительного) предложения с условным придаточным: **не страшно/ничего, если CI?** — *Не страшно, если я закурю?*
- 2с. «Предоставление разрешения» (пять конструкций), довольно гетерогенная в плане синтаксического оформления семья (условные предложения, предложные группы, вводные конструкции): **если NP-Dat Cop угодно, CI** — *Если вам угодно, называйте меня Генрихом.*
- 2д. «Предоставление разрешения с полной свободой действий» (три конструкции), включающая конструкции с квантификаторами со значением свободного выбора (*сколько угодно, сколько хочешь, сколько влезет*): **VP-Infv/NP-Gen сколько хочешь** — *Читай сколько хочешь.*

Структура гнезда «Разрешение» показана на рис. 3. Можно видеть, что семья 2а занимает в нем центральное положение, объединяя в себе и предоставление разрешения, и запрос на него. Понимание деонтической возможности в типологических работах, как правило, связано именно с первой опцией, т. е. с предоставлением разрешения. Однако для этой семантической зоны представляется значимым исследовать также набор средств, обслуживающих обратную ситуацию (запрос на разрешение). По данным РК можно сделать предварительный вывод о том, что в русском языке центральным якорным элементом в конструкциях этого типа является условный союз *если*, взаимодействующий с предикатами, выражающими отношение собеседника (*не страшно, не против*) или глаголами с каузативной семантикой (*позволить*). Семья 2б и группа семей 2с–д связаны с 2а отношением спецификации (с фокусом только на одну из опций: предоставление разрешения или запрос на него). Семья 2д, в отличие от 2с, часто имеет дополнительную прагматическую нагрузку и выражает индифферентность со стороны того, кто предоставляет разрешение (ср. *На вот, твои сигареты. Можешь курить сколько влезет*¹⁵). Некоторые конструкции в семьях 2б–с имеют сходное морфосинтаксическое оформление с помощью условных предложений с союзами *если* или *раз*.

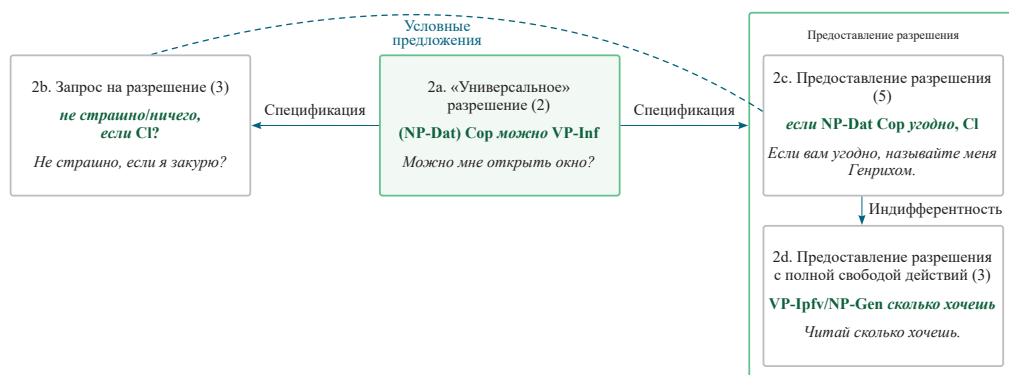

Рис. 3. Гнездо «Разрешение»

¹⁴ Пример из НКРЯ, источник: Катерина Мурашова. Контролировать или пустить на самотек? О результатах одного эксперимента // «Сноб», 2017.

¹⁵ Пример из НКРЯ, источник: Андрей Геласимов. Рахиль // «Октябрь», 2003.

Модальному значению возможности естественным образом противопоставляется значение необходимости, которое также имеет динамическое и деонтическое измерения (обозначаемые в РК как внутренняя и внешняя необходимость; см. рис. 4). Динамическая необходимость в РК представлена семьей из четырех конструкций (в данном случае эта же семья составляет гнездо), включающей модальные предикативы *надо, нужно, необходимо* ((NP-Dat) *Соп надо/нужно VP-Inf* — *Мне нужно бежать, извините*), а также родственные им прилагательные ((NP-Dat) *Соп нужный-Short/необходимый-Short NP-Nom* — *Мне нужна ваша поддержка*). Конструкции этой семьи в РК принадлежат к семантическому типу «Необходимость: внутренняя» (Necessity: Internal), что во многом является условностью, поскольку эти конструкции употребительны в контекстах как внутренней, так и внешней необходимости в классификации [van der Auwera, Plungian 1998] (ср. *Пете надо выпить кофе, чтобы нормально работать* vs. *Маше надо выйти в 7 часов утра, чтобы не опоздать на работу*). Важнейшей характеристикой конструкций этой семьи является наличие эксплицитно заданной или подразумеваемой цели субъекта (ср. толкование конструкций такого типа, предложенное в [Кобозева, Лауфер 1991]). Деонтические употребления (например, в контексте следования законам или социальным предписаниям) для *надо* или *нужно* в целом менее характерны, ср. *Граждане должны платить налоги* vs. *Гражданам надо / нужно платить налоги*. Абсолютно грамматичными же являются употребления этих модальных предикативов в контексте этических норм, связанных с выполнением морального долга и личными убеждениями говорящего о правильном поведении (ср. *Надо бороться за свою мечту*). Субъект в таком случае имеет родовой или универсальный референциальный статус, поэтому часто не выражается эксплицитно.

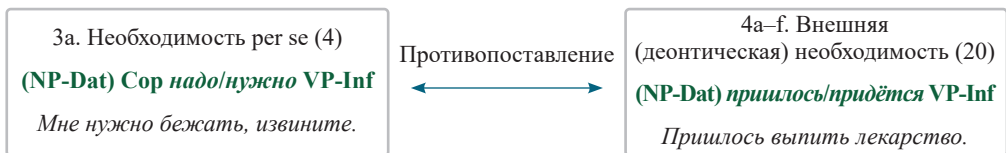

Рис. 4. Гнезда «Необходимость: внутренняя» и «Необходимость: внешняя»

Для 20 конструкций гнезда «Необходимость: внешняя» семантический сдвиг в сторону внутренней необходимости сильно затруднен. В рамках этого гнезда мы выделили шесть семей конструкций:

- 4а. «Обязанность per se (безличные конструкции)» (пять конструкций), включающая конструкции с безличными модальными глаголами, не предполагающие субъектного согласования: (NP-Dat) *пришлось/придется VP-Inf* — *Пришлось выпить лекарство*.
- 4б. «Обязанность per se» (три конструкции), включающая конструкции с краткими прилагательными (*должен, обязан, вынужден*) и глаголами (*обязываться*), которые согласуются с субъектом: NP-Nom *Соп вынужденный-Short VP-Inf* — *Я был вынужден подчиниться*.
- 4с. «Обязанность как рекомендация» (три конструкции), включающая глаголы с ослабленным первичным значением: (NP-Dat) *стоит VP-Inf* — *Мите стоит научиться готовить*.
- 4д. «Своевременность» (две конструкции), где в состав якоря входит предикатив *пора*, интерпретируемый как средство выражения необходимости: а (NP-Dat) *не пора (ли) Соп VP-Inf?* — *А тебе не пора ли спать?*; (NP-Dat) *давно пора Соп VP-Inf* — *Детям давно пора поесть*.
- 4е. «Отсутствие выбора» (три конструкции), семантически объединенные тем, что необходимость в них интерпретируется как единственно возможный способ поведения.

Все конструкции этой семьи содержат двойное отрицание: **(NP-Dat) нельзя Cop не VP-Inf** — *Нельзя было не согласиться с ним тогда*.

- 4f. «Обязанность при противопоставлении» (четыре конструкции) — наиболее гетерогенная в синтаксическом отношении семья, слоты для глагольной группы в которой заполняются формами императива и инфинитива в своем нестандартном употреблении, ср.: **Cl, a NP-Nom (опять) VP-Ipfv.Imp!** — *Он ушёл домой, а я опять переделывай всё после него!* или **Cl, a VP-Ipfv.Inf NP-Dat!** — *Вы гостей позвали, а принимать их мне!* Конструкции этой семьи семантически объединены наличием явного или имплицитного противопоставления деятельности говорящего и его собеседника (или разных видов деятельности самого говорящего, ср. пример *Заболтался я, а мне еще петь* для конструкции **NP-Dat (ещё) Cop VP-Inf**¹⁶).

Семьи 4a–b являются прототипическими представителями своего гнезда и выражают деонтическую необходимость — необходимость поступать в соответствии с определенными правилами, нормами или под давлением внешних обстоятельств (см. рис. 5). Семьи 4c–d и 4e занимают позиции по разные стороны от «центра»: если в 4c–d необходимость выражается в мягкой рекомендательной форме, то 4e предполагает интенсификацию этого семантического компонента до такой степени, что возможность реализации альтернативных сценариев ситуации сводится на нет. Конструкции семьи 4f содержат более частные случаи реализации значения необходимости, возникающего в контексте явного или имплицитного контраста.

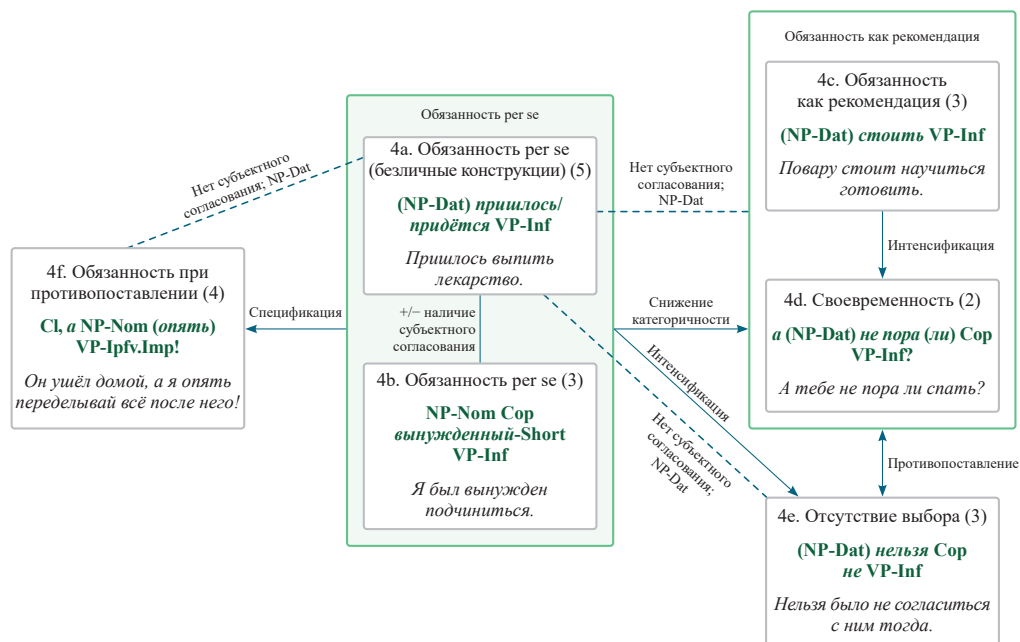

Рис. 5. Гнездо «Необходимость: внешняя»

¹⁶ Для данной конструкции семантический компонент контраста является факультативным, что отражено в толковании конструкции: «Конструкция обозначает, что некоторому участнику в будущем необходимо выполнить некоторое действие. Речь может идти о ближайшем будущем (примеры 1–2) или, реже, о более отдаленном (пример 3). Добавляя слово «ещё», говорящий намекает собеседнику на то, что текущую деятельность или беседу нужно прекратить, чтобы успеть выполнить необходимое действие (примеры 3–5)». Примеры, упоминаемые в толковании, доступны на сайте ресурса.

Заметим, что в большинстве конструкций этого гнезда (за исключением семьи 4б, которая противопоставлена семье 4а именно по синтаксическому принципу) отсутствует субъектное согласование, используются безличные глаголы или предикативы, при которых грамматично выражение субъекта только в дательном падеже. Это характерная морфосинтаксическая черта одной из центральных семей гнезда, свидетельствующая о сниженной степени контроля над ситуацией со стороны субъекта (ср. понятие «дефектной агентивности» в [Бонч-Осмоловская 2003]).

4.2. Сеть конструкций со значением эпистемической модальности

Эта сеть конструкций образована двумя крупными гнездами, семантически противопоставленными друг другу: «Уверенность» (High degree of certainty) и «Неуверенность» (Low degree of certainty). Первое гнездо включает 51 конструкцию, для которых мы разработали распределение по девяти семьям.

- 5а. «Абсолютная ясность и очевидность» (11 конструкций), включающая главным образом конструкции с вводными словами: **само собой (разумеется), С1** — *Само собой, мы придем на твой концерт*. Якорные части некоторых конструкций могут быть не полностью грамматикализованы в качестве вводного слова и также функционируют как матричная клауза, требующая при себе сентенциального зависимого (ср. конструкцию **Можно не сомневаться, (что) С1**, которая иллюстрируется сложноподчиненным предложением *Можно не сомневаться, что он разбогател*, но также содержит в профиле примеры с обратным порядком частей, где якорный элемент выступает как вводное выражение: *Он следующий, можно не сомневаться*). Конструкции этого типа часто выражают решительное согласие при ответе на вопрос или реплику собеседника и служат источником для формирования дискурсивных формул (см. [Рахилина и др. 2021]).
- 5б. «Уверенность и готовность заключить спор» (четыре конструкции), в которую входят биклаузальные конструкции, якорная (матричная) часть которых содержит упоминание спора: говорящий настолько уверен в сообщаемой информации, что был бы готов заключить спор на деньги (ср. **держу пари, (что) С1** — *Держу пари, что ты в него влюблена*) или отдать собеседнику ценный предмет (ср. **зуб даю, (что) С1** — *Зуб даю, что никто в комнату не заходил*).
- 5с. «Логический вывод» (восемь конструкций), в основном включающая конструкции с вводными словами, обозначающими, что предположение, которое высказывает говорящий, основывается на известных ему фактах или знании об устройстве мира: **должно быть, С1** — *Вы, должно быть, этого не знали*.
- 5д. «Уверенное предположение» (пять конструкций) — семья, семантически близкая к предыдущей, отличающаяся от нее тем, что якорные слова (как правило, вводные) в ней не содержат указания на набор фактов, на основе которых можно вывести предположение: **наверняка С1** — *Он наверняка не придёт*.
- 5е. «Убеждение собеседника» (пять конструкций) — достаточно гетерогенная в синтаксическом отношении семья, которую отличает от предыдущих семей несколько бо́льшая дискурсивная нагрузка. Конструкции этой семьи используются для воздействия на собеседника, вынуждают его согласиться с говорящим (ср. **С1, скажи/скажешь нет** — *Она красавица, скажи нет!*), действовать определенным образом (ср. **что/чего тут Сор VP-Inf?!** — *Что тут думать? Надо срочно покупать эту сумку!*) и т. д.
- 5ф. «Обещание/заверение» (восемь конструкций), включающая по большей части конструкции с вводными словами, которые служат для заверения собеседника в правдивости слов говорящего (ср. **С1, честное слово** — *Я не хотела вас обидеть, честное*

- слово!/) или для формулировки обещания или предупреждения (ср. **ей-богу**, **CI**, совмещающая оба значения: — *Да ладно, мам,* — *миролюбиво сказала Люда.* — *Разберёмся, ей-богу* [обещание] и *Я снова увольюсь, ей-богу!* [предупреждение]).
- 5g. «Уверенность в чьей-либо компетентности» (три конструкции), объединяющая биклаузные конструкции, в первой части которых называется участник, обладающий большими знаниями относительно обсуждаемого события или предмета: **NP-Dat Cop виднее, Sconj CI** — *Тебе виднее, что делать.*
- 5h. «Смягчающая формулировка» (пять конструкций), куда входят биклаузные конструкции, якорная часть которых обычно содержит глагол *знать* или *понимать*: **насколько PronPers-1 понимать, CI** — *Ты ещё не готов, насколько я понимаю.* Такие конструкции позволяют снизить категоричность высказывания говорящего и имеют значение 'я считаю или утверждаю, что CI, но, возможно, это не так'¹⁷.
- 5i. «Удивление» (три конструкции), включающая вопросительные и восклицательные конструкции, выражающие удивление говорящего по поводу некоторой ситуации, которая казалась ему неправдоподобной (т. е. говорящий был уверен, что ситуация должна была сложиться противоположным образом): **неужели/неужто (не) VP?** — *Неужели он отказался помочь?*

Предлагаемая нами структура гнезда конструкций с семантическим тегом «Уверенность» представлена на рис. 6. Для этого гнезда оказалось затруднительным выделить единственную семью в качестве прототипа, поэтому для его адекватного отображения мы обратились к скалярному представлению. Центральное положение было отведено группе семей 5a–d (заключены в зеленую рамку), формирующей шкалу с постепенным снижением

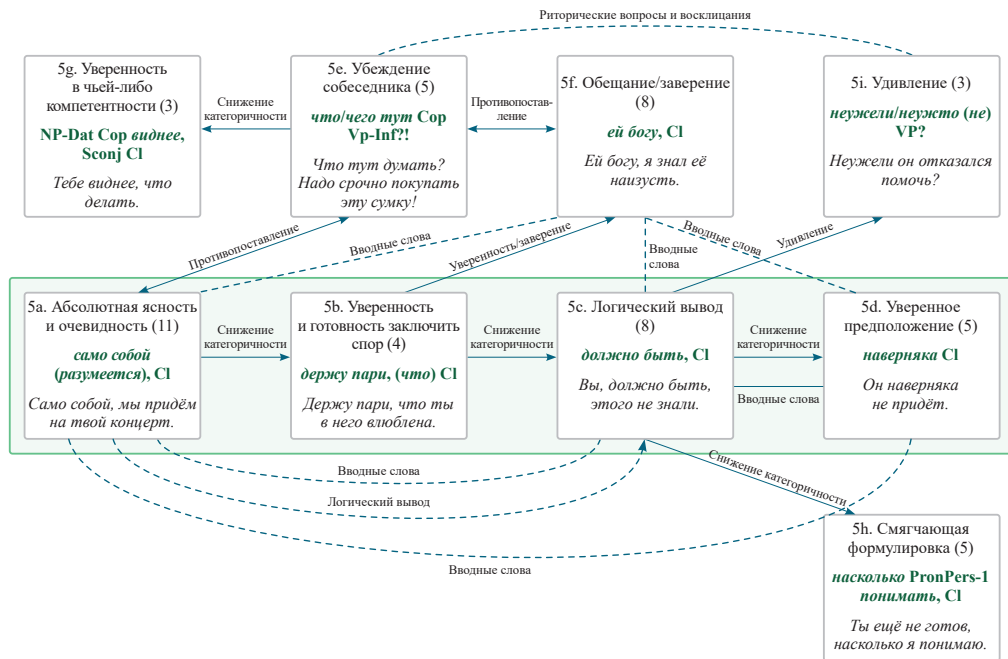

Рис. 6. Гнездо «Уверенность»

¹⁷ Данная семья может быть расширена за счет добавления биклаузных конструкций с якорными глаголами типа *думаю, полагаю* и др., служащих для выражения точки зрения говорящего (англ. *stance*), но отсутствующих в текущей версии РК.

категоричности высказывания. Если конструкции семьи 5а предполагают, что некоторое положение дел говорящий оценивает как предельно ясное и очевидное, не подлежащее сомнению, то предположение говорящего в 5b–d теоретически может быть подвергнуто сомнению, однако степень его уверенности достаточно высока (5d), дополнительно подкреплена фактами (5с) или даже готовностью заключить спор (5b). Синтаксическую основу трех из этих семей (кроме 5b) составляют якорные вводные слова, одна из конструкций в 5а так же, как и конструкции 5с, предполагает логический вывод (**ясно** *Сор одно: С1* — *Ясно одно: такая одежда дороже*, ср. фрагмент толкования: «Конструкция обозначает, что, по мнению говорящего, из предшествующей противоречивой или разнообразной информации с точностью можно сделать один (иногда единственный) верный вывод»).

В ходе анализа конструкций в составе этого гнезда мы выявили также более специфические дискурсивные стратегии, занимающие верхнюю часть схемы на рис. 6, где выражение уверенности является лишь частью функциональной нагрузки конструкций. Так, семья 5е противопоставлена семье 5а в отношении способа взаимодействия с собеседником: если 5а предполагает решительное согласие с собеседником, то 5е обычно выступает как возражение или принуждает собеседника изменить свою точку зрения в пользу говорящего. В этом смысле семья 5е содержит более «атакующие» дискурсивные стратегии по сравнению с 5f, где говорящий занимает, напротив, скорее оборонительную позицию, оправдывается перед собеседником, заверяя его в правдивости сообщаемого (значение этого типа обнаруживается также у конструкции **зуб даю, (что) С1** в семье 5b, ср. пример *Не был я там! Зуб даю, не был...*). Семья 5g выступает в качестве более конструктивного способа убедить собеседника — через апелляцию к некоторому «авторитету», т. е. человеку, более компетентному в определенном вопросе.

Семья 5h семантически близка к 5с, поскольку конструкции этой семьи выражают предположение, основанное на знании говорящего о некоторой ситуации, однако категоричность этого предположения намеренно снижена. К 5с близки также конструкции семьи 5i: эти конструкции обычно предполагают наличие у говорящего фоновых знаний о ситуации или ожиданий, которым противоречит утверждение или поведение собеседника. Структурно эта семья пересекается и с семьей 5е, которая также содержит риторические вопросы и восклицания.

Гнездо «Неуверенность» (Low degree of certainty) насчитывает 29 конструкций, которые мы объединили в семь семей.

- 6а. «Предположение *per se*» (пять конструкций), включающая главным образом конструкции с вводными словами (в частности, производными от глагола *мочь*), указывающие на то, что говорящий не имеет достаточных оснований, чтобы утверждать о некоторой ситуации, поэтому приводит один из возможных сценариев или объяснений ее развития: **может (быть), ХР/С1** — *Может быть, он уехал в Африку*.
- 6б. «Эпистемическая дистанция» (шесть конструкций), куда входят конструкции с частицами и вводными словами, многие из которых восходят к сравнительным маркерам (*вроде, будто* и др.): **вроде (как) ХР/С1** — *Он вроде как идет*. С помощью конструкций этого типа говорящий снижает категоричность своего высказывания, снимает с себя ответственность за сообщаемое (об эпистемической дистанции см. также [Plungian 2010])¹⁸.

¹⁸ Вопрос разграничения семей 5h и 6b является дискуссионным. На настоящий момент мы приняли решение, исходя из внутренней формы конструкций: если в 5h говорящий прямо апеллирует к собственным знаниям или логике (*насколько я знаю / понимаю*), считая их относительно надежным источником для вынесения суждения, то в 6b источником информации может выступать сам говорящий или третьи лица (пересказывательные употребления по [Летучий 2008]), что сближает эту группу с конструкциями семьи 6е. Во втором случае, кроме того, в качестве якорных слов используются преимущественно сравнительные маркеры (*вроде, будто* и др.), которые в своем первичном сравнительном употреблении вводят в рассмотрение некоторую ирреальную

- 6с. «Наличие альтернатив» (две конструкции), объединяющая конструкции с неоднородными повторяющимися союзами, которые позволяют говорящему привести несколько возможных интерпретаций ситуации: **не то ХР/СІ, не то ХР/СІ** — *Он пошел не то к себе на дачу, не то на станцию* и **то ли ХР/СІ, то ли ХР/СІ** — *Сегодня идет то ли дождь, то ли снег*.
- 6d. «Сомнение» (три конструкции), включающая конструкции с оценкой ситуации как маловероятной: **(на)вряд ли ХР/СІ** — *Вряд ли он придёт*.
- 6е. «Слухи» (четыре конструкции) — гетерогенная в синтаксическом отношении семья (включает конструкции с вводными словами и с сентенциальными актантами), конструкции которой сообщают о том, что информация была получена от третьих лиц: **ходит слух, что СІ** — *Ходят слухи, что лето будет жарким*.
- 6f. «Отсутствие источника информации» (пять конструкций), в которую входят конструкции, задающие «пассивную» эпистемическую перспективу (в понимании [Яковлева 1988: 292]). Якорные части таких конструкций указывают на отказ говорящего от поиска какой-либо трактовки ситуации и ее причин: **(а) Noun-Nom/кто (же) (PronPers-3. Acc) знает, СІ** — *Кто его знает, почему она так поступила*. Большинство конструкций этой семьи содержат в ядре глагол *знать* (ср. **как знать, СІ; почему знать, СІ**).
- 6g. «Поиск подходящей номинации» (четыре конструкции), объединяющая метаязыковые конструкции, служащие для указания на неуверенность говорящего относительно наиболее точного наименования для некоторого объекта или его характеристики. Говорящий подбирает наиболее близкое с его точки зрения наименование, но сигнализирует собеседнику, что оно может не полностью соответствовать действительности: **как бы ХР** — *Спектакль как бы разбит на несколько частей*¹⁹.

На рис. 7 приводится структура гнезда конструкций с семантическим тегом «Неуверенность». В центре гнезда находится семья 6а, конструкции которой выражают нейтральное предположение об одном из возможных сценариев развития ситуации, который, впрочем, не оценивается говорящим как высоковероятный (в противовес конструкциям семьи 5d выше). Семьи 6b–с и 6е–f более явно сигнализируют о низкой степени уверенности говорящего в сообщаемом: говорящий оценивает имеющуюся у него информацию как недостаточную для вынесения однозначного суждения и потому либо снимает с себя ответственность за него (6b), либо предлагает собеседнику несколько возможных интерпретаций (6с). Потенциальная недостоверность информации может быть связана со спецификой источника, которым являются третьи лица (6е) или который вовсе отсутствует (отсюда отношение интенсификации между 6е и 6f, где последняя семья представляет более «радикальную» эпистемическую стратегию) — в этом случае говорящий отказывается от какой бы то ни было интерпретации ситуации или поиска однозначного суждения (6f). Некоторые конструкции семьи 6b также могут маркировать информацию, полученную от других людей, и имеют в числе прочих цитативную функцию (подробнее см. [Летучий 2008]). Семья 6d противопоставлена всем рассмотренным выше семьям, поскольку слот ХР/СІ или СІ в них оценивается, несмотря на неуверенность говорящего, скорее как возможный, тогда как в 6d слот ХР/СІ содержит информацию, которую говорящий считает скорее маловероятной. Семья 6g оказывается наиболее удаленной от центра радиальной категории, поскольку функционирует на метаязыковом уровне, когда говорящий оценивает

ситуацию. Использование этих маркеров дополнительно свидетельствует о том, что полной уверенности в существовании ситуации у говорящего нет.

¹⁹ Отметим, что конструкция **как бы ХР** не покрывает дискурсивные употребления, в которых *как бы* модифицирует всю клаузу целиком и служит для уменьшения значимости утверждения, ср. пример из [Летучий 2017: 201]: *Я как бы согласен, но ты постарайся получше выразить свою мысль*.

точность выбранного им наименования и указывает на то, что оно может не полностью соответствовать действительности. Это сближает 6g с семей 6b, оценивающей точность не отдельного наименования, а суждения говорящего в целом. В качестве индикатора подобной неточности и возможности альтернативной трактовки может выступать редупликация (ср. **NP-Nom Cop Adj-Short** и **не ~Adj-Short** — *Он рад и не рад*), как это имеет место в семье 6с с повторяющимися союзами.

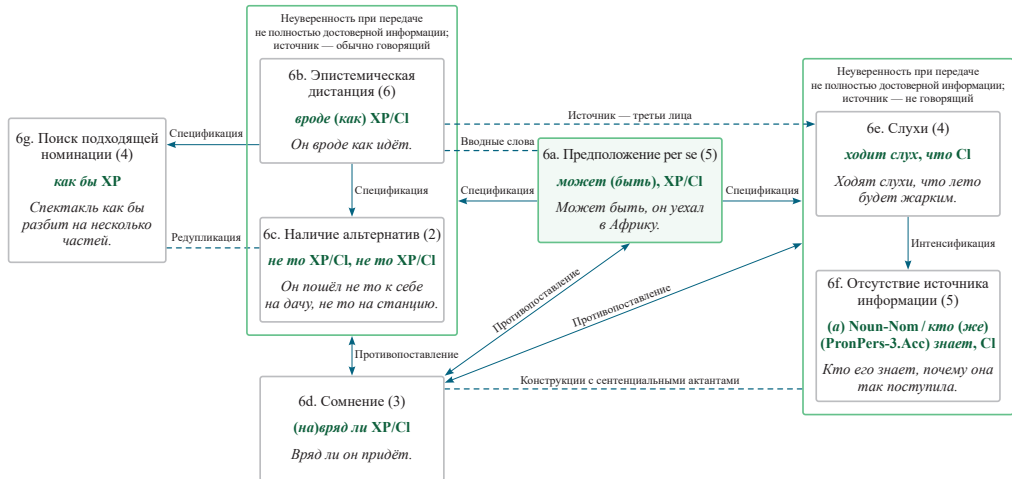

Рис. 7. Гнездо «Неуверенность»

4.3. Объединение сетей конструкций, выражающих центральные модальные значения

Рассмотренные выше гнезда конструкций мы объединили в более крупные таксономические единицы — сети конструкций, имеющие общее значение эпистемической (динамической и деонтической) и эпистемической модальности. Сети показаны зелеными рамками на рис. 8; структура получившегося объединения сетей отвечает типологическим представлениям об устройстве модальной зоны в целом (ср. семантическую карту модальности, предложенную в [van der Auwera, Plungian 1998]).

В рамках текущего исследования было важно определить, каким образом получившееся представление можно соотнести с анализом семантической зоны модальности как радиальной структуры. Для этого мы обратились к анализу семантики модальных выражений в концепции *force dynamics* (см. [Talmy 1985]). Согласно этому подходу, в семантике модальных глаголов заложен компонент силы (*potency*), способной вызывать ситуацию, выраженную зависимыми этих глаголов. В случае динамических употреблений источником этой силы является первый аргумент (субъект) модального глагола, обладающий соответствующими способностями или желанием осуществить ситуацию, и именно субъект и его потенции оказываются в фокусе внимания. В деонтических конструкциях субъект модального предиката перестает быть источником силы, однако сама по себе сила модального предиката все еще остается в фокусе, поскольку деонтические употребления направлены на приближение реализации зависимой ситуации: говорящий (или иной источник силы) имплицитно каузирует выполнение действия субъектом (при долженствовании) или не препятствует ему (при разрешении). Соответственно, в сети «Root modality» более прототипическими гнездами являются «Возможность» и «Необходимость: внутренняя»,

конструкции в которых выражают динамические модальные значения и наиболее тесно связаны с субъектом.

В эпистемических конструкциях на передний план выдвигается уже не значение модального выражения, а сама ситуация, на реализацию которой субъект уже никак не влияет. Выбор модального выражения той или иной силы определяется личным опытом говорящего, и в этом смысле эпистемические модальные конструкции наиболее субъективны. На рис. 8 горизонтальной стрелкой схематически показано постепенное усиление субъективности и смещение фокуса с объекта концептуализации (модальное выражение определенной силы и его аргументы, которые способны осуществить ситуацию по собственному желанию или под давлением внешнего источника) на субъекта концептуализации (выбор модального выражения определяется не свойствами участников ситуации, о которой идет речь, а знаниями говорящего; модальное выражение при этом существует максимально автономно, не приближая реализацию ситуации). Таким образом, при установлении отношения между сетями конструкций необходимо учитывать компонент скалярности, в данном случае связанный с введением шкалы субъективности, вдоль которой выстраиваются неэпистемические и эпистемические модальные конструкции.

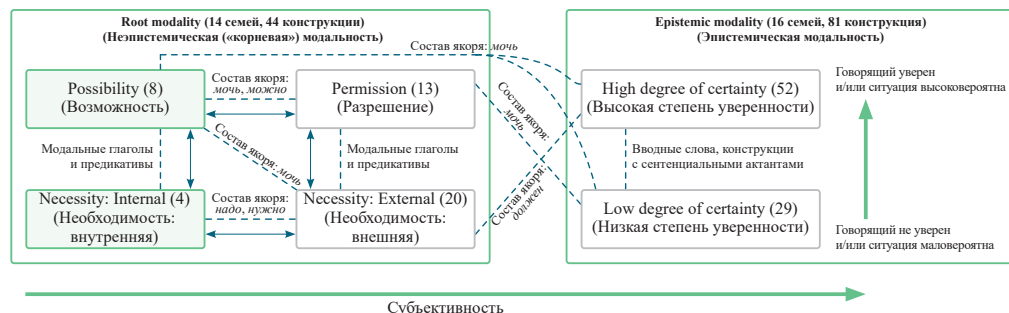

Рис. 8. Сети конструкций «Неэпистемическая модальность» и «Эпистемическая модальность»

В получившейся структуре не только две сети конструкций организованы вдоль шкалы субъективности, но и гнезда внутри сети «Эпистемическая модальность» организованы вдоль эпистемической шкалы (ср. понятие «epistemic scale» в [Boye 2016]). Гнезда в этой сети весьма условно обозначены через высокую и низкую степень уверенности, однако на деле входящие в них семьи конструкций образуют континуум, что не позволяет постулировать более центральное положение для какого-то из гнезд. На эпистемической шкале, изображенной вертикальной стрелкой, крайние точки соответствуют максимальной (минимальной) степени уверенности говорящего в сообщаемом и/или высокой (низкой) вероятности ситуации. Ситуации, которые говорящий с уверенностью оценивает как маловероятные, мы также относим к нижней точке шкалы (примером может служить семья 6d со значением сомнения). Для уточнения положения отдельных семей на шкале и степени их удаленности от крайних точек в перспективе представляется необходимым экспериментальное исследование, где испытуемым предлагалось бы оценить степень уверенности по десятибалльной шкале. Это позволило бы проверить, в числе прочего, насколько оправдан наш подход с точки зрения внутренней формы к конструкциям семей 5h и 6b, выражающим эпистемическую дистанцию.

Между сетями конструкций обнаруживаются структурные пересечения, основанные на центральных якорных элементах: модальном глаголе *можно* и предикативах *можно, должен, надо, нужно* (см. обозначения пунктирными линиями на рис. 8). Глагол *можно* фиксируется не только во всем ряду конструкций возможности (от динамических до эпистемических), но и в гнездах конструкций со значением внешней необходимости (семья 4e

«Отсутствие выбора»: **NP-Nom не мочь не VP-Inf** — *Не могу не согласиться*) и высокой степени уверенности (семья 5i «Удивление»: **Не может быть (такого), чтобы CI** — *Не может быть, чтобы вы ещё не посетили эту выставку!*). Значение необходимости достигается при взаимодействии глагола с отрицанием (двойным отрицанием в случае семьи 4e). Якорный предикатив *должен* и выражаемое им значение необходимости коррелирует с высокой степенью уверенности (ср. конструкцию **должно быть, CI** со значением логического вывода).

Наконец, разработанная нами структура наглядно демонстрирует, что в синтаксическом отношении рассматриваемые сети конструкций практически не пересекаются: основными синтаксическими паттернами сети «Неэпистемическая модальность» являются модальные глаголы, предикативы и условные конструкции, специфичные для гнезда «Разрешение», тогда как сеть «Эпистемическая модальность» в основном содержит конструкции с вводными словами или биклаузные структуры с матричным предикатом (часто находящемся на пути грамматикализации к вводному слову). Это хорошо соотносится с идеей о субъективности эпистемических модальных выражений: поскольку часто они модифицируют клаузу целиком, содержание этой клаузы и возможность реализации описываемой в ней ситуации не зависят от силы модального выражения. Высокая степень субъективности, предположительно, коррелирует и со значительным превосходством эпистемических конструкций над неэпистемическими в количественном отношении (81 конструкция против 44).

5. Заключение

Вопрос о том, каким образом в языковой системе связаны между собой отдельные конструкции и их группы, на настоящий момент особенно актуален для Грамматики конструкций и конструктикографии. В данной статье мы обратились к этому вопросу с позиций конкретной семантической зоны (модальности) и предложили структурное представление ее центрального фрагмента, включающего неэпистемические (динамические и деонтические) и эпистемические модальные значения. Материалом для исследования послужили 124 модальных конструкции, собранных в ресурсе «Русский конструктикон».

При формировании общей структуры была применена методология, предложенная в немногочисленных предшествующих исследованиях структуры частных семантических полей (сетей оценочных, прохибитивных и сравнительных конструкций русского языка). В основе этой методологии лежит таксономический подход, предполагающий выделение различных по объему групп конструкций (семей, гнезд и сетей) и установление концептуальных связей между ними. Подход к анализу модальности с позиций конструктикографии и решение задачи системной репрезентации конструкций в этой семантической зоне представляет интерес для общей теории модальности и дополняет существующие типологические наработки сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, использование конструкции в качестве базовой единицы описания позволяет выявлять характерные паттерны выражения модальных значений, отличные от отдельных модальных глаголов, которые чаще всего отражаются в грамматических описаниях и конкретноязыковых исследованиях модальности. В качестве примера можно привести конструкции с редупликацией, имеющие семантику неуверенности (ср. **не то XP/CI, не то XP/CI**), или конструкции с «легкими» глаголами, имеющими ослабленное первичное значение, в зоне деонтической необходимости (ср. **(NP-Dat) стоит VP-Inf; (NP-Dat) не мешало бы / не мешает VP-Pfv.Inf** и др.).

Во-вторых, работа по формированию семей конструкций дает возможность обратить внимание на частные пути грамматикализации для якорных слов в этом семантическом поле: например, на матричные предикаты в качестве источников грамматикализации в эпистемических конструкциях или сравнительные маркеры в функции показателей

«эпистемической дистанции». Эти сюжеты могли бы лечь в основу последующих частно-языковых или сопоставительных исследований конструкций. Кроме того, проведенный нами анализ семей конструкций помогает в определении наиболее характерных стратегий морфосинтаксического оформления того или иного модального значения, в том числе для значений, обычно не обсуждаемых в типологических работах (ср. выделенные нами в отдельную семью условные конструкции запроса на разрешение).

В-третьих, анализ более крупных объединений конструкций (гнезд и сетей) дает представление о наиболее характерных для них синтаксических паттернах (в частности, синтаксические стратегии смежных полей могут практически не пересекаться, ср. выявленное нами различие в доминирующих синтаксических паттернах для неэпистемических и эпистемических модальных значений в русском языке). Анализ данных «Русского конструктикона» в терминах гнезд и сетей также делает более явным количественное соотношение между элементами этой таксономии: так, конструкций с эпистемическим значением насчитывается почти вдвое больше, чем с неэпистемическим (81 и 44), что позволяет выдвинуть предположение о том, что более субъективное имеет тенденцию к более дробной репрезентации в языке. Внутри неэпистемического домена наиболее узко представлены конструкции с динамическим модальным значением возможности (восемь конструкций) и внутренней необходимости (четыре конструкции); деонтические модальные значения представлены более широко (13 конструкций с семантикой разрешения и 20 конструкций, выражающих внешнюю необходимость).

Наконец, выявление семей конструкций и формирование на их основе более сложных структур на материале модальных конструкций показало недостаточность подхода к представлению последних как радиальных структур. Если неэпистемические модальные значения достаточно хорошо профилируются через радиальные категории, то для эпистемических конструкций необходимо дополнение этого представления введением скалярной структуры — эпистемической шкалы, что представляется для этой зоны более когнитивно значимым (ср. также значимость скалярной репрезентации для семантической зоны интенсивности в [Zhukova 2021]). Различные семьи конструкций могут занимать более или менее удаленное положение от полюсов этой шкалы, и экспериментальное исследование этого расположения видится перспективным направлением для дальнейшей работы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
 Acc — винительный падеж
 Adj — прилагательное
 Cl — клауза
 Cop — глагол-связка
 Dat — дательный падеж
 Gen — родительный падеж
 Imp — императив
 Inf — инфинитив
 Ins — творительный падеж
 Ipfv — несовершенный вид
 Loc — предложный падеж

Nom — именительный падеж
 NP — именная группа
 NumCrd — количественное числительное
 Pfv — совершенный вид
 Pl — множественное число
 PronPers — личное местоимение
 Pst — прошедшее время
 Sconj — подчинительный союз
 Short — краткая форма прилагательного
 VP — глагольная группа
 XP — любая синтаксическая группа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко (ред.) 1990 — Бондарко А. В. (ред.). *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л.: Наука, 1990. [Bondarko A. V. (ed.). *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka, 1990.]

- Бонч-Осмоловская 2003 — Бонч-Осмоловская А. А. *Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2003. [Bonch-Osmolovskaya A. A. *Konstruktsii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke: opyt korpusnogo issledovaniya* [Constructions with dative subject in Russian: A corpus study]. Candidate diss. Lomonosov Moscow State Univ., 2003.]
- Булыгина, Шмелев 1993 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт. *Логический анализ языка: Ментальные действия*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (отв. ред.). М.: Индрик, 1993, 78–82. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. Hypothesis as a cognitive and verbal act. *Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya*. Arutyunova N. D., Ryabtseva N. K. (eds.). Moscow: Indrik, 1993, 78–82.]
- Виноградов 1975 — Виноградов В. В. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. М.: Наука, 1975. [Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies in Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Добровольский, Зализняк 2020 — Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 3(25): 35–48. [Dobrovolskij D. O., Zalizniak Anna A. Russian constructions with potentially modal meanings: An analysis based on parallel corpus data. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, 3(25): 35–48.]
- Добрушина 2006 — Добрушина Н. Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения. *Вопросы языкознания*, 2006, 2: 28–67. [Dobrushina N. R. Grammatical forms and constructions with the meaning of fear and caution. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 2: 28–67.]
- Кобозева, Лауфер 1991 — Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования. *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 169–174. [Kobozeva I. M., Laufer N. I. Semantics of modal predicates of obligation. *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty*. Arutyunova N. D. (ed.) Moscow: Nauka, 1991, 169–174.]
- Летучий 2008 — Летучий А. Б. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность [Letuchiy A. B. Comparative constructions, irrealis, and evidentiality]. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiemer B., Plungian V. A. (Hrsg.). München: Sagner, 2008, 215–238.
- Летучий 2017 — Летучий А. Б. Сравнительные конструкции. *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Вып. II: *Синтаксические конструкции и грамматические категории*. Плуниан В. А., Стойнова Н. М. (отв. ред.). М.: ИРЯ РАН, 2017, 132–204. [Letuchiy A. B. Comparative constructions. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka*. No. 2: *Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii*. Plungian V. A., Stoinova N. M. (eds.). Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2017, 132–204.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <https://ruscorpora.ru>
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Модальность. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2016. [Paducheva E. V. Modality. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2016.] <http://rusgram.ru/Модальность>
- Петрова 2007 — Петрова М. А. *Типы немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. [Petrova M. A. *Tipy nemodal'nykh znachenii modal'nykh predikatov (na materiale slavyanskikh i germanskikh yazykov)* [Types of non-modal meanings of modal predicates, based on Slavic and Germanic data]. Candidate diss. Moscow: Institute of Linguistics, 2007.]
- Плуниан 2008 — Плуниан В. А. О показателях чужой речи и недоверности в русском языке: *mol, jakoby* и другие [Plungian V. A. On Russian markers of reported speech and uncertainty: *mol, jakoby*, and others]. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiemer B., Plungian V. A. (Hrsg.). München: Sagner, 2008, 285–311.
- Плуниан 2011 — Плуниан В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Рахилина 2013 — Рахилина Е. В. Кондуктор, нажми на тормоза... *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2013, 12(19): 665–673. [Rakhilina E. V. Conductor, press the brakes... *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2013, 12(19): 665–673.]
- Рахилина и др. 2021 — Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 7–27. [Rakhilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 7–27.]
- Храковский 2007 — Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 600–632. [Xrakovskij V. S. Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity.

- Evidentials 'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati N. A. Kozintsevoi*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632.]
- Эндресен и др. 2020 — Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2020, 19(26): 226–241. [Endresen A. A., Zhukova V. A., Mordashova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. The Russian Constructicon: A new linguistic resource, its design and key characteristics. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2020, 19(26): 226–241.]
- Яковлева 1988 — Яковлева Е. С. Согласование модусных характеристик в высказывании. *Прагматика и проблемы интенциональности*. Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). М.: Ин-т языкознания РАН, 1988, 278–302. [Yakovleva E. S. Agreement of modal characteristics in an utterance. *Pragmatika i problema intensional'nosti*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Institute of Linguistics, 1988, 278–302.]
- Achard 1998 — Achard M. *Representation of cognitive structures: Syntax and semantics of French sentential complements*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Anderson 1986 — Anderson L. B. Evidentials, paths of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds.). Norwood (NJ): Ablex Publishing, 1986, 273–312.
- Bast et al. 2021 — Bast R., Endresen A., Janda L. A., Lund M., Lyashevskaya O., Mordashova D., Nessel T., Rakhilina E., Tiers F. M., Zhukova V. *The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions*, 2021. <https://constructicon.github.io/russian/>
- Boogaart 2009 — Boogaart R. Semantics and pragmatics in construction grammar: The case of modal verbs. *Contexts and constructions*. Bergs A., Diewald G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 213–241.
- Boogaart, Fortuin 2016 — Boogaart R., Fortuin E. Modality and mood in cognitive linguistics and construction grammars. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 514–534.
- Boye 2001 — Boye K. The force-dynamic core meaning of Danish modal verbs. *Acta Linguistica Hafniensia*, 2001, 33: 19–66.
- Boye 2005 — Boye K. Modality and the concept of force-dynamic potential. *Modality: Studies in form and function*. Klinge A., Müller H. H. (eds.). London: Equinox, 2005, 49–80.
- Boye 2016 — Boye K. The expression of epistemic modality. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 117–140.
- Bybee 1985 — Bybee J. L. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Coates 1983 — Coates J. *The semantics of the modal auxiliaries*. London: Croom Helm, 1983.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar. Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Diessel 2004 — Diessel H. *The acquisition of complex sentences*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Diewald 2006 — Diewald G. Context types in grammaticalization as constructions. *Constructions*, 2006, Special vol. 1: *Constructions all over: Case studies and theoretical implications*. Schönefeld D. (ed.). <https://doi.org/10.24338/cons-443>
- Ehrlemaek et al. 2016 — Ehrlemaek A., Johansson R., Lyngfelt B. Retrieving occurrences of grammatical constructions. *Proc. of COLING 2016, the 26th International Conf. on Computational Linguistics: Technical papers*. Matsumoto Y., Prasad R. (eds.). Osaka: The COLING 2016 Organizing Committee, 2016, 815–824.
- Endresen, Janda 2020 — Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar one step further: Families, clusters, and networks of evaluative constructions in Russian. *Defining construction: Insights into the emergence and generation of linguistic representations* (special issue of *Frontiers in Psychology*). Putnam M., Carlson M., Fábregas A., Wittenberg E. (eds.). Lausanne: Frontiers Media SA, 2020, 1–22.
- Endresen et al., to appear — Endresen A., Janda L. A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. Turning a list into a network via family-based expansion of the Russian Constructicon. *Constructing constructicons*. Ziem A. et al. (eds.). To appear.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone*. *Language*, 1988, 64(3): 501–538.
- Fillmore 2008 — Fillmore C. J. Border conflicts: FrameNet meets Construction Grammar. *Proc. of the XIII EURALEX International Congress*. Bernal E., DeCesaris J. (eds.). Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2008, 49–68.
- Fillmore et al. 2012 — Fillmore C. J., Lee-Goldman R., Rhodes R. The FrameNet constructicon. *Sign-Based Construction Grammar*. Boas H. C., Sag I. A. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2012, 309–372.

- Fortuin 2005 — Fortuin E. From possibility to necessity: The semantic spectrum of the dative-infinitive construction in Russian. *Modality in Slavonic languages: New perspectives*. Hansen B., Karlik P. (eds.). München: Otto Sagner, 2005, 39–60.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. *Constructions at work. The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- de Haan 2006 — de Haan F. Typological approaches to modality. *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006, 27–69.
- Hengeveld 1989 — Hengeveld K. Layers and operators in Functional Grammar. *Journal of Linguistics*, 1989, 25: 127–157.
- Hilpert 2014 — Hilpert M. *Construction Grammar and its application to English*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2014.
- Hofmann 1976 — Hofmann T. R. Past tense replacement and the modal system. *Syntax and semantics*. Vol. 7: *Notes from the linguistic underground*. McCawley J. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 85–100.
- Janda et al. 2018 — Janda L. A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tiers F. M. A construction for Russian: Filling in the gaps. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 165–181.
- Janda et al. 2020 — Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. How to build a construction in five years: The Russian example. *Squibs in Construction Grammar*, Brisard F., Coleman T., De Wit A., Enghels R., Koutsoukos N., Mortelmans T., Sansiñena M. S. (eds.). Thematic issue of *Belgian Journal of Linguistics*, 2020, 34: 161–173.
- Janda et al., to appear — Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent classification based on the large-scale Russian constructicon. To appear in *Constructions and Frames*.
- Kratzer 1981 — Kratzer A. The notional category of modality. *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics*. Eikmeyer H.-J., Rieser H. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 1981, 38–74.
- Kratzer 1991 — Kratzer A. Modality. *Semantik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1991, 639–650.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, fire and dangerous things*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Langacker 2008 — Langacker R. W. *Cognitive Grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Lewandowska-Tomaszczyk 2007 — Lewandowska-Tomaszczyk B. Polysemy, prototypes and radial categories. *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 139–169.
- Lyngfelt et al. (eds.) 2018 — Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T. (eds.). *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.
- Mordashova 2021 — Mordashova D. Comparative constructions in the Russian Constructicon: Families and clusters. A talk given at the Slavic Cognitive Linguistics Conf. (SCLC-2020/2021), June 3, 2021.
- Nuyts 2016 — Nuyts J. Analyses of the modal meanings. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 31–49.
- Nuyts, van der Auwera (eds.) 2016 — Nuyts J., van der Auwera J. (eds.) *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Palmer 1986/2001 — Palmer F. R. *Mood and modality*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Plungian 2010 — Plungian V. A. Types of verbal evidentiality marking: An overview. *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Diewald G., Smirnova E. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010, 15–58.
- Portner 2009 — Portner P. *Modality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Talmy 1985 — Talmy L. Force dynamics in language and thought. *Papers from the Parasession on Causatives and Agentivity at the 21st Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Eilfort W. H., Kroeber P. D., Peterson K. L. (eds.). Chicago: Chicago Linguistics Society, 1985, 293–337.
- Tomasello 2003 — Tomasello M. *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 2003.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 2(1): 79–124.
- von Fintel, Iatridou 2008 — von Fintel K., Iatridou S. How to say *ought* in foreign: The composition of weak necessity modals. *Time and modality*. Guéron J., Lecarme J. (eds.). Dordrecht: Springer, 2008, 115–141.
- Winter, Gärdenfors 1995 — Winter S., Gärdenfors P. Linguistic modality as expressions of social power. *Nordic Journal of Linguistics*, 1995, 18(2): 137–165. <https://doi.org/10.1017/S0332586500000147>
- Zhukova 2021 — Zhukova V. Constructions denoting degree of intensity in the Russian Constructicon. A talk given at the Slavic Cognitive Linguistics Conference (SCLC-2020/2021), June 3, 2021.

Севернорусская интонация: просодическое членение

© 2023

Сергей Владимирович Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; svknia@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию просодического членения звучащего текста в севернорусских говорах Пинежского, Виноградовского, Плесецкого, Мезенского, Лешуконского, Коношского и Верхнетоемского районов Архангельской области на материале данных диалектных речевых корпусов и магнитофонных записей общей длительностью 49 часов. Проведенный анализ показал, что их основными особенностями в этом отношении являются 1) использование микропросодических явлений (понижение тона на звонких согласных) в макропросодических целях — для маркирования просодических границ между акцентными группами; 2) использование продолжительных физических пауз для манифестации границ между синтагмами (единицами, содержащими ядерные тональные акценты) и акцентными группами, не содержащими смысловых тональных акцентов, внутри одной фразы; 3) отсутствие корреляции между длительностью пауз и глубиной просодических швов. Для описания просодического членения в архангельских говорах предлагается пятибалльная шкала просодических швов: 0 — отсутствие просодической границы; 1 — граница между фонетическими словами внутри акцентной группы; 2 — граница между акцентными группами в синтагме; 3 — граница между разделенными паузой фрагментами фразы, один из которых (синтагма) характеризуется наличием ядерного тонального акцента, а другой (акцентная группа) — его отсутствием; 4 — граница между синтагмами; 5 — граница между фразами в высказывании.

Ключевые слова: диалектология, интонация, пограничные сигналы, просодия, севернорусские диалекты, фонетика

Благодарности: От всей души благодарю анонимных рецензентов; их замечания и предложения очень способствовали улучшению как содержания, так и текста статьи.

Для цитирования: Князев С. В. Севернорусская интонация: просодическое членение. *Вопросы языкознания*, 2023, 2: 56–88.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.56-88

Northern Russian intonation: Prosodic breaks

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
svknia@gmail.com

Abstract: This paper analyzes prosodic phrasing in Northern Russian dialects spoken in the Pinezhsky, Plesetsky, Verkhnetoemsky, Mezensky, Leshukonsky, Konoshsky, and Vinogradovsky districts of Arkhangelsk Oblast based on the material of dialectal speech corpora and the author's tape recordings of dialectal speech made in 1987–1999 (49 hours in total). It deals primarily with the issues related to the local markers of prosodic phrasing, their hierarchy and phonetic means of realization. Based on the performed analysis, I suggest the following break index scale in Arkhangelsk dialects: 0 — break index showing strongest cohesion (absence of prosodic break), typical of boundaries internal to prosodic words (e.g., boundaries between clitics and hosts); 1 — break index marking prosodic word boundaries: marked on the right edge of a prosodic word followed by another prosodic word within the same accentual phrase (by means of reset of the word's rhythmical structure); 2 — break index marking accentual phrase boundaries: marked on the right edge of an accentual phrase followed by another accentual

phrase within the same intermediate phrase (phonetically manifested as a significant — more than 1.5 semitones — tonal drop on a voiced consonant and/or on a poststressed vowel); 3 — break index marking a boundary between an intermediate phrase with nuclear pitch accent and an accentual phrase with non-nuclear pitch accent within the same intonational phrase (using a long, 300–1500 ms, interruption in articulation and high or low boundary tone); 4 — break index marking intermediate phrase boundaries: marked on the right edge of an intonational phrase (by means of high or low boundary tone and an optional pause); 5 — break index marking intonational phrase boundaries: marked on the right edge of an intonational phrase (by means of low boundary tone and an optional pause). The most characteristic features of Arkhangelsk dialects from the perspective of prosodic phrasing are 1) the accommodation of microprosodic features (tonal drop on voiced consonants) for macroprosodic purposes (marking accentual phrase boundaries); 2) the use of lasting physical breaks in articulation to mark prosodic phrasing within an intonational phrase; 3) the absence of a straightforward correlation between the pause duration and the depth of prosodic breaks.

Keywords: dialectology, intonation, North Russian, phonetics, prosody, wordhood

For citation: Knyazev S. V. Northern Russian intonation: Prosodic breaks. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 56–88.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.56-88

Памяти О. Ф. Кривновой (1943–2021)

1. Вводные замечания и материал исследования

1.1. В современной автосегментно-метрической фонологии [Pierrehumbert 1980; Beckman, Pierrehumbert 1986; Beckman et al. 2005] просодия описывается как трехуровневая система, включающая в себя

- **просодические единицы** разной размерности,
- ассоциированные с ними **тональные явления** и
- разделяющие их границы — **просодические швы** (ППШ, ‘prosodic breaks’).

Просодические единицы образуют континуум от минимальных до самых крупных: мора (M) — слог (Syl) — стопа (F) — лексическое слово в роли просодической единицы (Wd) — фонетическое слово (prosodic word, PrWd) — акцентная группа (accentual phrase, AP) — синтагма (intermediate phrase, ip) — фраза (intonational phrase, IP) — высказывание (utterance, Ut). В языках мира набор этих единиц может быть различным.

Тональные просодические явления подразделяются на лексические (слоговые и словесные тоны) и постлексические (фразовые), собственно интонационные, ассоциированные с единицами, большими чем слово: 1) тональные акценты (pitch accents), служащие для выделения одной из единиц в ряду подобных; 2) начальные и конечные пограничные тоны (boundary tones), маркирующие границы между единицами; 3) фразовые тоны (phrase accents), связывающие тональные акценты и пограничные тоны¹. Тональные акценты подразделяются на ядерные (nuclear)² [Selkirk 1984], несущие основную коммуникативную нагрузку и тяготеющие к концу фразы, и неядерные (в том числе — орнаментальные). Эти элементы просодической структуры в севернорусских диалектах описаны в [Князев 2022а; 2022б]; настоящая статья посвящена анализу просодического членения в говорах Архангельской области.

¹ Здесь перечислены основные функции, их набор этим, конечно, не исчерпывается.

² В отечественной лингвистике они могут называться рематическими [Падучева 1996], выделятельными [Кодзасов 2009], несущими [Кибрик и др. 2009б: 85–88], коммуникативно релевантными [Янко 2001] и др.

1.2. Под просодическим членением (ПЧ) или макросегментацией устной речи понимается разбиение звучащего текста на фрагменты разной размерности (от слога до сверхфразового единства), которое осуществляется с помощью просодических звуковых средств в соответствии со смысловой и синтаксической структурой высказывания [Кривнова 2007: 12]. Границы между просодическими составляющими представляют собой просодические швы (ПШ) — абстрактные показатели, имеющие вариативное конкретное фонетическое воплощение и связанные с субъективным ощущением слитности / автономности просодических единиц. Каждому ПШ свойственна определенная «глубина» — показатель сегментирующей силы. Внутри одного языка характер просодического членения зависит как от диалекта [Светозарова 1982], так и от диалекта говорящего.

Основное направление исследования просодического членения в современной лингвистике имеет целью выявление факторов, контролирующих ПЧ, и описание их взаимодействия в отношении текстовой локализации и глубины просодических швов, а также их фонетической реализации (локальной и интегральной) [Кривнова и др. 2016].

Таким образом, при описании просодического членения речи необходимо ответить, как минимум, на следующие вопросы:

- 1) **сколько** уровней просодического членения следует выделять в конкретной языковой системе;
- 2) **где** в ней реализуются просодические швы;
- 3) **как** (какими фонетическими средствами) достигается эффект автономности просодических единиц в речевом сигнале.

1.3. Основным **материалом** исследования служили наши магнитофонные записи шести архангельских говоров:

- 1) д. Сельцо Виноградовского района (запись С. В. Князева, 1989 г., 300 мин.)³,
- 2) д. Веегора (и окрестных деревень⁴) Пинежского района (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1999 г. и В. Голубевой и С. Саркисянца 1986 г., 680 мин.),
- 3) с. Церковное Плесецкого района (запись С. В. Князева, 1988 г., 120 мин.)⁵,
- 4) дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района в верховьях Пинеги (запись С. В. Князева и С. К. Пожарицкой, 1987 и 1990 гг., 540 мин.)⁶,
- 5) д. Кеба Лешуконского района (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1986 г., 380 мин.)⁷,
- 6) д. Мосеево (и окрестных деревень⁸) Мезенского района в среднем течении притока Мезени Пёзы (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1989 г., 460 мин.)⁹.

³ Князев С. В. Корпус говоров среднего течения Северной Двины. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/dvina>, дата обращения 16.01.2023.

⁴ Вальтево, Водогора, Кусогора, Матвера, Шаста, Шеймогора.

⁵ Князев С. В. Корпус говора села Церковное. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/tserkovnoe/>, дата обращения 18.09.2022.

⁶ Князев С. В. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/vaduga/>, дата обращения 21.09.2022.

⁷ Князев С. В. Корпус говора села Кеба. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/keba>, дата обращения 01.09.2022.

⁸ Калино, Баковская, Езевец.

⁹ Князев С. В. Корпус говора Средней Пёзы. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/pyoza>, дата обращения 03.10.2022.

В качестве дополнительного материала были использованы записи Р. Ф. Касаткиной из д. Ваймуша Пинежского района (1966 г.), М. А. Штудинера из села Климовское Коношского района (1970 г.) и С. К. Пожарицкой из д. Тимошино Верхнетоемского района (1997 г.).

2. Как? Особенности фонетической реализации ПШ в архангельских говорах

2.1. Просодическому шву в речевом сигнале может соответствовать или не соответствовать

- физический перерыв, обусловленный перерывом в артикуляции;
- явления резкой смены тональных и других просодических характеристик (количественно-динамических, фонационных, артикуляционных) на краях просодических единиц.

В последнем случае имеет место нетемпоральная пауза, при реализации которой нет перерыва в артикуляции [Цеплитис 1974]. Просодический контраст воспринимается как разрыв плавности звучания только в тех точках текста, которые разрешаются интонационным членением, т. е. там, где локализован ПШ как абстрактный маркер просодической границы [Каспарова 1965].

Для фиксации просодических швов могут быть использованы следующие критерии:

- наличие физических пауз и их длительность;
- наличие тональных акцентов (ТА), между которыми обычно присутствие ПШ;
- пограничные тоны в начале и конце просодических единиц;
- квазисегментные явления (ларингализация, придыхание и др.) и элементы речевого дыхания;
- изменение тонального регистра (возвращение тона на базовый уровень, «resetting»);
- замедление темпа произнесения перед ПШ (финальное продление)¹⁰, ускорение после него;
- уменьшение интенсивности звуковых сегментов перед ПШ, увеличение после;
- особенности фонетической реализации фонем (отсутствие редукции в конечных, преимущественно — в открытых слогах);
- эмфатическая просодия [Кибрик и др. 2009а: 143].

2.2. Основными показателями ПШ максимальной глубины, например, между интонационными фразами, является наличие

- ядерного тонального акцента в каждой из просодических единиц;
- пограничного тона на последнем (обычно безударном, если он есть) слоге фразы;
- продолжительной (более 200 мс) темпоральной паузы с перерывом в артикуляции.

Пограничным тонам в архангельских говорах посвящено специальное исследование [Князев 2021], об одном из способов использования пауз для просодического членения речи см. ниже раздел 3.

Одна из особенностей просодической организации высказывания в севернорусских говорах связана с тем, что им свойственно так называемое «пословное» мелодическое оформление [Кузнецов 1949: Пауфошима 1983]: в них большее число слов несет на себе тональный акцент, чем, например, в литературном русском языке: в среднем ТА имеет место на 6 из каждых 10 фонетических слов в отличие от 3 из 10 в СРЛЯ [Князев, Евстигнеева

¹⁰ В качестве физического показателя просодической границы может выступать удлинение конечных гласных последнего слова в синтагме [Потапова, Блохина 1986; Качковская 2015].

2022]. При этом часть тональных акцентов в севернорусских говорах являются орнаментальными, не несущими смысловой нагрузки, таким образом, наименьшей просодической единицей фразового уровня в этих говорах является акцентная группа, а не синтагма, как, например, в СРЛЯ¹¹. Вопрос о просодических швах между акцентными группами представляет особый интерес, поскольку между тональными акцентами в них может быть не так много сегментного материала для реализации фонетических явлений, ассоциированных с просодическими швами.

2.3. Основной тип мелодического контура в севернорусских говорах выглядит следующим образом: на начальных безударных слогах имеет место средний (базовый, %M) или низкий (%L)¹² начальный пограничный тон, на первом ударном слоге наблюдается значительный подъем до высокого (или сверхвысокого), который сохраняется до первого заударного или последнего во фразе слога конечного в синтагме акцентированного слова, с которого начинается падение к среднему (в случае смысловой незавершенности) или низкому (при завершенности) пограничному тону (фонетически — M% или L%), см. рис. 1. Этот мелодический контур («hat», «шляпа») является одним из самых распространенных в языках с фразовой просодией [Nooteboom 1997: 653]. Ситуация может осложняться еще и тем, что значительная часть тональных акцентов в архангельских говорах может представлять собой высокий ровный тон H* [Князев 2022а; 2022б], см. ниже примеры на рис. 2, 3, 6, 8, 9, 10, 12, где это видно наиболее отчетливо.

Есть основания полагать, что в таком случае для реализации ПШ в говорах может использоваться не вполне стандартная стратегия размещения тональных движений на звонких согласных.

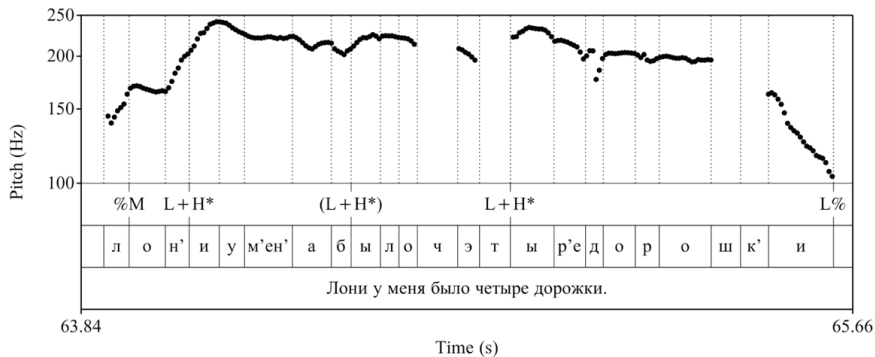

Рис. 1. Кривая ЧОТ фразы *Лони у меня было четыре дорожки*
д. Ваймуша Пинежского р-на Архангельской области¹³

Изменения частоты основного тона (ЧОТ) могут быть ассоциированы с разными уровнями фонетической структуры высказывания: фразовым, словесным, слоговым, сегментным. В последнем случае они называются микропросодическими, к их числу относятся, например, более высокая ЧОТ на более закрытых гласных, а также понижение тона

¹¹ Акцентные группы могут состоять из одного (чаще) или нескольких (реже) фонетических слов и характеризуются наличием тонального акцента — орнаментального или ядерного. Отличие их от синтагмы заключается в том, что тональный акцент, ассоциированный с акцентной группой, может не нести коммуникативной (смысловой) нагрузки.

¹² Вопрос о фонологическом противопоставлении начальных пограничных тонов в севернорусских говорах остается пока открытым.

¹³ Прописными латинскими буквами на рисунках обозначены тональные акценты, фразовые и пограничные тоны в системе ToBI, подробнее о них в архангельских говорах см. [Князев 2022б].

на звонких шумных согласных и его повышение на гласном в соседстве с глухим шумным (особенно взрывным) (см. [House, Fairbanks 1953; Kohler 1982; 1985] и др.), обусловленное необходимостью подавить или поддержать колебания голосовых связок¹⁴. Микропросодические изменения ЧОТ, связанные с согласными, являются обычно относительно незначительными: для звонких они колеблются в среднем в пределах 8–13 Гц в зависимости от типа согласного [Birkholz, Zhang 2020: 8100–8101]; принято считать, что они обычно не контролируются говорящим [Whalen, Levitt 1995].

Однако сплошной анализ просодического оформления высказывания в различных севернорусских говорах дает основания утверждать, что в них регулярно фиксируется гораздо более значительное, вплоть до 100 Гц, понижение ЧОТ на звонких согласных, см. [д'] в *идёт* на рис. 2; [д] (*идут*) на рис. 3; [в] (*обливать*) на рис. 4; [г] (*его*) на рис. 5; [д] (*худа*), [д'] (*идеишь*) на рис. 6; [д'] (*детство*), [б] (*было*), [г] (*негодное*) на рис. 7; [д'] (*один*) на рис. 8; [гб] (*как бочки*) на рис. 9; [д'] (*ходил*) на рис. 10; [дв] (*двор*) на рис. 11; [б] (*было*), [дв'] (*две*), [д'] (*впереди*) на рис. 12.

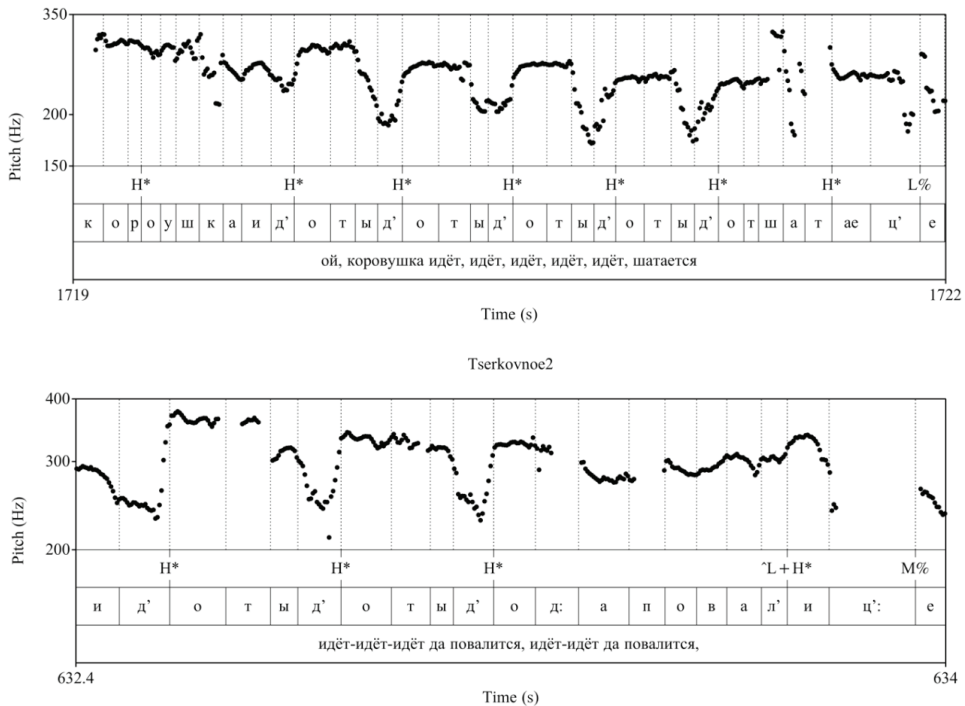

Рис. 2. Интонограмма фраз

Коровушка идёт, идёт, идёт, идёт, идёт, шатается... (вверху)

(Коровушка) идёт-идёт-идёт да повалится, идёт-идёт да повалится (внизу),

диктор Т. Т. Ф., село Церковное

¹⁴ "The present findings provide evidence for two types of *CF0* effects. The first—raised *F0* following the release of a voiceless consonant—can be understood as the result of laryngeal adjustments to inhibit phonation, while the second—depressed *F0* during the closure phase of a voiced obstruent—is consistent with known laryngeal adjustments which sustain phonation. In both cases, however, the *F0* perturbations accompany, and are thus predicted by, articulatory maneuvers otherwise required for the successful implementation of voicing. While this in no way precludes subsequent enhancement of *CF0* for perceptual purposes, it supports the position that the source of the effect is fundamentally due to articulatory, rather than perceptual, contingency" [Kirby, Ladd 2016: 2409–2410].

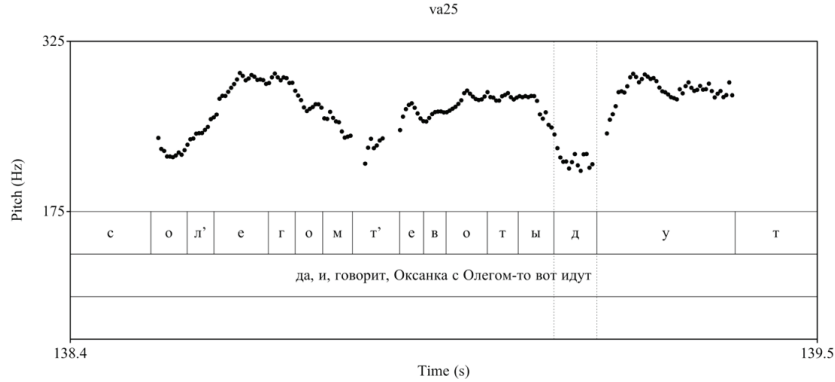

Рис. 3. Интонограмма фразы *(Да и, говорит, Оксанка) с Олегом-то вот идут*, диктор Р. А. О., д. Вадюга

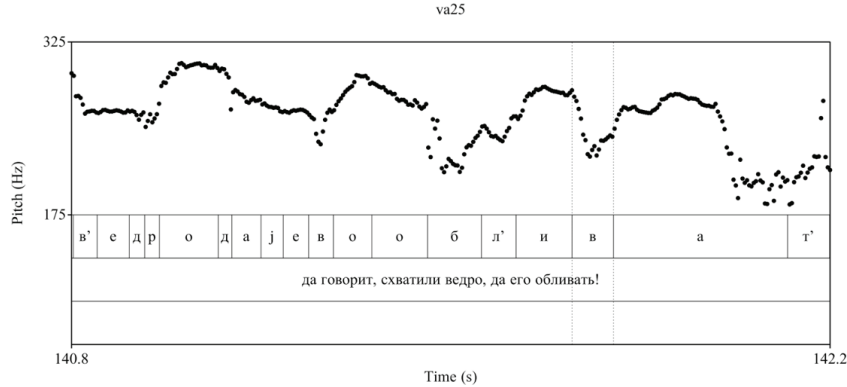

Рис. 4. Интонограмма фразы *да говорит, (схватили) ведро, да его обливать!* диктор Р. А. О., д. Вадюга

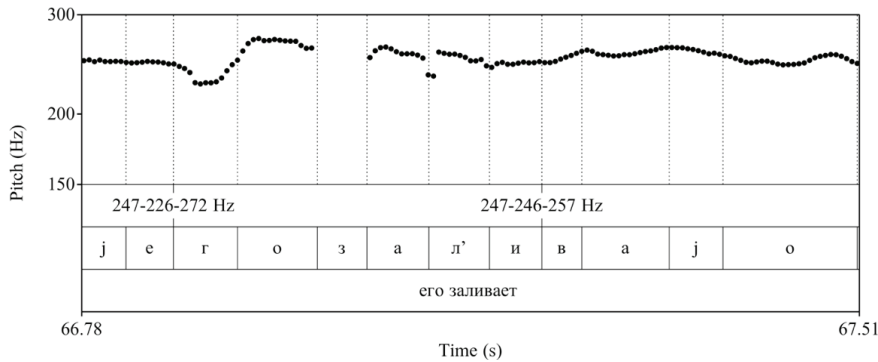

Рис. 5. Интонограмма фрагмента *его заливает* диктор Р. А. О., д. Вадюга

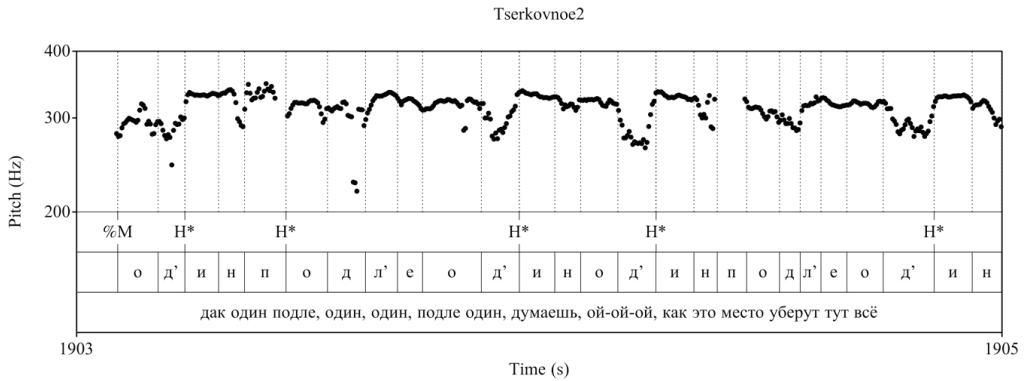

Рис. 8. Интонограмма фразы *(дак) один подле, один, один, подле один, (думаешь, ой-ой-ой, как это место уберут тут всё)*, диктор Т. Т. Ф., село Церковное

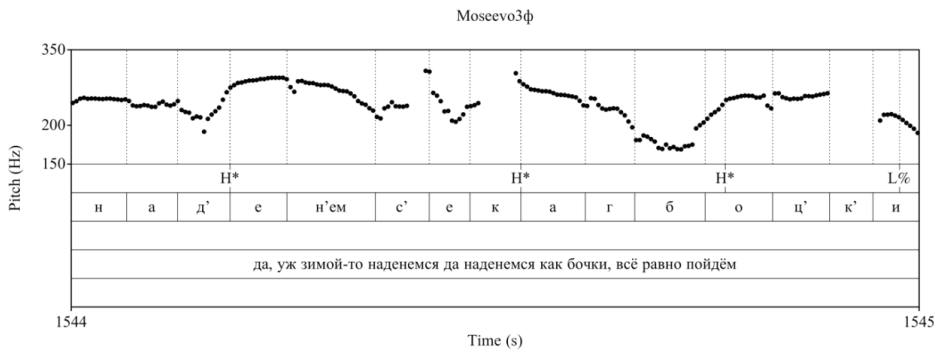

Рис. 9. Интонограмма фразы *(Да, уж зимой-то наденемся да) наденемся как бочки, (всё равно пойдём)*, диктор Г. Л. А., д. Мосеево

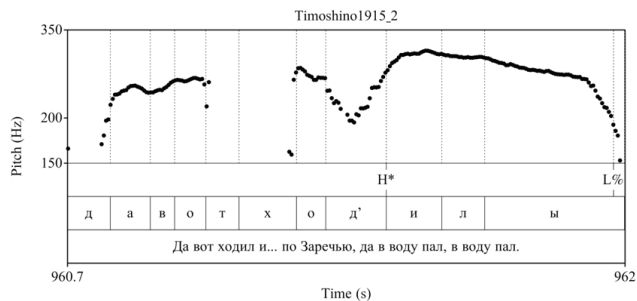

Рис. 10. Интонограмма фрагмента *Да вот ходил и... (по Заречью, да в воду пал, в воду пал)*, диктор С. З. Ф., д. Тимошино

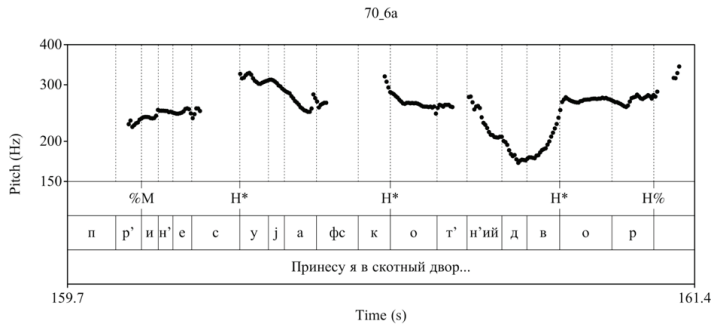

Рис. 11. Интонограмма фразы *Принесу я в скотный двор*
диктор А. Т. М., село Климовское

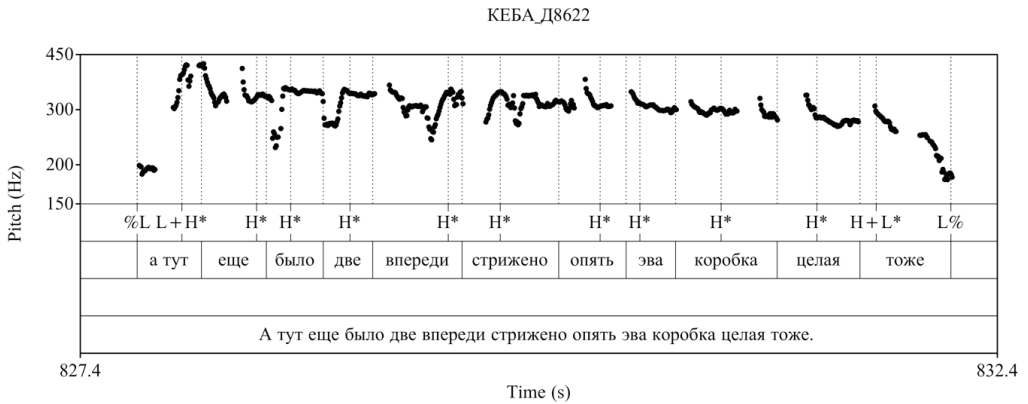

Рис. 12. Интонограмма фразы *А тут еще было две впереди стрижено опять эва коробка целая тоже.*
диктор С. П. Ф., д. Кеба

К числу наиболее простых интерпретаций этого явления можно было бы отнести:

- 1) специфику речевой базы говорящего¹⁵;
- 2) высоту голоса носителей диалекта (поскольку микропросодические эффекты, связанные с шумными согласными, в максимальной степени выражены именно в случае высокой F_0 [Hanson 2009]);
- 3) высокий базовый тон оформления высказывания в говоре;
- 4) необходимость реализовать тональный акцент некоторым особым образом.

Первые три гипотезы не могут быть признаны верными, поскольку в одном и том же говоре в речи одного и того же носителя, на одном и том же тональном уровне и на одних и тех же согласных с практически равной регулярностью встречаются как существенные

¹⁵ «Возможно, разным языкам свойственны несколько различные нейтральные позы голосовых связок, т. е. артикуляционная база языка характеризуется не только специфическим укладом надгортанных органов, но и особым положением голосовых связок. Хотя различия между языками в этом отношении не должны быть значительными, тем не менее они могут быть значимыми для всей системы ларингальных признаков — как сегментных, так и интонационных» [Кодзасов, Кривнова 1977: 184]; к числу таких признаков относится, в частности, вертикальное положение гортани [Кодзасов 2000].

в перцептивном отношении (30–112 Гц), так и явно незначительные в этом плане (7–19 Гц) флуктуации ЧОТ. Они вполне могут сосуществовать и в пределах одного и того же высказывания: см. [г] (*с Олегом*) в сравнении с [д] (*идут*) на рис. 3; [д] (*переполнаешь*) в сравнении с [д'] (*идеешь*) на рис. 6; [д] (*не дай*) в сравнении с [д'] (*детство*) и [б] (*не было*) на рис. 7.

Как Х. Хансон (на материале английского языка [Hanson 2009]), так и Дж. Кирби и Д. Лэдд, исследовавшие микропросодические явления, связанные с согласными в близких русскому в отношении контраста по глухости / звонкости итальянском и французском языках, отмечают, что эффект понижения ЧОТ на и после звонких согласных и повышения ее после глухих наиболее явно проявляется при сравнении их с сонорными, которые, по всей видимости, не оказывают в общем случае влияния на ЧОТ, поскольку для них звонкость является спонтанной: "...there is pronounced F0 lowering during the closure phase for voiced obstruents (stops and fricatives) relative to nasals in both languages and in both intonation contexts (...) However, no such lowering was observed during the oral closure for nasals. This (...) reinforces the expectation that the linguistic F0 target of an utterance should be perturbed minimally, if at all, by the production of (voiced) sonorants, for which maintaining transglottal airflow necessary for continued voicing should not require any active or passive vocal tract enlargement (Ohala, 1975) or otherwise require articulatory adjustments of the glottis or supralaryngeal cavity" [Kirby, Ladd 2016: 2407–2408]. В этой связи представляется знаменательным, что в архангельских говорах экстремальное понижение тона наблюдается именно на шумных (включая [в]) — см. его отсутствие на сонорных в случаях *повадится* (рис. 2), *с Олегом* (рис. 3).

При этом глубокое падение на согласном фиксируется преимущественно в инициали ударного слога слова, на котором реализуется тональный акцент (см. табл. 1). Тем самым оно, по-видимому, является манифестацией просодических швов между акцентными группами (которые, напомним, чаще всего являются полем реализации акцента с высоким ровным тоном).

Таблица 1

Средние значения изменения ЧОТ на звонком согласном в английском языке, СРЛЯ¹⁶ и севернорусских говорах (в скобках — количество примеров)

	F ₀ нач.	F ₀ кон.	ΔF ₀	F ₀ кон. в % от F ₀ нач.
АЯ [Birkholz, Zhang 2020] (4238)			10,6	—
СРЛЯ (80)	225,0	214,0	11,0	95 %
Диалект перед гласным без ТА (50)	260,1	250,2	9,9	96 %
Диалект перед гласным с ТА (70)	272,5	229,1	43,4	84 %

Таким образом, необходимость реализации просодической границы на ограниченном сегментном материале способствует использованию исходно микропросодических явлений в макропросодических целях: перцептивно значимое понижение ЧОТ, требующееся для восприятия последующего ровного высокого тона как тонального акцента, происходит на сегменте, который уже содержит микропросодическое падение тона: «естественный» фонетический процесс используется для манифестации фонологического контраста. Переход от универсальной, неконтролируемой микропросодии к такому специфическому явлению, какое наблюдается в архангельских говорах, вполне соответствует понятиям «фонологизации» и «фонемизации», которые в классической работе [Нуман 1976] иллюстрируются на примере перехода от сегментного контраста по глухости / звонкости

¹⁶ Подсчеты выполнены на материале чтения двумя носителями СРЛЯ диалектных фраз из нашего материала (адаптированных к литературному языку).

к просодическому противопоставлению низких и высоких тонов в языках юго-восточной Азии:

“That what begins as an intrinsic byproduct of something else, predicted by universal phonetic principles, ends up as unpredictable and hence, extrinsic (...) In stage I an intrinsic pitch-lowering caused by prevocalic voiced consonant is observed. In stage II the pitch-lowering after [b] has become exaggerated to such an extent that it cannot be entirely predicted on the basis of the universal effect of a preceeding voiced consonant (...) Finally, in stage III, the voicing of *b has been lost and a rising tone has become ‘phonemic’ (...) The three stages represented define two ‘processes’ as seen below:

Stage I > Stage II = phonologization

Stage II > Stage III = phonemicization (...)

An intrinsic variation first becomes extrinsic (phonological) and then may become distinctive (phonemic)” [Hyman 1976: 408].

Таким образом, мы полагаем, что в архангельских говорах произошла не только фонологизация указанного явления — падение тона на звонких согласных перестало быть чисто автоматическим, — но и его фонемизация: ставшее перцептивно значимым понижение ЧОТ на звонких шумных используется для манифестации просодического фонологического контраста.

3. Где? Специфическое место реализации ПШ в архангельских говорах

3.1. В качестве наиболее очевидного пограничного сигнала в литературе выделяются темпоральные (физические) паузы [Кривнова, Чардин 1999]. Они подразделяются на грамматические (имеющие отношение к смыслу и синтаксису предложения) и неграмматические (хезитационные и выделительные) [Светозарова 1982].

В литературном русском языке длительность физической паузы на словоразделе коррелирует с глубиной просодических швов [Кривнова 1995] и частотностью их обнаружения [Кривнова 2015]: при минимальном по глубине ПШ пауза часто отсутствует; на швах большей глубины пауза присутствует всегда, причем ее длительность в общем случае составляет больше 200 мс [Кривнова 1995].

Особую группу физических пауз представляют собой дыхательные паузы (ДП) с включенным в них вдохом. Их длительность также коррелирует с глубиной членения [Гвоздев 1949]. Интервал длительностью от 3 до 25 мс воспринимается аудиторами как помеха; от 25 до 100 мс — как нарушение в звучании, но не пауза [Каспарова 1971]. Достаточно надежное восприятие паузы в речевом сигнале происходит при длительности около 200 мс. В среднем внутренние паузы короче пауз на границах предложения, которые, в свою очередь, короче пауз на границах абзацев: межсинтагменные границы маркируются обычно паузами длительностью от 60 до 600 мс; межфразовые — от 600 до 1800 мс [Потапова, Блохина 1986]¹⁷. Перцептивно особенно важны паузы с длительностью не менее 200 мс (один слог в случае относительной длительности): в области от 200 до 300 мс находится значимая категориальная граница, разделяющая поверхностно-артикуляторные паузы, отражающие ритмические швы, и паузы, являющиеся «рефлексом глубинных пауз-остановок в работе фонетического процессора», типичные для собственно интонационных швов [Кривнова 2015].

¹⁷ Одной из основных причин вариативности в перцептивной категоризации длительности пауз является темп речи. Ее уменьшение достигается переводом абсолютной длительности пауз в относительную. При чтении длительность краткой паузы (между интонационными фразами) соответствует обычно длительности фонетического слова.

Предпочтительное (но не единственное) место дыхательных пауз (ДП) — конец предложения или конец клаузы внутри предложения [Шейкин 1966; Златоустова 1968; Дозорец 1971]; вероятность вдоха уменьшается на границах текстовых фрагментов следующим образом: абзац (100 %), самостоятельное предложение внутри абзаца (94 %), клауза внутри предложения (65 %), компонент внутри клаузы (34 %); варьируется и длительность ДП (10 — 5 — 3 — 3 слога соответственно) [Кривнова 2014: 52–53]. При этом текстовая локализация дыхательной паузы является главным фактором, определяющим ее длительность, а значимых корреляций между длительностью ДП и такими факторами, как длина последующей и предшествующей дыхательной группы и длительность предшествующей ДП, в экспериментах не обнаружено [Там же: 57–58]. ДП с разной текстовой локализацией имеют не только разную длительность, но также и различное акустико-физиологическое наполнение (носовой вдох, ротовой вдох, сглатывание) и разную интенсивность дыхательного шума [Там же: 54, 59–60].

Другой показатель просодического членения — просодическая акцентуация, связанная с иерархией разных типов просодического выделения: ритмическое — синтагматическое — фразовое. Так, объединение слов в синтагме достигается «легким усилением последнего ударения и той или другой выразительной интонацией, объединяющей все это в единое целое» [Щерба 1963: 87], иными словами, наличием ядерного тонального акцента. Тем самым важен не только факт просодической выделенности конечного слова синтагмы, но и метрический контраст между словами в синтагме, который функционирует как просодическая схема.

Исследования на русском материале показывают, что почти в 90 % случаев граница просодической синтагмы в прозаическом тексте находится сразу после акцентированного слова [Иомдин, Лобанов 2009], которое называется носителем ядерного акцента (акцентоносителем): «...остальные 10 % акцентных выделений, не совпадающих с концом синтагмы, приходится на индивидуальную, синтаксически немотивированную установку границы синтагмы после неакцентированного слова» [Там же: 142]. Таким образом, хотя и не любое выделенное слово сигнализирует о просодической границе, но если граница есть, то в 90 % случаев перед ней находится просодически акцентированное слово. Метрическая вершинность конечного, предграницного синтагматического / фразового акцента нарушается только в синтагмах с выделительными смысловыми акцентами. Однако полной нейтрализации синтагматического и фразового ударения не происходит: в границах синтагмы / фразы могут сосуществовать оба функциональных типа фонетического выделения [Николаева 1982; 2000]. Средняя плотность сильных словесных ударений в прозаическом тексте равна 2,8, т. е. одно ударение на три фонетических слова [Кривнова 1995] или 3 на 10 фонетических слов [Князев, Евстигнеева 2022].

Многие исследователи обращают внимание на наблюдаемые ограничения в фонетической длине просодической синтагмы: пауза обязательна в любой фразе, содержащей более восьми слов [Кривнова 2007: 122].

3.2. В литературных источниках на основе анализа морфосинтаксической структуры текста и просодических наблюдений выделяются определенные «грамматико-смысловые словосочетания / синтаксические группы», внутри которых, как правило, **не может находиться** граница просодической синтагмы. В частности, единую синтаксическую и просодическую группу составляют:

- прилагательное и следующее за ним согласованное существительное или инфинитив (*полезная книга, готовый учиться*);
- наречие с последующим инфинитивом, наречием, существительным или местоимением (*хорошо петь, очень удачно, далеко от дома, наедине с ней*);
- глагол с последующим инфинитивом, наречием, существительным или местоимением (*предложил выучить, поступал справедливо, писал брату, встретиться с ними*);

- числительное с последующим существительным (*две книги*);
- существительное с последующим существительным или наречием (*письмо родителям, прогулка верхом*) [Лобанов 2008: 325–326].

Иначе говоря, в группу бинарных словосочетаний со словоразделом, никогда не маркируемым просодически, включаются пары слов, находящихся в непосредственном линейном контакте и тесно связанных по смыслу и синтаксически.

3.3. В [Князев 2021] было отмечено, что просодическая организация текста в севернорусском говоре села Церковное Плесецкого района Архангельской области очень часто не совпадает с синтаксической (и смысловой): реальные паузы в нем не соответствуют границам синтаксических единиц (клауз), находясь внутри них¹⁸. Ниже приводятся некоторые примеры такого несовпадения, паузы между просодическими единицами в них отмечены знаком [//]¹⁹.

- (1) *на Сомковом бору была избушка // сделана*
- (2) *да сама себе чего-нибудь // сварю да испеку да и вот тебе дело всё*
- (3) *а ребята этта²⁰ // в позапрошлом году пошли в лес на охоту*
- (4) *а потом одна старуха тут пришла его // покудычила* (см. рис. 13)
- (5) *обутка вот тут стояла // под пороге* (см. рис. 14)
- (6) *и этого жеребёнка закопало // в навоз* (см. рис. 15)
- (7) *ни то дак другое, на что уж мазь // от тарантаса была да ключ*
- (8) *а потом были часы будильник // в шкапу* (см. рис. 16)
- (9) *а он этта // ходил* (см. рис. 17)
- (10) *хотела ехать // туды*
- (11) *она ей тут поучила // да велела // двери // закрестить // дёгтем*
- (12) *не по один год так, а потом одна бабка тоже была // такая*
- (13) *во дворе овцы смирёны // а во хлеви как сумасшедшие // были*
- (14) *пока как тут этот навоз // тёплый*
- (15) *да хоть медведь станет ходить дак не заденет // кота // а у других // сразу задерёт*
- (16) *а дымок от дымка только будет // видно*
- (17) *вот тебе дятель // птица // вецевая*
- (18) *а ему до этого-то // птичка залетела // в кабину*
- (19) *а потом ездили оне на рыбалку, а попала // куропатка*
- (20) *он ехал она // идёт по дороги он сколько ни пикиал она всё равно всё идёт всё*
- (21) *а потом эты эк делают // желобка*

¹⁸ Наряду с этим, хоть и значительно реже, но встречаются и обратные случаи — с отсутствием глубоких просодических швов на границах фраз и даже абзацев (см. рис. 18), так что границы крупных семантических единиц могут не совпадать с границами просодических.

¹⁹ Подчеркнем еще раз, что в приведенных ниже случаях просодические швы в речи информанта выражены именно реальными паузами продолжительностью более 200 мс (в среднем около 500 мс), а не только сменой просодического оформления (например, ресетом тональных, динамических или количественных характеристик).

²⁰ Здесь.

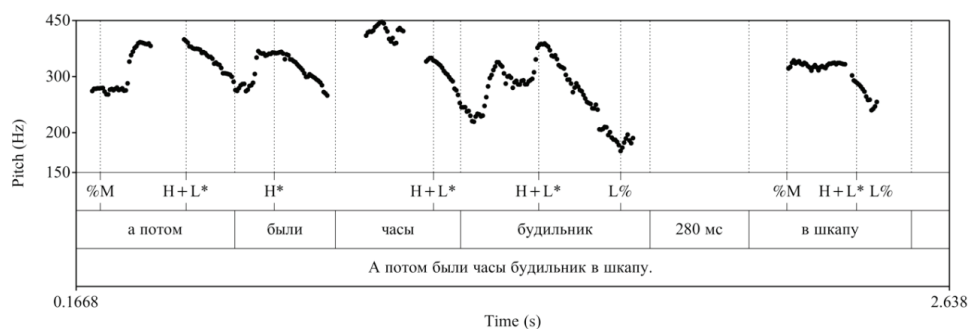

Рис. 16. Интонограмма фразы *А потом были часы будильник // в шкапу*, диктор Т. Т. Ф. с. Церковное

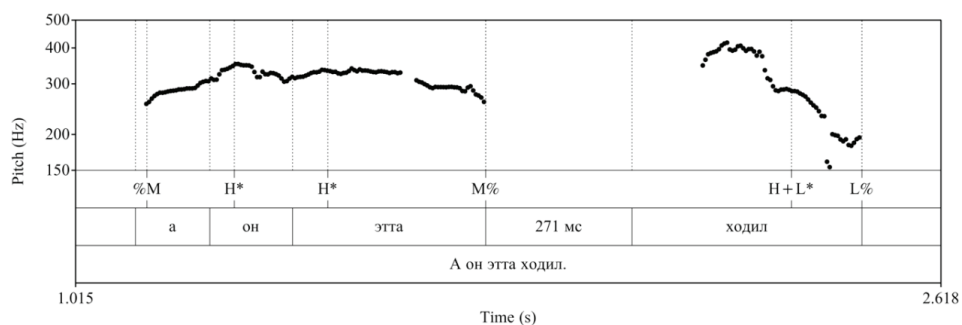

Рис. 17. Интонограмма фразы *А он этта // ходил*, диктор Т. Т. Ф. с. Церковное

Эти примеры в говоре Церковного очень частотны: на один час звучания их приходится более 60, то есть встречаются они чаще, чем раз в минуту²¹. Можно было бы предположить, что данная особенность характеризует речь конкретного информанта или определенный диалект, но и в других архангельских говорах такие случаи весьма частотны, хоть и не настолько, насколько в речи диктора Т. Т. Ф. из Церковного²². Некоторые такие примеры из разных архангельских говоров приводятся ниже, в том числе на рис. 18–33.

²¹ Один из анонимных рецензентов обратил внимание на то, что «многие приведенные в 3.3 примеры имеют приметы линейного разбиения низких составляющих (*на Сомковом бору была избушка // сделана* — группа *была сделана* разделена подлежащим; *избушка сделана* в данном случае не образуют составляющую; *А из солода варили тамтки // опару* — дополнение отделено от глагола наречием, аналогично *тамтки опару* — не составляющая), и в этом случае наличие паузы не противоречит синтаксису. Кажется, что и в СРЛЯ в аналогичных случаях пауза была бы возможна в устной речи». Соглашаясь в целом с этим замечанием, отметим, что в литературной устной речи существует лишь теоретическая вероятность произнесения в определенных условиях этих и некоторых других фраз с просодическим швом (но не долгой паузой) в указанном месте; в архангельских же говорах эта стратегия (именно с использованием пауз) является регулярной.

²² Возможно, это частично объясняется тем, что Т. Т. Ф. (1908 г. рождения) к моменту записи в 1988 г. уже много лет была полностью глухой, поэтому в ее речи отсутствует обычное для подобных случаев влияние на речь диалектоносителя литературного языка собеседника (а также средств массовой информации).

Сельцо

- (26) У нас ведь много было // домов-то. Ведь много, знаешь, не живет, много (рис. 18)
- (27) У нас, наверное, восемьдесят или семьдесят две // коровы были
- (28) Сейчас плотят плотами да и // гонят
- (29) Раньше мало ведь было // мануфактуры
- (30) Ой, как садили в баржу-ту // старичков-то (рис. 19)
- (31) В один дом вбивали // сколько семей (рис. 20)
- (32) У нас это-то не была, в Троице была // коммуна (рис. 21)
- (33) Всё раньше Нина Александровна с учениками ходила // туды (рис. 22)
- (34) А потом уж как узнали, кто-то из лесу шел, ле что ле, он // изрезан лежит
- (35) А из солода варили тамотки // опару (рис. 23)
- (36) Овода-те, овода-те вот только до Петрова дня. Ак Петров день прошёл, дак овода // убежали все

Кеба

- (37) У меня комната // большая, высокая
- (38) Вывезут и на поскотину // свалят, там разделявают и плотят // гонки
- (39) Иван Ильич живет, дак у их передок-от построил // туды
- (40) Да, вот такое место было, Макаровец почто-то // звали (рис. 24)
- (41) Где впереди прогорит, на ту девку и скажут, ту девку и спровожать пойдет // парень с вечереньки
- (42) О, раньше-то были // восковые
- (43) Если транспорт будет хороший, опять на машины повезут // во флягах
- (44) А сразу-ту мужика-то не взяли // на войну-ту, он еще остался был
- (45) Тут весной они // плотят
- (46) Гребут, чтобы его не занесло // на мель (рис. 25)
- (47) Ак вот я пошла // за будку (рис. 26)
- (48) И теперь там уж боле // до пекарни построились
- (49) И врачи приехали, назначили по четыре укола // в день

Мосеево

- (50) А мы поехали тут другой дорогой, совсем поехали // были (рис. 27)
- (51) Никого нету большие // старых-то тоже
- (52) А кругом — семь // километров (рис. 28)
- (53) На Архангельск раньше // ходили
- (54) Еще и самолета как по погоде да и не скоро и // вызовешь, да и не скоро прилетит еще
- (55) Тоже отовсюду народ-от // навожен был
- (56) В Дорогорском столовая // есть

Ваймуша

- (57) *И спрашивают // гостей*
 (58) *Смотри, не это за столом // делают*
 (59) *Тожё так придут, жених за ногу захватит // невесту и она кланяется*
 (60) *Поставят зеркало // напротив и там за хомутом зеркало (рис. 29)*

Тимошино

- (61) *В Северодвинске живут три дочери да сын // женатый (рис. 30)*
 (62) *Держится с им, как одинава сидит, держится, ещё два года нету // парню*
 (63) *Всё время-то всё рассчитано // было (рис. 31)*
 (64) *А сейчас, может, более ста // наехало*

Климовское

- (65) *Стояла у шкапу // деревянная койка*
 (66) *Тут меня часто кормил председатель // колхоза (рис. 32)*
 (67) *Курсы пять месяцев // проводил*
 (68) *Не отдельно, не отдельно койки, а просто сплошной // пол (рис. 33)*

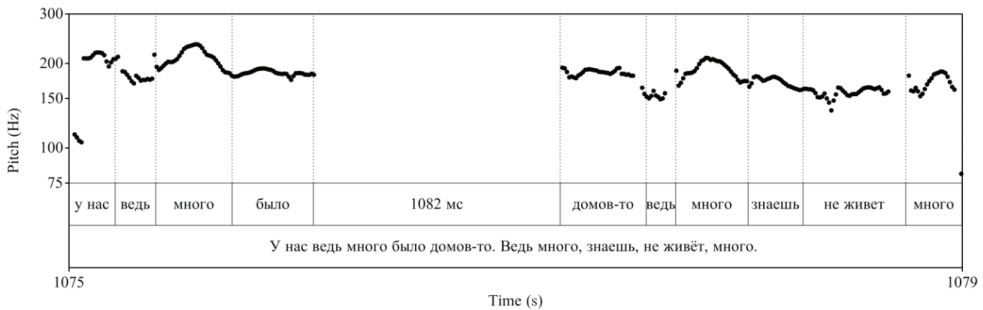

Рис. 18. Интонограмма высказывания *У нас ведь много было домов-то. Ведь много, знаешь, не живёт, много*, диктор Г. О. И., д. Сельцо

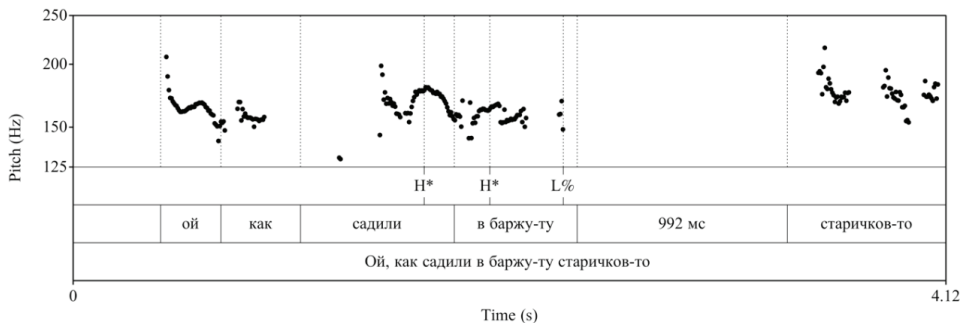

Рис. 19. Интонограмма высказывания *Ой, как садили в баржу-ту // старичков-то*, диктор Л. А. В., д. Сельцо

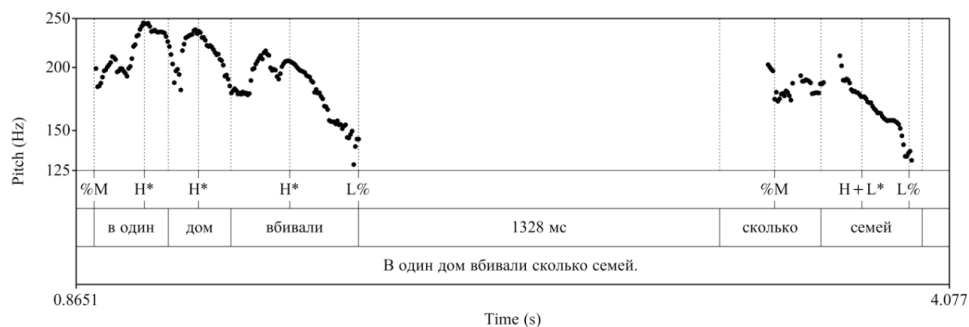

Рис. 20. Интонограмма высказывания *В один дом вбивали // сколько семей*, диктор Л. А. В., д. Сельцо

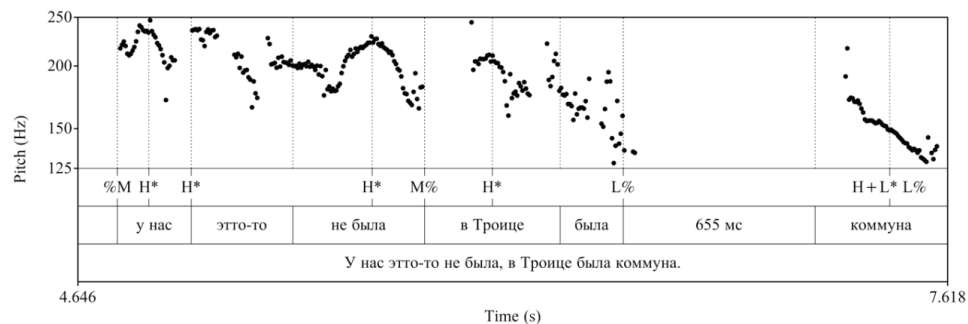

Рис. 21. Интонограмма высказывания *У нас этто-то не была, в Троице была коммуна*, диктор Л. А. В., д. Сельцо

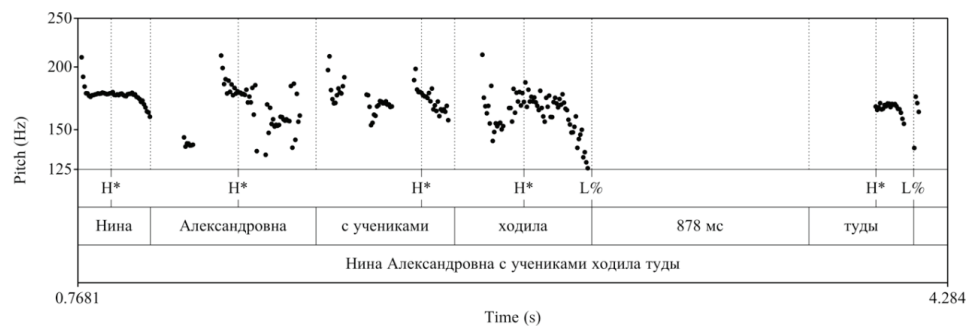

Рис. 22. Интонограмма высказывания *Нина Александровна с учениками ходила туды*, диктор Л. А. В., д. Сельцо

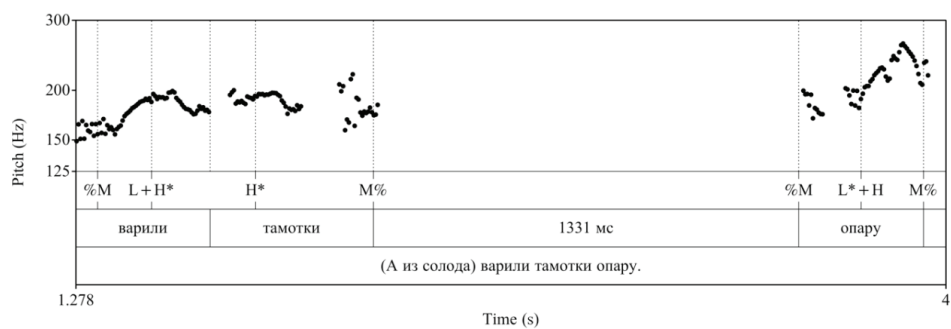

Рис. 23. Интонограмма высказывания *(А из солода) варили тамотки опару*, диктор Г. О. И., д. Сельцо

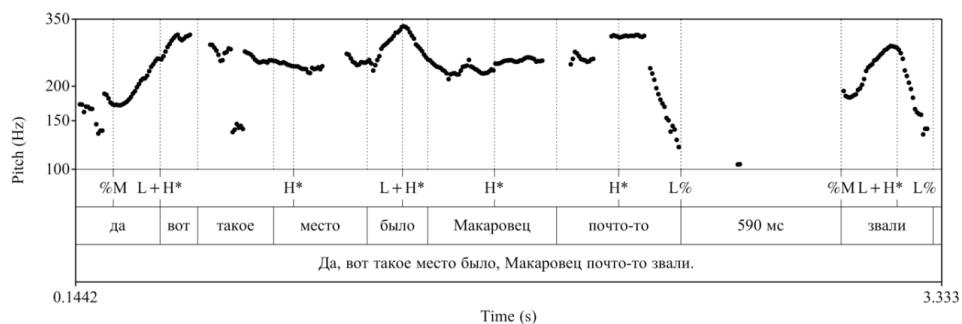

Рис. 24. Интонограмма высказывания *Да, вот такое место было, Макаровец почто-то звали*, диктор М. Н. С., д. Кеба

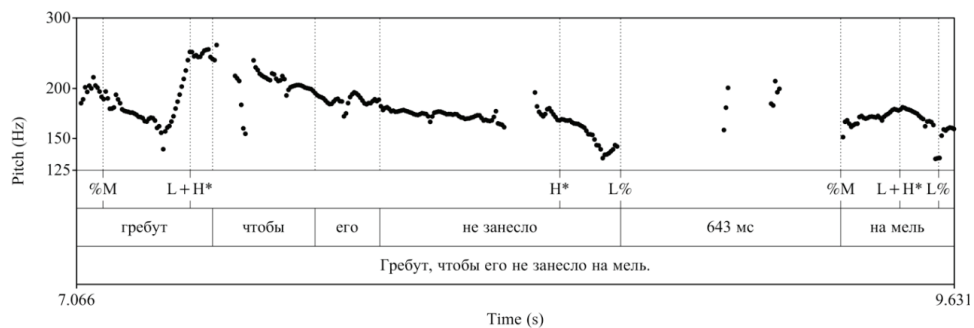

Рис. 25. Интонограмма высказывания *Гребут, чтобы его не занесло на мель*, диктор М. Н. С., д. Кеба

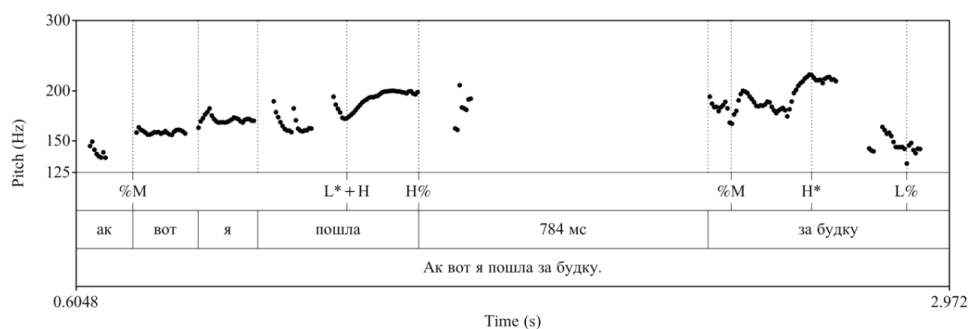

Рис. 26. Интонограмма высказывания *Ак вот я пошла за будку*, диктор М. Н. С., д. Кеба

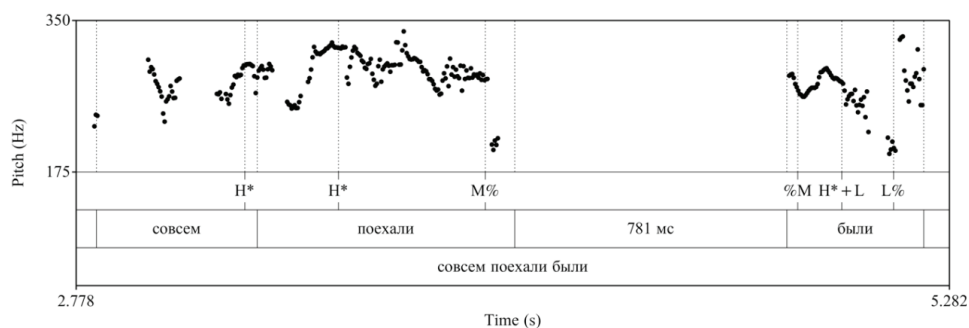

Рис. 27. Интонограмма высказывания *совсем поехали были*, диктор М. А. Н., д. Мосеево

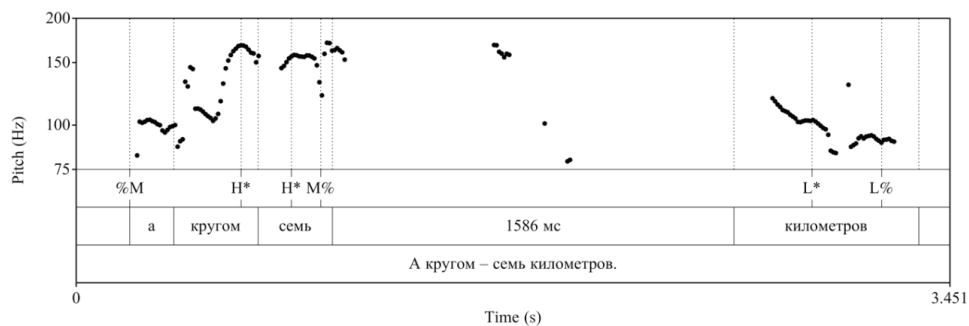
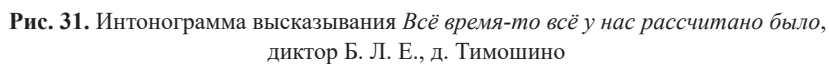
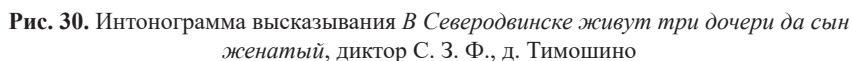

Рис. 28. Интонограмма высказывания *А кругом — семь километров*, д. Мосеево

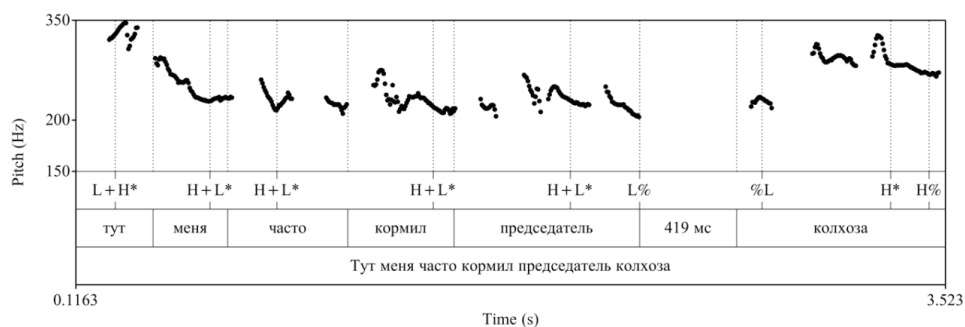

Рис. 32. Интонограмма высказывания *Тут меня часто кормил председатель колхоза*, с. Климовское

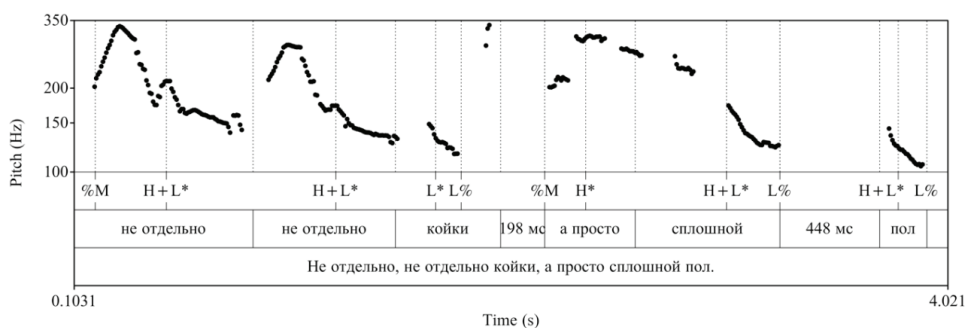

Рис. 33. Интонограмма высказывания *Не отдельно, не отдельно койки, а просто сплошной пол*, с. Климовское

Таким образом, специфическое распределение пауз в звучащей речи не является особенностью одного информанта или конкретного говора, а свойственно многим (если не всем) архангельским диалектам. В то же время для среднерусских и южнорусских говоров эта особенность, по нашим предварительным наблюдениям, не характерна.

Продолжительность пауз в этих примерах составляет от 300 до 2000 мс (в среднем около 900 мс), что даже больше, чем в Церковном.

Паузам всегда предшествует конечный пограничный тон, маркирующий конец синтагмы; почти в $\frac{2}{3}$ всех случаев (62 %) низкий (L%), в $\frac{1}{3}$ (38 %) — высокий (H%) или функционально равный ему средний (M%). Таким образом, часть фразы перед паузой может оформляться не только как незавершенная, но и (почти в два раза чаще) — как завершенная (L%). Ядерный тональный акцент реализуется на одном из слов **до паузы**.

3.4. В СРЛЯ «вероятность появления интонационной паузы без вдоха растет с увеличением длины речевого отрезка, предшествующего паузе» [Кривнова 2007: 30]. В архангельских говорах отсутствует и зависимость появления этих пауз от количества предшествующих слов во фразе: их может быть всего два или три (рис. 20, 23, 27–29).

О. Ф. Кривнова приводит экспериментальные данные о наличии в СРЛЯ корреляции между глубиной просодических швов и длительностью пауз между соответствующими просодическими единицами: «Длительность физической паузы в области 200 мсек является особым показателем для восприятия и оценки перерыва в звучании: здесь происходит качественное и количественное изменение характера перцептивных паузальных решений (...) Границам между ПШ большей глубины соответствуют паузальные показатели, которые можно трактовать как целочисленные произведения граничной паузы, типичной для

ПШ1 и ПШ2. Так, граница между ПШ2 и ПШ3 обнаруживается в интервале 600–700 мс, а для ПШ3 и ПШ4 в интервале 1100–1200 мс. Если учесть, кроме того, что 200 мс — это средняя длительность слога при нормальном темпе произнесения, можно сказать, что паузы на ПШ глубины 1, 2, 3, 4 по длительности эквивалентны примерно 1, 3, 6 и 7 слогам соответственно» [Кривнова 2015: 347–348].

Наши данные свидетельствуют о том, что в архангельских говорах эта корреляция отсутствует (или выражена в гораздо менее явном виде): паузы между фрагментами внутри фразы могут составлять как 200–300 мс (рис. 15–17), так и 600–700 мс (рис. 24–27), а зачастую достигают и значений в диапазоне 1300–2000 мс (рис. 20, 23, 28, 31), в то время как между самими фразами продолжительная физическая пауза может полностью отсутствовать.

3.5. Итак, во многих архангельских говорах (как минимум, в исследованных нами восточных, северо-восточных, юго-западных и центральных) значимая физическая пауза не просто вполне возможна, а весьма регулярна в тех сочетаниях, где в СРЛЯ просодические швы в общем случае отсутствуют как минимум в случаях:

- прилагательное и следующее за ним согласованное существительное (*сын жена-тый*);
- наречие с последующим существительным (*много домов*);
- глагол с последующим числительным, наречием, существительным (*вбивали сколько, ходила туды, пошла за будку*);
- числительное с последующим существительным (*семь километров*);
- существительное с последующим существительным или наречием (*председатель колхоза*);
- части составного сказуемого (*поехали были, рассчитано было*).

Кроме того, этими паузами часто разделяются субъект и предикат высказывания (в СРЛЯ в подобных случаях возможен просодический шов, но не пауза продолжительностью более 500 мс).

4. Сколько? Шкала просодических швов в архангельских говорах

4.1. В классической системе просодической нотации ToBI [Beckman, Hirschberg 1994; Beckman, Elam 1997; Beckman et al. 2005], ориентированной на автосегментную фонологическую модель интонации, для описания перцептивной степени слитности слов в Mainstream American English используются числовые индексы (Break-Indices²³), принимающие значения от 0 до 4. В общем случае

- 0 соответствует максимальной степени слитности, например, между самостоятельным словом и клитикой внутри фонетического слова;
- 1 — границе между фонетическими словами;
- 3 — границе между синтагмами (характеризующимися наличием какого-либо тонального акцента) внутри фразы;
- 4 — границе между фразами (характеризующимися наличием ядерного тонального акцента и конечного пограничного тона²⁴).

²³ «Numeric index of the perceived degree of juncture after each orthographic word» [Beckman et al. 2005: 19].

²⁴ «Every time a boundary tone is marked on the Tones tier, a 4 should be marked on the Break-Indices tier, and vice versa [Ibid.: 30].

В неясных случаях может использоваться дополнительный знак ‘-’, так «4-» означает «промежуточное между 3 и 4».

Цифра 2 в исходной системе применялась в случае несовпадения перцептивного ощущения типа ПШ и соответствующих ему тональных явлений²⁵. Однако впоследствии многие авторы просодических описаний отказались от использования этого знака в данной функции: «In her review Janet Fletcher suggested that the ip and IP BIs should be 3 and 4 respectively to bring GRTToBI²⁶ in line with MAE ToBI. We decided not to follow her suggestion, because skipping level 2 would make our annotation system less transparent. As it is, GRTToBI is similar to other systems, such as Japanese ToBI» [Arvaniti, Baltazani 2005: 108, footnote 1]; см. также описания японской [Venditti 2005: 185] и корейской [Jun 2005: 219, 224] просодических систем. В этом случае 1 означает границу между фонетическими словами, 2 — между синтагмами или акцентными группами, 3 — между фразами; для обозначения несовпадения перцептивного ощущения типа ПШ и соответствующих ему тональных событий используется знак «m». Пример этой нотации для современного русского литературного языка см. на рис. 34.

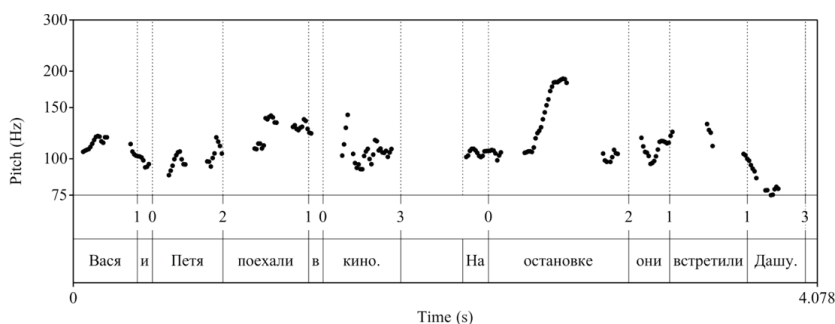

Рис. 34. Интонограмма фраз *Вася и Петя поехали в кино. На остановке они встретили Дашу* (СРЛЯ) с разметкой просодических швов в системе ToBI

Отметим, что уровень фиксации просодических швов в ToBI не ограничен жестко четырьмя значениями, при необходимости их может быть выделено и больше. Так, например, для мандаринского варианта китайского языка [Peng et al. 2005: 266] их выделяется шесть:

- 0 — слабая слоговая граница (в соседстве со слогом с нейтральным тоном или слогом, утратившим тональную спецификацию),
- 1 — стандартная слоговая граница,
- 2 — слабая граница фразы,
- 3 — стандартная граница фразы,
- 4 — граница между дыхательными группами без паузы,
- 5 — граница между дыхательными группами с продолжительной паузой.

²⁵ «The ‘2’ symbol on the Break-Indices tier was intended similarly to mark cases of ambiguity involving two types of mismatch between the perceived sense of disjuncture and the tonal markings of prosodic grouping. The symbol can mean that the perceived disjuncture is at break index level 3 or 4 (e. g. final lengthening and pausing that is appropriate for an intermediate phrase or intonational phrase), but that there is no clear indication of a phrase accent in the tone pattern. (...) Alternatively, the symbol 2 can mean that the perceived disjuncture is at break index level 1 (an ordinary phrase-internal juncture) despite the clear occurrence of a phrase accent or even a phrase accent and boundary tone sequence. (...) Thus, break index ‘2’ is not part of the metrical hierarchy *per se*. Rather, it provides a way to tag such cases of mismatch without jettisoning the definition of break indices 3 and 4 in terms of the otherwise well-governed coupling between tune and prosodic grouping» [Ibid.: 29].

²⁶ Greek ToBI.

В свою очередь, О. Ф. Кривнова на основании выделенных ею фонетических показателей ПШ предложила четырехбалльную шкалу их глубины, соответствующую просодическим составляющим, бóльшим, чем фонетическое слово:

- 1) просодическая / фонетическая синтагма;
- 2) интонационная фраза;
- 3) интонационно-смысловой комплекс;
- 4) высказывание [Кривнова 2007] (см. также [Sanderman 1996]).

О. Ф. Кривнова отмечает, что при этом в высказывании формируются два слоя: ритмико-синтаксическое членение с базовой единицей — фонетической синтагмой и интонационно-смысловое членение с базовой единицей — интонационной фразой (ИФ); причем чем выше иерархический уровень, тем более прозрачна соотнесенность выделяемых на нем составляющих со смысловым членением: «ИФ соотносится с отдельным циклом фонологического кодирования (...) Главный источник ИФ-пауз находится на этапе концептуализации и обусловлен необходимостью преодолеть разрыв между сложностью речевой интенции говорящего и особенностями когнитивной обработки информации в условиях ограниченных возможностей объема и времени хранения обрабатываемой информации. Что касается собственно синтаксического фактора ИФ-паузации, то мы присоединяемся к мнению, согласно которому в условиях параллельной обработки информации грамматические циклы соответствуют на самом деле смысловым вехам сообщения, а не просто крупным синтаксическим объединениям, и говорить в этих случаях о чисто грамматической природе ИФ-пауз едва ли правомерно» [Кривнова 2007: 30–31].

Как видим, по сравнению с ToBI, эта шкала смещена в сторону более крупных просодических единиц: в ней не отмечаются границы внутри фонетических слов и на их стыках внутри синтагмы, поскольку они не связаны в литературном русском языке с просодией фразового уровня, и наоборот, фиксируются границы между сверхкрупными составляющими, в рамках которых объединение элементов осуществляется в большей степени семантически, нежели фонетически (3, 4).

4.2. Как уже отмечалось выше, одно из наиболее существенных отличий севернорусской просодической системы от стандартной литературной заключается в том, что в архангельских диалектах минимальной фонетической единицей фразового уровня является акцентная группа, а не синтагма [Князев 2022б]. В описаниях языков подобного типа (например, корейском, японском, чикасо) при наличии АГ синтагмы как особые единицы просодической системы не выделяются (соответственно, нет и необходимости маркировать просодические швы между ними) [Jun 2005: 219; Gordon 2005: 329; Venditti 2005: 197–198]. Однако в просодической системе архангельских говоров особое место занимают описанные выше в разделе 3.3 случаи использования продолжительных физических пауз внутри просодических единиц относительно малой размерности. Для инкорпорации их в описание просодического членения говоров мы предлагаем выделять и акцентные группы — минимальные просодические единицы, характеризующиеся наличием любого тонального акцента, и синтагмы — просодические единицы, содержащие ядерный тональный акцент. Таким образом, для архангельских говоров мы постулируем наличие следующих просодических (и семантико-просодических) единиц:

- акцентная группа,
- синтагма,
- интонационная фраза,
- высказывание.

Синтагма включает в свой состав одну или несколько АГ, фраза — одну или несколько синтагм и — опционально — акцентную группу, не являющуюся синтагмой (не несущую ядерный акцент), но отделенную от других АГ в составе синтагмы паузой.

Соответственно, как это принято в современной автосегментно-метрической фонологии, в описании просодического членения говоров маркируются просодические швы

- внутри фонетического слова,
- между фонетическими словами,
- между акцентными группами,
- между акцентными группами и синтагмами,
- между синтагмами,
- между фразами.

Их система выглядит тогда следующим образом:

- 0 — отсутствие просодической границы (например, между клитикой и полноударным словом);
- 1 — граница между фонетическими словами внутри акцентной группы, просодическими характеристиками которых являются словесные ударения, а фонетическим показателем — смена ритмической структуры слова;
- 2 — граница между акцентными группами во фразе, просодическими характеристиками которых являются тональные акценты (орнаментальные или ядерные), а фонетическим показателем может служить значимое (не менее полутора полутонов²⁷) падение ЧОТ на заударных гласных или согласных при отсутствии паузы;
- 3 — граница между разделенными паузой синтагмой, характеризующейся наличием ядерного тонального акцента, и акцентной группой, не несущей ядерного тонального акцента;
- 4 — граница между синтагмами во фразе, просодическими характеристиками которых являются ядерные тональные акценты, а фонетическим показателем — пограничные тоны при возможном наличии паузы;
- 5 — граница между фразами в высказывании (см. табл. 2).

Таблица 2

**Типы просодических швов в архангельских говорах,
соответствующие им фонетические показатели
и свойства разделяемых просодических единиц**

ПШ	Положение между	Фонетические характеристики просодических единиц	Фонетические показатели просодических швов
0	клитикой и полноударным словом	—	—
1	фонетическими словами	словесные ударения	ресет ритмической структуры слова
2	акцентными группами	любой тональный акцент	значимое падение ЧОТ на безударных гласных или согласных без паузы
3	синтагмой и акцентной группой	ядерный vs. орнаментальный тональные акценты	любой пограничный тон, пауза
4	синтагмами	ядерный тональный акцент	любой пограничный тон, пауза
5	фразами	ядерный тональный акцент	низкий пограничный тон, пауза

²⁷ "...a difference of 1.5 ST is sufficient to create an impression of a difference in prominence, provided the contour within which the difference is embedded is kept constant" [Rietveld, Gussenhoven 1985: 304].

Примеры высказываний из разных архангельских диалектов с соответствующей разметкой ПШ приведены на рис. 35–39.

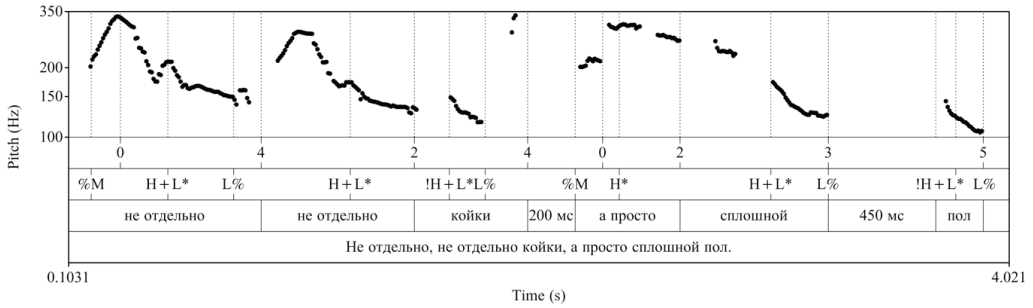

Рис. 35. Интонограмма высказывания *Не отдельно, не отдельно койки, а просто сплошной пол* с разметкой просодических швов (с. Климовское)

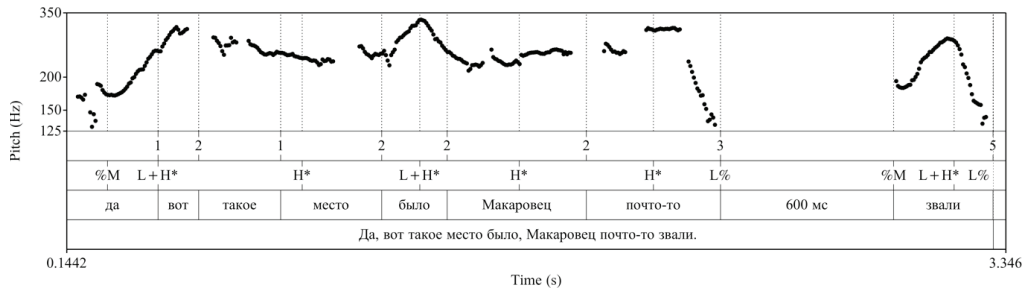

Рис. 36. Интонограмма высказывания *Да, вот такое место было, Макаровец почто-то звали* с разметкой просодических швов (д. Кеба)

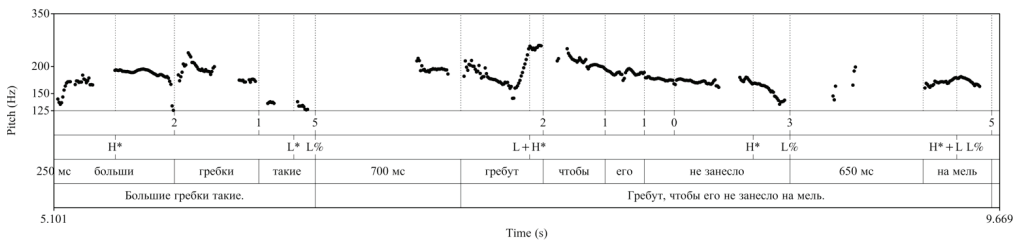
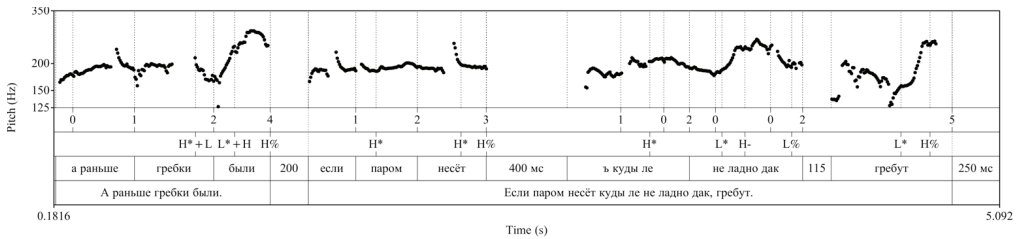

Рис. 37. Интонограмма высказывания *А раньше гребки были. Если паром несёт куда ле не ладно дак, гребут. Большие гребки такие. Гребут, чтобы его не занесло на мель* с разметкой просодических швов (д. Кеба)

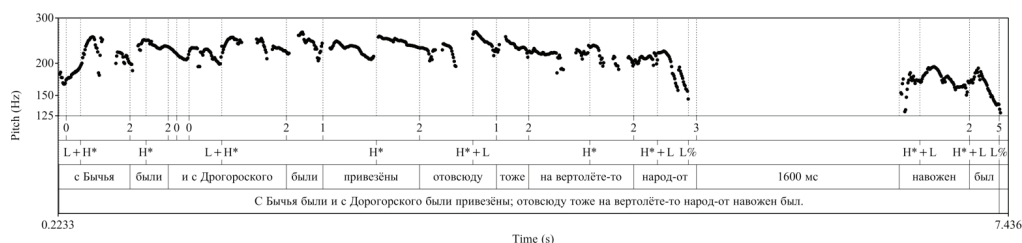

Рис. 38. Интонограмма высказывания *С Бычьа были и с Дорогорского были привезёны; отовсюду тоже на вертолётё-то народ-от навожен был* с разметкой просодических швов (д. Мосеево)

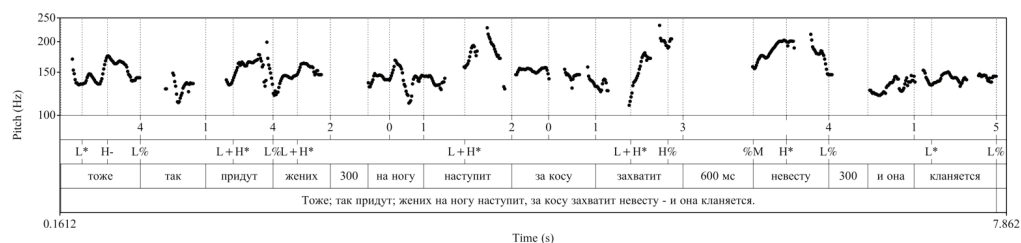

Рис. 39. Интонограмма высказывания *Тожё; так придут; жених на ногу наступит, за косу захватит невесту — и она кланяется* с разметкой просодических швов (д. Ваймуша)

Заключение

На основании анализа просодического членения высказывания в шести севернорусских архангельских говорах можно заключить, что их основными особенностями в этом отношении являются

- 1) использование микропросодических явлений (понижение тона на звонких согласных) в макропросодических целях — для маркирования просодических границ между акцентными группами;
- 2) использование продолжительных физических пауз для манифестации границ между синтагмами (единицами, содержащими ядерные тональные акценты) и акцентными группами, не содержащими смысловых тональных акцентов, внутри одной фразы;
- 3) отсутствие корреляции между длительностью пауз и глубиной просодических швов.

Таким образом, мы постулируем в архангельских говорах возможность наличия в пределах одной фразы акцентной группы, которая не входит в синтагму, свидетельством чему является отсутствие смыслового акцента на фрагменте, отделенном от других фрагментов паузами. Вопрос о причинах такой нестандартной паузации требует дальнейших исследований.

Для описания просодического членения в этих говорах мы предлагаем пятибалльную шкалу просодических швов: 0 — отсутствие просодической границы; 1 — граница между фонетическими словами внутри акцентной группы; 2 — граница между акцентными группами в синтагме; 3 — граница между разделенными паузой фрагментами фразы, один из которых (синтагма) характеризуется наличием ядерного тонального акцента, а другой (акцентная группа) — его отсутствием; 4 — граница между синтагмами; 5 — граница между фразами в высказывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гвоздев 1949 — Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1949. [Gvozdev A. N. *O fonologicheskikh sredstvakh russkogo yazyka* [On phonological means of the Russian language]. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Press, 1949.]
- Дозорец 1971 — Дозорец Ж. А. Эксперимент по определению связи между ритмом дыхания и паузами в речи. *Ученые записки МГПИ*, 1971, 423: 14–20. [Dzorets Zh. A. Experiment to determine correlation between breath rhythm and pauses in speech. *Uchenye zapiski MGPI*, 1971, 423: 14–20.]
- Златоустова 1968 — Златоустова Л. В. Некоторые замечания о речевом дыхании. *Исследования по речевой информации*. М.: Изд-во МГУ, 1968. [Zlatoustova L. V. Some remarks on breath during speech. *Issledovaniya po rechevoi informatsii*. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1968.]
- Иомдин, Лобанов 2009 — Иомдин Л. Л., Лобанов Б. М. Синтаксические корреляты просодически маркированных элементов предложения. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2009, 8(15): 136–142. [Iomdin L. L., Lobanov B. M. Syntactic correlates of prosodically marked elements of the sentence. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2009, 8(15): 136–142.]
- Каспарова 1965 — Каспарова М. Г. О механизме речевой паузы. Сообщение II. Восприятие паузы при «непрерывном» звучании речи. *Новые исследования в педагогических науках*, 1965, 3: 154–155. [Kasparova M. G. On the mechanism of speech pause. Report 2: Perception of pause in “continuous” speech. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh*, 1965, 3: 154–155.]
- Каспарова 1971 — Каспарова М. Г. О речевой паузе. *Исследование языка и речи. Уч. записки МГПИИЯ им. М. Тореца*, 1971, 60: 146–149. [Kasparova M. G. On the speech pause. *Issledovanie yazyka i rechi. Uchenye zapiski MGPIIYa imeni Morisa Toreza*, 1971, 60: 146–149.]
- Качковская 2015 — Качковская Т. В. *Взаимодействие сегментных и просодических факторов, влияющих на степень и локализацию предпаузального удлинения в русском языке*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2015. [Kachkovskaya T. V. *Vzaimodeistvie segmentnykh i prosodicheskikh faktorov, vliyayushchikh na stepen' i lokalizatsiyu predpauzal'nogo udlineniya v russkom yazyke* [Interaction of segmental and prosodic factors affecting degree and localization of pre-pausal lengthening in Russian]. Candidate diss. abstract. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2015.]
- Кириков и др. 2009а — Кириков А. А., Кодзасов С. В., Худякова М. В. Просодическая транскрипция: уровни детализации. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2009, 8(15): 143–148. [Kibrik A. A., Kodzasov S. V., Khudyakova M. V. Prosodic transcription: Levels of detail. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2009, 8(15): 143–148.]
- Кириков и др. 2009б — Кириков А. А., Подлеская В. И., Коротаев Н. А. Структура устного дискурса: основные элементы и канонические явления. *Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. Кириков А. А., Подлеская В. И. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2009, 55–101. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I., Korotaev N. A. Structure of oral discourse: Main elements and canonical features. *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009, 55–101.]
- Князев 2021 — Князев С. В. Пословный мелодический контур и один из способов оформления незавершенности в говоре с. Церковное Архангельской обл. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2021, 28: 39–65. [Knyazev S. V. Word-by-word melodic contour and one type of incompleteness marking in Tserkovnoe dialect, Arkhangelsk Oblast. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2021, 28: 39–65.]
- Князев 2022а — Князев С. В. О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением. *Русский язык в научном освещении*, 2022, 1: 113–153. [Knyazev S. V. The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022, 1: 113–153.]
- Князев 2022б — Князев С. В. О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением. *Вопросы языкознания*, 2022, 1: 7–39. [Knyazev S. V. Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 1: 7–39.]
- Князев, Евстигнеева 2022 — Князев С. В., Евстигнеева М. Ю. «Пословный» тональный контур в русских говорах: количественный аспект. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные*

- технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», 2022, 21: 284–294. [Knyazev S. V., Evstigneeva M. Yu. “Word-by-word” melodic contour in Russian dialects: Quantitative approach. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2022, 21: 284–294.]
- Кодзасов 2000 — Кодзасов С. В. Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на материале говора с. Деулино Рязанской области). *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции* (Москва, 2000). Старостин Г. С., Старостин С. А. (сост.). М.: Изд-во РГГУ, 2000, 88–94. [Kodzassov S. V. Hidden word prosody and sound changes: Data from Deulino, Ryazan Oblast. *Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tretyego tysyacheletiya*. Conf. proceedings (Moscow, 2000). Starostin G. S., Starostin S. A. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Press, 2000, 88–94.]
- Кодзасов 2009 — Кодзасов С. В. *Исследования в области русской просодии*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kodzassov S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii* [Studies in Russian prosody]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Кодзасов, Кривнова 1977 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи. *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики*. Звегинцев В. А. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1977, 180–209. [Kodzassov S. V., Krivnova O. F. Phonetic capabilities of larynx and their use in Russian speech. *Zvegincev V. A. (ed.). Problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1977, 180–209.]
- Кривнова 1995 — Кривнова О. Ф. Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте. *Проблемы фонетики II*. Касаткин Л. Л. (ред.). М.: ИРЯ РАН, 1995, 228–238. [Krivnova O. F. Perceptive and semantic value of prosodic boundaries in discourse. *Problemy fonetiki II*. Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 1995, 228–238.]
- Кривнова 2007 — Кривнова О. Ф. *Ритмизация и интонационное членение текста в процессе «речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования)*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 2007. [Krivnova O. F. *Ritmizatsiya i intonatsionnoe chlenenie teksta v protsesse “rechi-mysli” (opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniya)* [Rhythmization and intonational partition of discourse in the process of “speech-thought”: A theoretical-experimental study]. Doctoral diss. abstract. Moscow: Moscow State Univ., 2007.]
- Кривнова 2014 — Кривнова О. Ф. Речевое дыхание: локализация и фонетические характеристики дыхательных пауз в репродуцированной речи. *Проблемы фонетики VI*. Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). М.: ИРЯ РАН, 2014, 46–60. [Krivnova O. F. Speaker's breath: Localization and phonetical characteristics of breath pauses in reproduced speech. *Problemy fonetiki VI*. Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds.). Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2014, 46–60.]
- Кривнова 2015 — Кривнова О. Ф. Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2015, 14(21): 338–351. [Krivnova O. F. The depth of prosodic breaks in spoken text (experimental data). *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2015, 14(21): 338–351.]
- Кривнова, Чардин 1999 — Кривнова О. Ф., Чардин И. С. Паузирование при автоматическом синтезе речи. *Теория и практика речевых исследований (APCO-99)*. М.: МГУ, 1999, 87–103. [Krivnova O. F., Chardin I. S. Pausation in speech synthesis. *Teoriya i praktika rechevykh issledovaniy (ARSO-99)*. Moscow: Moscow State Univ., 1999, 87–103.]
- Кривнова и др. 2016 — Кривнова О. Ф., Князев С. В., Моисеева Е. В. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка. *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*, 2016, 4: 17–44. [Krivnova O. F., Knyazev S. V., Moiseeva E. V. Studies of prosodic partition of spoken discourse on Russian data. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2016, 4: 17–44.]
- Кузнецов 1949 — Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, 5–44. [Kuznetsov P. S. On Upper Pinega and Upper Toima dialects. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1949, 5–44.]
- Лобанов 2008 — Лобанов Б. М. Алгоритм сегментации текста на синтаксические синтагмы для синтеза речи. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2008, 7(14): 323–329. [Lobanov B. M. An algorithm of text segmentation into syntactic syntagmas for its synthesis. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2008, 7(14): 323–329.]

- Николаева 1982 — Николаева Т. М. *Семантика акцентного выделения*. М.: Наука, 1982. [Nikolaeva T. M. *Semantika aktsentnogo vydeleniya* [Semantics of accentual emphasis]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Николаева 2000 — Николаева Т. М. *От звука к тексту*. М.: Языки славянских культур, 2000. [Nikolaeva T. M. *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2000.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Пауфошима 1983 — Пауфошима Р. Ф. *Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах*. М.: Наука, 1983. [Paufoshima R. F. *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorakh* [Phonetics of word and phrase in Northern Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1983.]
- Потапова, Блохина 1986 — Потапова Р. К., Блохина Л. П. *Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках*. М.: МГИИЯ им. М. Топеза, 1986. [Potapova R. K., Blokhina L. P. *Sredstva foneticheskogo chleneniya rechevogo potoka v nemetskom i russkom yazykakh* [Means of phonetic partition of speech in German and Russian]. Moscow: Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 1986.]
- Светозарова 1982 — Светозарова Н. Д. *Интонационная система русского языка*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. [Svetozarova N. D. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonational system of Russian]. Leningrad: Leningrad Univ. Press, 1982.]
- Цеплитис 1974 — Цеплитис Л. К. *Анализ речевой интонации*. Рига: Зинатне, 1974. [Ceplitis L. K. *Analiz rechevoi intonatsii* [Analysis of speech intonation]. Riga: Zinātne, 1974.]
- Шейкин 1966 — Шейкин Р. Л. К механизму возникновения пауз в речи. *Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков*. М.; Л.: Наука, 1966, 31–44. [Sheikin R. L. On the mechanism of speech pausation. *Mekhanizmy recheobrazovaniya i vospriyatiya slozhnykh zvukov*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 31–44.]
- Щерба 1963 — Щерба Л. В. *Фонетика французского языка*. М.: Высшая школа, 1963. [Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of French]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1963.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: Языки славянских культур, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2001.]
- Arvaniti, Baltazani 2005 — Arvaniti A., Baltazani M. Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 84–117.
- Beckman, Elam 1997 — Beckman M. E., Elam G. A. *Guidelines for ToBI labelling, version 3*. Ohio: Ohio State Univ., 1997.
- Beckman, Hirschberg 1994 — Beckman M. E., Hirschberg J. *ToBI annotation conventions*. Ms. Ohio: Ohio State Univ., 1994.
- Beckman, Pierrehumbert 1986 — Beckman M. E., Pierrehumbert J. Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*, 1986 (3): 15–70.
- Beckman et al. 2005 — Beckman M. E., Hirschberg J., Shattuck-Hufnagel S. The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 9–54.
- Birkholz, Zhang 2020 — Birkholz P., Zhang X. Accounting for microprosody in modeling intonation. *Proc. of the 45th International Conf. on Acoustics, Speech, and Signal Processing (ICASSP 2020, Barcelona)*. 2020, 8099–8103.
- Whalen, Levitt 1995 — Whalen D. H., Levitt A. G. The universality of intrinsic F₀ of vowels. *Journal of Phonetics*, 1995, 23(3): 349–366.
- Gordon 2005 — Gordon M. K. Intonational phonology of Chickasaw. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 301–330.
- Hanson 2009 — Hanson H. M. Effects of obstruent consonants on fundamental frequency at vowel onset in English. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2009, 125: 425–441.
- House, Fairbanks 1953 — House A. S., Fairbanks G. The influence of consonant environment upon the secondary acoustic characteristics of vowels. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1953, 25: 105–113.
- Hyman 1976 — Hyman L. M. Phonologization. *Linguistic studies offered to Joseph Greenberg on the occasion of his 60th birthday*. Juilland A. G. et al. (eds.). Vol. 2. Saratoga (CA): Anma Libri, 1976, 407–418.

- Jun 2005 — Jun S.-A. Korean intonational phonology and prosodic transcription. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 201–229.
- Kirby, Ladd 2016 — Kirby J. P., Ladd R. D. Effects of obstruent voicing on vowel F0: Evidence from “true voicing” languages. *Journal of the Acoustical Society of America*, 2016, 140(4): 2400–2411.
- Kohler 1982 — Kohler K. J. F₀ in the production of lenis and fortis plosives. *Phonetica*, 1982, 39: 199–218.
- Kohler 1985 — Kohler K. J. F₀ in the perception of lenis and fortis plosives. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1985, 78(1): 21–32.
- Nooteboom 1997 — Nooteboom S. G. The prosody of speech: Melody and rhythm. *The handbook of phonetic sciences*. Hardcastle W. J., Laver J. (eds.). Oxford: Basil Blackwell, 1997, 640–673.
- Pierrehumbert 1980 — Pierrehumbert J. B. *The phonology and phonetics of English intonation*. Ph.D. diss. Massachusetts Institute of Technology, 1980.
- Rietveld, Gussenhoven 1985 — Rietveld A. C. M., Gussenhoven C. On the relation between pitch excursion size and prominence. *Journal of Phonetics*, 1985, 13: 299–308.
- Sanderman 1996 — Sanderman A. *Prosodic phrasing (production, perception, acceptability and comprehension)*. Eindhoven: Technische Universiteit Eindhoven, 1996.
- Selkirk 1984 — Selkirk E. *Phonology and syntax: The relation between sound and structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1984.
- Peng et al. 2005 — Peng S.-H., Chan M., Tseng C.-Y., Huang T., Lee O. J., Beckman M. E. Towards a Pan-Mandarin system for prosodic transcription. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 230–270.
- Venditti 2005 — Venditti J. The J_ToBI model of Japanese intonation. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 172–200.

Получено / received 23.09.2022

Принято / accepted 24.01.2023

Типология осетинских глагольных парадигм

© 2023

Арсений Павлович Выдрин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;

senjacom@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье подробно рассматриваются глагольные парадигмы осетинского языка. Данные осетинского языка сравниваются с данными других новоиранских языков (восточных и западных). Материал анализируется с позиций синхронии. На основе проведенного типологического изучения глагольных парадигм новоиранских языков у осетинского языка выделяется ряд нетипичных для других иранских языков грамматических черт. В частности, в осетинском выделяются следующие особенности: морфологическое будущее время, субъектный имперсонал, морфологическая переходность и специализированные императивные показатели для третьего лица. Лично-числовые показатели в осетинском языке играют ключевую роль в образовании форм времен и наклонений. В других новоиранских языках при образовании форм времен и наклонений основную функцию обычно выполняют глагольные основы и (или) специальные аффиксы, а лично-числовые показатели в большинстве языков не выражают никаких категорий кроме лица и числа. В осетинском языке также отсутствуют некоторые категории и грамматические особенности, характерные для новоиранских языков (перфект и плюсквамперфект, аспектуальные формы, а также аналитические глагольные формы). Полученные в ходе настоящего исследования результаты существенно обогащают не только теоретическую грамматику осетинского языка, но и типологические знания о новоиранских языках.

Ключевые слова: глагольные системы, словоизменение глагола, внутригенетическая типология, иранские языки, осетинский язык

Благодарности: Исследование проведено в рамках работы по гранту РФФИ № 19-012-00581А.

Для цитирования: Выдрин А. П. Типология осетинских глагольных парадигм. *Вопросы языкознания*, 2023, 2: 89–113.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113

Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective

Arseniy P. Vydrin

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;

senjacom@gmail.com

Abstract: The article discusses Ossetic verbal paradigms. Ossetic data is compared with the data of other New Iranian languages (both East and West Iranian). The study is based on the synchronic approach. Ossetic verb has a number of features atypical of other New Iranian languages — in particular, morphological Future, Impersonal, morphological transitivity, and special forms for the third person Imperative. The person-number endings play a key role in the formation of the tense and mood forms in Ossetic. On the contrary, in other New Iranian languages, verbal roots or special affixes perform the main function in the building of tense and mood forms, while the person-number endings rarely convey any other meanings besides person and number. Ossetic lacks some of the categories and grammatical features typical of New Iranian languages (Perfect and Pluperfect, aspectual forms, analytical or complex forms). This study contributes not only to the grammar of Ossetic, but also to the typology of verbal categories of New Iranian languages.

Keywords: intragenetic typology, Iranian, Ossetic, verbal inflection, verbal systems

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00581A.

For citation: Vydrin A. P. Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 89–113.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113

1. Вводные замечания

Осетинскому языку, в отличие от многих других восточноиранских, посвящено немало научных работ (наиболее значимыми для настоящей статьи являются следующие работы [Гагкаев 1952; Абаев 1959; Benveniste 1959; Ахвледиани 1963; 1969; Багаев 1965; 1982; Техов 1970; Тедеев 1989; Thordarson 1989; 2009; Таказов 1992; Выдрин 2014б]). Тем не менее, системного рассмотрения данных осетинского глагола в парадигме других новоиранских языков до сих пор не проводилось. Ниже будет подробно рассмотрена глагольная система осетинского языка и проведена ее оценка с точки зрения типологии новоиранских языков. Настоящее исследование основано на принципах синхронии. Попытки диахронического изучения иранских языков неоднократно предпринимались в предыдущих исследованиях (наиболее значимой работой по теме является [Расторгуева 1975а; 1975б]). Системного сравнения и оценки глагольных систем иранских языков с позиций синхронии до сих пор не проводилось. Настоящая статья может стать первым опытом синхронного описания некоторых типологических особенностей глагола новоиранских языков.

В следующем разделе подробно рассматриваются парадигмы осетинского глагола¹. Морфологическое членение происходит на синхронном уровне, и, таким образом, интерпретация, предлагаемая в настоящей статье, может отличаться от традиционной точки зрения, принятой в грамматиках осетинского языка. В осетинских глагольных парадигмах выделяется ряд особенностей, которые в последующих разделах подробно рассматриваются и оцениваются с точки зрения внутригенетической типологии новоиранских языков. В выборку настоящей статьи вошли практически все новоиранские языки, имеющие удовлетворительное описание глагольной системы. В разделе 3.1 показано, что категория будущего времени, выделяемая в осетинском языке, в целом нехарактерна для новоиранских языков. В тех языках, где она отмечается, не обнаруживается специализированного морфологического показателя будущего, как в осетинском. Раздел 3.2 посвящен осетинским имперсональным формам (субъектный имперсонал), которые представляют собой уникальное явление среди иранских языков. Осетинская морфологическая переходность рассматривается в разделе 3.3. В осетинском обнаруживаются разные лично-числовые окончания для переходных и непереходных глаголов, а также возможно выделение отдельного морфологического показателя переходности. В других новоиранских языках уникальные парадигмы для переходных и непереходных глаголов встречаются редко, а специальных морфологических показателей переходности не встречается вовсе. В разделе 3.4 рассматриваются осетинские глагольные лично-числовые окончания и оценивается их роль в системе осетинского глагола. В осетинском языке обнаруживается пять уникальных наборов лично-числовых окончаний. При образовании форм времен и наклонений ключевую роль играют именно окончания, а не глагольные основы (как в большинстве других новоиранских языков) или специальные аффиксы (как в отдельных языках, например, в талышском). Сходная с осетинской глагольная система, базирующаяся на разных лично-числовых показателях, обнаружена только в некоторых

¹ В работе используются данные иронского диалекта осетинского языка.

прикаспийских языках. В разделе 3.5 рассматривается категория императива и отмечаются уникальные для новоиранских языков специализированные формы императива 3sg и 3pl в осетинском языке.

В последующих трех разделах рассматриваются категории и явления, характерные для других иранских языков, но отсутствующие в осетинском. Категории перфекта и плюсквамперфекта, отсутствующие в осетинском, обнаружены практически во всех новоиранских языках. Перфект не обнаружен только в некоторых прикаспийских языках. Плюсквамперфект отсутствует только в языке кумзари. В осетинских парадигмах отсутствуют аспектуальные формы. В большинстве других иранских языков существуют личные аспектуальные формы, хотя и встречаются исключения (например, некоторые памирские языки). Осетинские глагольные парадигмы лишены аналитических форм. Настоящее исследование показывает, что для новоиранских языков характерно наличие аналитических глагольных форм, однако отмечается несколько языков-исключений (например, ларский, кумзари). В заключение делаются выводы об особом месте глагольной системы осетинского языка среди новоиранских языков, а также отмечаются некоторые общие для новоиранских языков грамматические особенности и упоминаются отдельные аномалии.

2. Осетинские глагольные парадигмы

В современном осетинском языке наблюдается развитая по сравнению с другими современными восточноиранскими языками глагольная система. Осетинский глагол насчитывает три времени (настоящее, будущее, прошедшее) и пять наклонений (индикатив, конъюнктив, оптатив, контрфактив и императив) [Выдрин 2014б]. Только индикатив изменяется по временам. Выделяются формы субъектного имперсонала — формы, немаркированные по лицу и числу. Все формы времен и наклонений, кроме имперсонала, образуются от глагольных основ² (корней) настоящего или прошедшего времени с помощью глагольных окончаний и в отдельных случаях с помощью специализированных суффиксов, которые ставятся между основой и окончанием. Основа настоящего времени образуется от формы инфинитива путем отбрасывания инфинитивного показателя *-ын*. «Основа прошедшего времени образуется от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-д*, *-т*, *-ст*, *-ад*, *-ыд* с различными во многих глаголах фонетическими изменениями (чередованием гласных и согласных, выпадением согласных и полугласных, ассимиляцией согласных)» [Багаев 1965: 291].

Основа настоящего времени используется в настоящем и будущем времени, а также в конъюнктиве, императиве и оптативе. Основа прошедшего времени употребляется только в прошедшем времени и контрфактиве.

У категорий лица и числа выделяется форма, немаркированная по лицу и числу, — субъектный имперсонал. Субъектный имперсонал образуется от причастия прошедшего времени, которое часто, но не всегда совпадает с основой прошедшего времени. К причастию прошедшего времени присоединяется специализированный суффикс *-æ*

² В настоящей работе под основами понимаются разновидности корня слова, которые не имеют регулярной модели образования. Такое понимание основ может отличаться от подхода, принятого в некоторых грамматиках иранских языков. Например, в отдельных исследованиях предлагается выделять в осетинском языке также основу будущего времени [Таказов 1992], однако морфологических оснований для этого нет — будущее время образуется от основы настоящего времени регулярным образом с помощью суффикса.

³ Причастия прошедшего времени, оканчивающиеся на *-онд*, претерпевают некоторые изменения: у глагола *кæнын* ‘делать’ причастие прошедшего времени имеет форму *конд*, но при субъектном имперсонале используется основа *чынд-*; у глагола *амонын* ‘указывать’ причастие прошедшего

и вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ в личной форме. Вспомогательный глагол не отделим от причастия прошедшего времени, маркированного суффиксом *-æ*, и в орфографии часто пишется слитно. Более подробно про эту категорию в осетинском языке см. [Выдрин 2014а].

Ниже приводятся таблицы парадигм всех названных времен и наклонений осетинского языка.

Таблица 1

Формы настоящего и будущего времени индикатива глагола *кæнын* ‘делать’
(*кæн-* — основа настоящего времени)

Настоящее время		Будущее время (дзын/дзæн/дзы — футуральный показатель)		
SG	PL	SG	PL	
0	чынд-æ-уы		чынд-æ-уы-дзæн	
1	кæн-ын	кæн-æм	кæн-дзын-æн	кæн-дзы-стæм
2	кæн-ыс	кæн-ут	кæн-дзын-æ	кæн-дзы-стут
3	кæн-ы	кæн-ынц	кæн-дзæн-∅, кæн-дзæн-и(с)	кæн-дзы-сты

Таблица 2

Формы прошедшего времени индикатива переходного глагола *кæнын* ‘делать’
(*код-* — основа прошедшего времени, *-т-* — показатель переходности)
и непереходного глагола *цæрын* ‘жить’ (*цард-* — основа прошедшего времени)

кæнын ‘делать’		цæрын ‘жить’		
SG	PL	SG	PL	
0	чынд-æ-уыд-∅	цард-æ-уыд-∅		
1	код-т-он	код-т-ам	цард-тæн	цард-ыстæм
2	код-т-ай	код-т-ат	цард-тæ	цард-ыстут
3	код-т-а	код-т-ой	цард-∅, цард-и(с)	цард-ысты

Таблица 3

Формы императива, конъюнктив и оптатива глагола *кæнын* ‘делать’

Императив		Конъюнктив		Оптатив	
SG	PL	SG	PL	SG	PL
0	чынд-æ-у-æд	чынд-æ-у-а		чынд-æ-у-ид, чынд-æ-у-айд	
1	кæн-æм	кæн-он	кæн-æм	кæн-ин	кæн-иккам
2	кæн-∅	кæн-ут	кæн-ай	кæн-ат	кæн-иккат
3	кæн-æд	кæн-æнт	кæн-а	кæн-ой	кæн-иккой

времени выглядит как *амонд*, однако в случае субъектного имперсонала используется основа *амынд-*; у глагола *зонын* ‘знать’ причастие прошедшего времени выглядит как *зонд*, а форма, использующаяся при образовании имперсонала, — *зынд-*.

Таблица 4

Формы контрфактива переходного глагола *канын* ‘делать’ и непереходного глагола *царын* ‘жить’ (-*т* — показатель переходности, -*а* — показатель контрфактива)

	<i>канын</i> ‘делать’		<i>царын</i> ‘жить’	
	SG	PL	SG	PL
0	<i>чынд-æ-уыд-а-ид</i>		<i>цард-æ-уыд-а-ид</i>	
1	<i>код-т-а-ин</i>	<i>код-т-а-иккам</i>	<i>цард-а-ин</i>	<i>цард-а-иккам</i>
2	<i>код-т-а-ис</i>	<i>код-т-а-иккат</i>	<i>цард-а-ис</i>	<i>цард-а-иккат</i>
3	<i>код-т-а-ид</i>	<i>код-т-а-иккой</i>	<i>цард-а-ид</i>	<i>цард-а-иккой</i>

В настоящей статье морфологическое членение личных глагольных форм производится на синхронном уровне. Выделение некоторых морфем (например, показателя переходности и показателя контрфактива) не имеют оснований при диахроническом подходе. В данной статье я не буду останавливаться на вопросе о происхождении осетинских глагольных окончаний, эта тема неоднократно обсуждалась в литературе (см., например, [Абаев 1949; Cheung 2002; Чёнг 2008; Выдрин 20146]).

При внимательном рассмотрении осетинских глагольных парадигм можно выделить следующие особенности:

1. Морфологическое будущее время
2. Имперсонал
3. Морфологическая переходность
4. Лично-числовая флексия
5. Императив
6. Отсутствие категории перфекта и плюсквамперфекта
7. Отсутствие аспектуальных форм
8. Отсутствие аналитических форм

Ниже будет подробно рассмотрена каждая из перечисленных выше особенностей осетинских парадигм, а также проведена их оценка с точки зрения типологии новоиранских языков.

3. Особенности осетинских глагольных парадигм

Настоящее исследование строится главным образом на грамматических описаниях новоиранских языков. Для отдельных языков (персидский, таджикский, осетинский, ягнобский) использовался собственный материал. Выборка покрывает практически все новоиранские языки, имеющие удовлетворительное описание глагольной системы. Ниже приводится список исследованных языков и ссылки на основные источники, используемые в настоящей работе.

Востокиранские: [Эдельман 1990], ягнобский [Хромов 1972], пушту [Грюнберг 1987а], памирские языки ([Пахалина 1989], ваханский [Пахалина 1975; 1987а], мунджанский [Грюнберг 1972; 1987б], ишкашимский [Пахалина 1959; 1987б], сангличский [Юсуфбеков, Додыхудоева 2008], язгулямский [Эдельман 1987а], шугнанский, рушанский, бартангский, хуфский, сарыкольский [Эдельман 1987б]).

Западноиранские: персидский, таджикский, дари [Кисилёва 1985; Иоаннесян 1999], хазара [Ефимов 1965; 2008], диалекты Фарса [Керимова 1982а], ларский [Молчанова 1982],

татский [Грюнберг 1963; Authier 2012], лурские и бахтиярские диалекты [Керимова 19826], кумзари [Wal Anonby 2015], курдские ([Цаболов 1978; 1997], сорани сулеймани [McCaigus 2009], курманджи, гурани [Пирейко 1997], горани XVIII–XIX вв. [Юсупова 1998], аврамани [Юсупова 2000]), зазаки [L. Paul 2009], белуджские [Ахенов 2006; Jahani, Korn 2009], короши [Nourzaei et al. 2015], ормури [Ефимов 1986], парачи [Ефимов 2009], прикаспийские [Расторгуева, Эдельман 1982] (гилянский, мазендеранский, шамерзади, диалект Велатру), азербайджанский (северный) талышский [Миллер 1953; Пирейко 1976; 1991], иранский (южный) талышский [D. Paul 2011], диалекты тати [Yar-Shater 1969; Пирейко 1991], семнанский [Пахалина 1991], афтари [Borjian 2008], сангесари [Расторгуева 1991], диалекты центрального Ирана [Расторгуева, Мошкало 1997], йезди [Молчанова 2008], сивенди [Молчанова 1997].

3.1. Морфологическое будущее время

В глагольной системе новоиранских языков центральное место занимает временное противопоставление непрошедшее vs. прошедшее [Расторгуева 19756]. Единственным обнаруженным новоиранским языком, где нет этого противопоставления, является кумзари. В этом языке глагольная система строится на аспектуальном (перфект vs. имперфект) и модальном (реалис vs. ирреалис) противопоставлении [Wal Anonby 2015]. Однако нужно обратить внимание на то, что статус языка кумзари до конца неясен. Язык испытал и продолжает испытывать сильное семитское влияние. Хотя традиционно кумзари относят к юго-западноиранским языкам [Skjærvø 1989; Ethnologue 2023], автор грамматики кумзари [Wal Anonby 2015: 3] отмечает невозможность однозначного отнесения этого языка к индоевропейской или к семитской языковой семье.

Настоящее исследование показывает, что категория будущего времени еще не получила полноценного развития в новоиранских языках. Во многих языках план будущего не имеет специализированного выражения и обслуживается формами непрошедшего времени. Например, в белуджском языке Туркменистана (западноиранский) нет будущего времени, категория времени представлена только двумя уровнями: прошедшее и непрошедшее [Ахенов 2006: 175]. План будущего выражается формами непрошедшего. В памирских языках (восточноиранские) также нет отдельного будущего времени. Формы настояще-будущего времени выражают «всякое непрошедшее действие» [Пахалина 1989: 243].

В некоторых языках обнаруживается аналитическое будущее время. Например, в таджикском языке (западноиранский) это так называемое литературное будущее время [Выдрин, Мазурова 2021], выражающееся с помощью вспомогательного глагола *хостан* ‘хотеть’, который ставится в личную форму сослагательного наклонения настояще-будущего времени, смысловой глагол употребляется после вспомогательного глагола в неизменяемой форме усеченного инфинитива (без инфинитивного суффикса *-ан*). Вспомогательный глагол *хостан* изменяется по всем лицам и числам, например:

- (1) — Чун баргард-ем, мактаб-е хоҳ-ӣ сохт.
когда возвращаться-SUBJ.1PL школа-INDEF хотеть-SUBJ.2SG строить-INF.FUT

‘Когда мы вернемся, ты построишь школу’ (НКТЯ⁴. Сорбон Куллиёт. Ч. 9. Достони писари худо (роман). К. 5–6. Душанбе, 2009).

Некоторые иранские языки для выражения плана будущего используют служебные слова. Например, в пушту (восточноиранский) это энклитическая частица *bə*, которая «при употреблении с формой наст[оящего] времени, переносит действие в план

⁴ Пример из Национального корпуса таджикского языка, <https://tajik-corpus.org/>.

будущего: *зэт* ‘иду’ — *зə-бə зэт* ‘я буду идти’, ‘я буду ходить’. При употреблении с формой прош[едшего] времени, придает ей видовое значение многократности, обычности действия»⁵ [Расторгуева 1975б: 376]. Более подробно про эту частицу см., например, исследование З. М. Калининой [1976]. В курдском курманджи для выражения будущего времени используется форма настоящего времени конъюнктива и частица (*w*)ē [Цаболов 1978: 65–66].

В нескольких новоиранских языках обнаруживается морфологическая категория будущего времени (например, татский, талышский), однако в таких языках нет специализированных морфологических средств выражения будущего времени. Например, в языке североазербайджанских татов отмечается будущее потенциальное время, которое образуется от настоящей основы с помощью префикса *mi-* и личных окончаний, единых для всех простых личных глагольных форм. При этом префикс *mi-* используется также при образовании прошедшего многократного времени и — в центральном говоре — при образовании настоящего времени. В центральном говоре и говоре с. Гендаб также отмечается будущее категорическое время, образованное от герундия (инфинитив, маркированный суффиксом *-i*) и краткой формы связки, совпадающей с личными окончаниями [Грюнберг 1963: 70–71]. Однако, как отмечает сам автор грамматики татского языка, «герундив от переходного глагола со связкой может в этих говорах иметь и иной смысл: герундив может пониматься пассивно. Такое сочетание ничем не отличается от сочетаний того же состава во всех прочих говорах. Оно носит отчетливо аналитический характер (...) и служит для выражения пассивного долженствования: д. *in ou qvardæni-y-ÿ* ‘эта вода должна быть принесена’ (ср.: д. *in gædæ avarðænÿ* ‘этот мальчик принесет’))» [Там же: 100]. Вопрос о грамматикализации конструкции с герундием в будущее категорическое в отдельных татских говорах неважен для настоящей статьи. Даже если такая грамматикализация произошла, герундий имеет в татском другие значения и, таким образом, не является специализированным показателем будущего времени.

Будущее время в осетинском образуется с помощью специализированного суффикса *-дзын /-дзæн /-дзы* и личных окончаний, сходных с окончаниями прошедшего времени непереходного глагола. Суффикс *-дзын /-дзæн /-дзы* произошел из глагола со значением ‘желать’, иранское **čana* (в авестийском *čana(h)- / činah* ‘жаждущий’, ‘желающий’) [Бенвенист 1965: 88–89 (Benveniste 1959)]. Типологически такой путь грамматикализации глагола желания является тривиальным [Bybee et al. 1994]. Тем не менее, насколько можно судить по имеющимся описаниям, ни в одном новоиранском языке не произошло такой полной грамматикализации глагола желания и образования полноценных морфологических форм будущего времени.

3.2. Имперсонал

В осетинском языке существует специальная бессубъектная глагольная форма — субъектный имперсонал. Эта форма образуется от всех времен и наклонений, включая императив (3). Приведу несколько примеров.

- (2) *Куыстаг-тæ радыгай чынд-æ-уы*
 работа-PL.НОМ по.очереди делать.PART.PST-IMPER-быть.PRS.3SG
 ‘Работу по очереди делают’ (ОНК⁷. Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р. Пословицы. Владикавказ: ИР, 2005).

⁵ Мое глоссирование примера — *зə-бə зэт* (я-бэ идти.PRS.1SG) ‘я буду идти’.

⁶ Говор сел Дагушчу и Арискюш (= центральный говор).

⁷ Осетинский национальный корпус <http://corpus.ossetic-studies.org/>.

- (3) Уæлмæрд-т-æм да ма ба-уагъд-æ-уæд!
могила-PL-ALL 2SG.ENCL.GEN NEG PREF-позволять.PART.PST-IMPERS-быть.IMP.3SG
‘Чтоб тебя не пустили на кладбище!’ (проклятие) (ОНК. Мах дуг. 2001. № 3. С. 108).

Морфологический субъектный имперсонал, обнаруженный в осетинском языке, является типологически редким и уникальным явлением для иранских языков. В других иранских языках имперсональное значение выражается типологически тривиально: личными показателями 3PL и реже показателями 3SG или 2SG.

Включение имперсональных форм в глагольные парадигмы в осетинском языке обосновывается тем, что эти формы образуются от всех времен и наклонений. Осетинский имперсонал представляет собой немаркированную по лицу и числу форму («нулевое лицо и число»). Более подробно про осетинский имперсонал и средства выражения имперсонального значения в других иранских языках см. работу [Выдрин 2014а].

3.3. Морфологическая переходность

В системе осетинского глагола у переходных и непереходных глаголов используются разные лично-числовые показатели в прошедшем времени и в контрфактиве. Также при рассмотрении парадигм на синхронном уровне в прошедшем времени и в контрфактиве у переходных глаголов можно выделить специальный показатель переходности *-т-*.

В большинстве других иранских языков у переходных и непереходных глаголов используется один набор окончаний. В тех иранских языках, где переходность глагола выражается разными окончаниями, это различие происходит (так же, как и в осетинском) только в формах, относящихся к плану прошедшего. В языках, где у переходных глаголов выделяются специальные окончания, как правило, эти окончания отличаются от непереходных только в отдельных лицах и числах. Такая ситуация наблюдается, например, в большинстве памирских языков⁸ [Пахалина 1989]. Ниже приводятся таблицы окончаний непереходного и переходного глагола прошедшего времени в мунджанском языке (восточно-иранский) из работ [Грюнберг 1972: 430; 1987а: 216].

Таблица 5

Глагольные окончания прошедшего времени переходного глагола

	SG	PL
1	-æm	-ām
2	-æt	-āf
3	-∅, -a	-āt

Таблица 6

Глагольные окончания прошедшего времени непереходного глагола

	SG	PL
1	-ām	-ām
2	-āy	-āf
3	-∅, -a	-āt

Как видно из таблиц, переходность-непереходность различается только в единственном числе и только в 1 и 2 лице. Распределение *-∅* и *-a* в 3SG не связано с переходностью и является лексическим.

В некоторых языках (например, сангесари [Расторгуева 1991: 242]) у переходных глаголов в прошедшем времени отсутствуют окончания, агенс выступает в косвенной форме. Непереходные окончания в прошедшем времени имеют лично-числовые окончания.

⁸ Нужно отметить, что в прошедших временах переходного глагола лично-числовые показатели являются энклитиками, у непереходных глаголов и у переходных в неперешедших временах лично-числовые показатели являются суффиксами.

В отдельных иранских языках обнаруживаются уникальные переходные окончания, отличные от непереходных во всех (или почти во всех) лицах и числах. Таким является, например, курдский сорани сулеймани (западноиранский). Приведем таблицы спряжения непереходных и переходных глаголов в претерите из работы [McCarus 2009: 609].

Таблица 7

Спряжение непереходного глагола
'приходить' в претерите

	SG	PL
1	hāt-im	hāt-în
2	hāt-î(t)	hāt-in
3	hāt	hāt-in

Таблица 8

Спряжение переходного глагола 'есть'
в претерите

	SG	PL
1	xwārd-im	xwārd-mān
2	xwārd-it	xwārd-tān
3	xwārd-î	xwārd-yān

В афтари в прошедших временах также обнаруживаются отдельные окончания для переходных и непереходных глаголов. Приведем парадигму этих окончаний ниже [Borjān 2008: 292].

Таблица 9

Личные глагольные окончания афтари

I серия. Настоящее время, прошедшие времена непереходного глагола		II серия. Прошедшие времена переходного глагола ⁹
1SG	-i	-om
2SG	-a (наст.), -at (прош.)	-ot
3SG	-e (наст.), -a / -Ø (прош.)	-(oš) (претерит), -a / -Ø (имперфект)
1PL	-im	-omon
2PL	-in	-oton
3PL	-en	-ošon

Интересным фактом грамматики афтари является появление у непереходных глаголов в претерите и имперфекте специального суффикса *-št*. Этот показатель ставится между основой и флексией и обязательно употребляется во всех лицах и числах, кроме 3SG, где он иногда может опускаться (видимо, из-за нулевой флексии) [Borjān 2008: 294]. Х. Борджиан в своем грамматическом очерке афтари отдельно не описывает этот суффикс *-št*. Однако учитывая регулярность *-št* в формах претерита и имперфекта именно непереходных глаголов и отсутствие этого суффикса в каких-либо других глагольных формах, можно заключить, что суффикс *-št* является морфологическим показателем непереходности глагола в прошедших временах. Если это предположение верно, афтари является типологически редким языком (и уникальным для иранской языковой группы), в котором обнаруживается специальный морфологический показатель непереходности.

Для языков среднеиранского периода тоже нехарактерно использование разных окончаний для переходных и непереходных глаголов. Единственным обнаруженным среднеиранским языком, имеющим разные наборы окончаний для непереходного и переходного глагола, является хотаносакский (среднеиранский, восточный). Ниже приводятся таблицы парадигм непереходного и переходного глаголов в перфекте из работы [Emmerick 1968: 222].

⁹ Гласный *-o* может меняться на *u*, *a*, *e*.

Таблица 10

Перфект непереходного глагола

	SG		PL	
	Masculine	Feminine	Masculine	Feminine
1	-t-ämä	* ¹⁰ -t-amä	*-t-andä mä	
2	-t-ī		-t-a sta	-t-e sta
3	-t-ä	-t-a	-t-a	-t-e

Таблица 11

Перфект переходного глагола

	SG		PL
	Masculine	Feminine	
1	-t-aimä	-tāmä	-t-ändä mä
2	-t-ai	*-t-ätä	-t-ändä sta / -t-ända
3	-t-e	-tātä	-t-ändä

Суффикс *-t-* является перфектным окончанием причастия прошедшего времени. Как отмечает автор хотаносакской грамматики [Emmerick 1968: 221], семантически непереходные глаголы могут иметь переходный тип спряжения, например, *juv-* (*jutāndä*) ‘жить’, *him-* (*himyai*) ‘становиться, быть’, *hūs-* (*hūtātä*) ‘спать’ и другие¹¹. Однако семантически переходные глаголы не могут иметь непереходное спряжение; единственным обнаруженным исключением является глагол *bud-* (*bustämä*) ‘понимать’.

В ходе настоящего исследования ни в одном иранском языке, кроме осетинского, не были обнаружены специальные глагольные морфологические показатели переходности. Также нужно отметить, что полноценный набор уникальных личных окончаний для переходных и непереходных глаголов в иранских языках (как современных, так и мертвых) встречается нечасто.

3.4. Лично-числовая флексия

3.4.1. Осетинский

В осетинском языке выделяется целых пять наборов уникальных личных глагольных окончаний (в таблицах 1–3 выделены полужирным): окончания настоящего времени, прошедшего времени непереходного глагола (будущего времени), прошедшего времени переходного глагола (конъюнктива), опатива (контрфактива) и императива. Как будет показано ниже, в новоиранских языках обычно лично-числовые окончания совпадают в большинстве форм времен и наклонений и, таким образом, они не выражают никаких грамматических значений кроме лица и числа.

¹⁰ Знак * означает, что форма не засвидетельствована в текстах.

¹¹ Функционирование некоторых непереходных глаголов как переходных отмечается в ряде новоиранских языков (например, [Эдельман 1990: 139], см. также мою статью про осетинский [Выдрин 2022]).

Грамматическая наполненность осетинских глагольных окончаний нетривиальна. Помимо лица и числа они также выражают время и наклонение. В осетинском при образовании времен и наклонений основную роль играют именно личные окончания (и в отдельных случаях специализированные суффиксы), а не глагольные основы настоящего и прошедшего времени, как в других иранских языках. Действительно, если посмотреть на осетинские парадигмы, мы не найдем ни одного времени или наклонения, в котором глагольная основа играла бы какую-то различительную роль. Формы настоящего времени отличаются от форм прошедшего окончаниями. Формы будущего времени отличаются от форм прошедшего непереходного глагола суффиксом *-дзын/-дзæн/-дзы* (в 1SG и 2SG они различаются также окончаниями). Формы конъюнктива отличаются от форм прошедшего времени переходного глагола суффиксом переходности *-т*. Формы опатива отличаются от контрфактивных суффиксом *-а*. Таким образом, основы настоящего и прошедшего времени в осетинском языке не несут различительного значения, а являются лишь вторичными грамматическими признаками отнесения той или иной формы к плану настоящего или прошедшего. В других иранских языках, где есть основы настоящего и прошедшего времени, эти основы обычно играют важную роль для различения личных глагольных форм неперошедшего и прошедшего.

Нужно также отметить отсутствие в осетинском специальных средств для различения изъявительного и косвенных наклонений. Формы изъявительного и косвенных наклонений различаются только лично-числовыми окончаниями. Как будет показано ниже, в тех новоиранских языках, где помимо императива есть другие косвенные наклонения, обычно существуют специальные показатели, отличающие изъявительное наклонение от косвенных.

В других новоиранских языках лично-числовые показатели не играют такой важной роли, как в осетинском. Системообразующую функцию обычно выполняют глагольные основы настоящего и прошедшего времени, а также неспециализированные префиксы и суффиксы. Описание всех особенностей устройства личных глагольных форм в новоиранских языках выходит далеко за рамки жанра статьи. В настоящей статье будут показаны лишь наиболее типичные системы. Отдельно также будут рассмотрены языки, которые выделяются на общем новоиранском фоне. Основной акцент будет сделан на то, какие элементы играют ключевую роль в образовании личных глагольных форм времен и наклонений (глагольные основы, аффиксы или показатели лица и числа).

3.4.2. Восточноиранские языки.

Основной тип

В памирских языках глагольная система небогата морфологическими формами. Помимо императива косвенные наклонения отсутствуют. Для образования личных глагольных форм используются основы настоящего и прошедшего времени и личные окончания. В грамматиках также отмечается отдельная основа для перфекта, которая образуется от основы прошедшего времени с помощью суффикса *-k/-g/-γ/-y* (например, [Пахалина 1989: 237]).

При образовании форм времен и наклонений обычно используется один или несколько наборов лично-числовых показателей. При этом в формах, образованных от основы настоящего времени, лично-числовые показатели являются суффиксами и присоединяются к глаголу. В формах, образованных от основы прошедшего времени, лично-числовые показатели являются подвижными энклитиками.

В язгулямском языке обнаруживаются отдельные для настоящего и прошедшего времени лично-числовые окончания, см. таблицы ниже из работы [Эдельман 1987а, 394].

Таблица 12

Ударные неотделяемые окончания настоящего-будущего времени

	SG	PL
1	-ín	-ém
2	-áy	-ít
3	-t (после глухих, носовых, гласных), -d (после звонких неносовых)	-án

Таблица 13

Безударные отделяемые окончания прошедших времен

	SG	PL
1	´-эм	´-ан
2	´-ат	´-эф
3	´-ау (при любом сказуемом), ´-у/-ü (при именном сказуемом)	´-ан (при непереходном глаголе и именном сказуемом) ´-эф (при переходном глаголе)

В ишкашимском окончания настоящего и прошедшего времени различаются только в 2SG и 3SG. См. таблицу ниже из работы [Пахалина 1959: 52–53].

Таблица 14

Окончания настоящего времени

	SG	PL
1	-ьm	-on
2	-i	-ьv
3	-u	-on

Таблица 15

Окончания прошедшего времени

	SG	PL
1	-ьm	-on
2	-ьt	-ьv
3	-(i)	-on

В мунджанском языке лично-числовые показатели у форм, образованных от основы настоящего времени и основы прошедшего времени, различаются только в единственном числе, во множественном используется один набор показателей. При этом в 1SG и 2SG у непереходных и переходных глаголов используются разные показатели, см. таблицы ниже по [Грюнберг 1972: 427, 430; 1987a: 213, 216].

Таблица 16

**Окончания
настояще-будущего
времени**

	SG	PL
1	-эм	-ām, -am
2	-эу	-āf
3	-i, -d/-t ¹²	-āt

Таблица 17

**Окончания прошедшего
времени переходного
глагола**

	SG	PL
1	-эм	-ām
2	-эт	-āf
3	-Ø, -a	-āt

Таблица 18

**Окончания прошедшего
времени непереходного
глагола**

	SG	PL
1	-ām	-ām
2	-āy	-āf
3	-Ø, -a	-āt

¹² Распределение окончаний -t/-d и -i — лексическое.

Императив имеет специализированные окончания в единственном и множественном числе второго лица (2SG *-o*, 2PL *-it/-in*).

Таким образом, в мунджанском языке можно выделить три неполных (различающихся только в единственном числе) набора лично-числовых показателей (настоящее время, прошедшее время непереходного глагола и прошедшее время переходного глагола) и один полный (императивный).

В памирских языках важную роль для различения глагольных времен играют глагольные основы настоящего и прошедшего времени. Лично-числовые показатели нередко совпадают у разных глагольных форм во множественном числе и, таким образом, являются вторичными отличительными признаками.

В другом восточноиранском языке, пушту, морфологическое устройство личных глагольных форм схоже с памирскими языками. Используются основы настоящего и прошедшего времени и набор личных окончаний, который отличается в настоящем и прошедшем времени только в третьем лице единственного и множественного числа. Отдельно можно выделить окончание 2SG императива, которое, в отличие от большинства других иранских, использующих чистую основу, является специализированным (*-a*).

3.4.3. Ягнобский

Единственным современным восточноиранским языком, в котором образование личных глагольных форм строится по особым принципам, является ягнобский язык. В ягнобском глаголы имеют только одну глагольную основу. Единственным глаголом с двумя основами является ‘делать’ (*kun-* и *kar-*). При этом полноценной финитной основной является только *kun-*. «Основа *kar-* употребляется ограниченно: при образовании инфинитива, причастия и деепричастия настоящего времени... а иногда также форм прошедшего длительного времени» [Хромов 1972: 30]. Простые личные глагольные формы образуются с помощью флексии и дополнительных аффиксов. Ниже приведены парадигмы личных глагольных форм от глагола *šaw-* ‘идти’ из работы [Хромов 1972: 31–33, 37, 41–42].

Таблица 19

**Формы сослагательного наклонения
настояще-будущего времени**

	SG	PL
1	šaw-om	šaw-im
2	šaw-Ø	šaw-t, šaw-s
3	šaw-ot	šaw-ant

Таблица 20

**Зависимые формы
изъявительного наклонения
настояще-будущего времени**

	SG	PL
1	šaw-om	šaw-im
2	šaw-Ø	šaw-t, šaw-s
3	šaw-t	šaw-or

Таблица 21

**Формы изъявительного наклонения
настояще-будущего времени**

	SG	PL
1	šaw-om-išt	šaw-im-išt
2	šaw-i-št	šaw-ti-št, šaw-si-št
3	šaw-ti-št, šaw-či	šaw-o-št

Таблица 22

**Форма изъявительного наклонения
прошедшего времени**

	SG	PL
1	a-šaw-im	a-šaw-om, a-šaw-im
2	a-šaw-i	a-šaw-ti, a-šaw-si
3	a-šaw	a-šaw-or

Таблица 23

**Формы изъявительного наклонения
длительного прошедшего времени**

	SG	PL
1	a-šaw-im-išt	a-šaw-om-išt, a-šaw-im-išt
2	a-šaw-i-št	a-šaw-ti-št, a-šaw-si-št
3	a-šaw-i-št	a-šaw-o-št

Морфологически наиболее простой является парадигма сослагательного наклонения настоящего-будущего времени и сходная с ней парадигма так называемых «зависимых форм».

Под зависимыми формами имеются в виду сочиненные предикаты. В настояще-будущем времени изъявительного наклонения первый предикат спрягается по парадигме настоящего-будущего, а все последующие — по зависимой парадигме (в других временах и наклонениях последующие предикаты имеют нулевое окончание во всех формах). Например, *man sáyn-om-išt ríti-šin mīn-om* (я поднимать.PRS-1SG-SUF перед-ENCL.3PL ставить-SER.1SG) ‘я поднимаю и ставлю перед ними’ [Хромов 1972: 42]. Типологически более корректно было бы называть зависимые парадигмы сериальными. Подобные сериальные конструкции совершенно нехарактерны для иранских языков. Единственным обнаруженным исключением (на которое обратил внимание один из рецензентов настоящей статьи) являются некоторые диалекты таджикского языка, в которых при однородных предикатах первый предикат употребляется в личной форме, а последующие в форме архаического причастия¹³. «Изоглосса этого синтаксического явления охватывает ареал бассейна верхнего течения р. Зеравшан, включая Пенджикент (Зебон, Филмандара, Косатарош, долина р. Фандарьи, Матча), Дарваз, Ванч, Бадахшан, случаи единичного употребления отмечаются также в Каратегине и северном Кулябе» [Гаффаров 1979: 78]. О происхождении этих форм см. работу [Боголюбов 1962].

Настоящее время изъявительного наклонения имеет дополнительный суффикс *-št/-išt*, а прошедшее время изъявительного наклонения маркируется префиксом *a-*. Длительное прошедшее использует и префикс *a-* и суффикс *-št/-išt*. Личные окончания в разных временах и наклонениях по большей части совпадают. Формы настоящего и прошедшего времени различаются главным образом разными аффиксами. Также формы сослагательного наклонения отличаются от форм изъявительного отсутствием специальных аффиксов, используемых в формах изъявительного наклонения.

Таким образом, в ягнобском языке основную роль при формировании личных глагольных форм играют не основы и не флексии, а специальные темпоральные и аспектуальные аффиксы. Сослагательное наклонение отличается от изъявительного отсутствием каких-либо аффиксов.

3.4.4. Западноиранские языки. Основной тип

Во многих западноиранских языках простые личные глагольные формы образуются от основы настоящего времени или основы прошедшего времени при помощи специальных аффиксов и одного набора личных окончаний. Рассмотрим персидский язык.

Наиболее морфологически простой формой является прошедшее время изъявительного наклонения. Это время образуется от основы прошедшего времени и личных окончаний. Во всех таблицах персидских парадигм в этом подразделе используется глагол *xordan* ‘есть’ (основа прошедшего времени — *xord-*, основа настоящего времени — *xor-*).

Таблица 24

Формы прошедшего времени изъявительного наклонения

	SG	PL
1	xord-am	xord-im
2	xord-i	xord-id
3	xord-Ø	xord-and

¹³ Нужно отметить, что таджикские диалекты, в отличие от ягнобского, не выработали отдельную парадигму зависимых форм. Вне зависимости от времени, лица и числа главного предиката в таджикских диалектах используется форма, не имеющая лично-числовых окончаний, — архаичное причастие.

Настояще-будущее время образуется от основы настоящего времени с помощью префикса *mi-* и таких же личных окончаний (только в 3SG используется другое окончание):

Таблица 25

Формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения

	SG	PL
1	mi-xor-am	mi-xor-im
2	mi-xor-i	mi-xor-id
3	mi-xor-ad	mi-xor-and

Прошедшее длительное время образуется от основы прошедшего времени с помощью префикса *mi-* и таких же личных окончаний, как и в простом прошедшем времени:

Таблица 26

Формы прошедшего длительного времени изъявительного наклонения

	SG	PL
1	mi-xord-am	mi-xord-im
2	mi-xord-i	mi-xord-id
3	mi-xord-∅	mi-xord-and

Сослагательное наклонение настоящего времени (в традиционных грамматиках называемое «аористом») образуется от основы настоящего времени с помощью префикса *be-* и таких же личных окончаний, как в настояще-будущем времени:

Таблица 27

Формы настоящего времени сослагательного наклонения

	SG	PL
1	be-xor-am	be-xor-im
2	be-xor-i	be-xor-id
3	be-xor-ad	be-xor-and

Императив совпадает с формами сослагательного наклонения настоящего времени, в форме 2SG императив использует нулевое окончание.

В персидском языке основную роль в личных глагольных формах играют основы настоящего и прошедшего времени и специальные префиксы (*mi-*, *be-*). Личные окончания совпадают во всех простых личных глагольных формах (вариативность наблюдается только в 3SG, где в прошедших временах используется нулевое окончание). Изъявительное и сослагательное наклонения отличаются наличием префикса *be-* у сослагательного наклонения.

3.4.5. Отдельный тип. Талышский

В азербайджанском (или северном) талышском большинство глаголов имеют только одну основу. Таким образом, так же, как и в ягнобском языке, в талышском основа глагола не несет никакой грамматической нагрузки. Простые формы времени и наклонения образуются с помощью специальных аффиксов и одного набора окончаний [Миллер 1953: 143–144; Пирейко 1976: 333–342], ниже приводится таблица этих окончаний.

Таблица 28

Глагольные окончания талышского языка

	SG	PL
1	-м	-мон
2	-ш	-он
3	—	-н

Особые окончания используются только в императиве, где в 2SG окончание является нулевым, а в 2PL употребляется окончание -эн.

В различных временах и наклонениях перед личным окончанием вставляются специальные дополнительные гласные: -ə- (прошедшее результирующее время), -e- (будущее определенное время и прошедшее простое время), -əj/-u- (прошедшее время длительное I), -ы- (настоящее время сослагательного наклонения), -o- (желательное наклонение). Эти «вставные» гласные, по-видимому, можно считать (по крайней мере с синхронной точки зрения) специализированными суффиксами времен и наклонений¹⁴.

Наиболее морфологически простым является прошедшее время, которое состоит из суффикса -u/-e- и личных окончаний (у переходных глаголов используются энклитические местоимения), а также прошедшее результирующее, которое состоит из суффикса -ə- и личных окончаний (у переходных глаголов также используются энклитические местоимения). Все другие личные глагольные формы имеют дополнительные аффиксы. Например, настоящее время образуется от инфинитива глагола (основа глагола, маркированная суффиксом -e-) с помощью суффикса -də- и личных окончаний. Будущее определенное время образуется от инфинитива глагола с помощью префикса bə- и личных окончаний с суффиксом -e-. Другими показателями, образующими простые формы времен и наклонений, являются следующие аффиксы: префикс ə- (прошедшее время длительное I), префикс бы- (сослагательное наклонение настоящего времени, желательное наклонение, а также повелительное наклонение), суффикс -əнин (будущее время намерения или долженствования).

В талышском языке при отсутствии у большинства глаголов разных основ и наличии только одного набора окончаний (и специальных окончаний для императива второго лица) основную роль в образовании простых времен и наклонений взяли на себя специальные префиксы и суффиксы. Ни один другой новоиранский язык не выработал такого количества специализированных глагольных морфологических показателей для образования времен и наклонений. Отличительным признаком косвенных наклонений в талышском языке является префикс бы-, отсутствующий у форм изъявительного наклонения.

3.4.6. Отдельный тип. Прикаспийские

Из рассмотренного материала близкая к осетинской система глагольных парадигм представлена только в некоторых западноиранских прикаспийских языках (мазендеранский, шамерзанди, диалект Велатру) [Расторгуева, Эдельман 1982: 520–544]. В этих языках простые личные глагольные формы образуются от одной из двух основ (настоящего или прошедшего времени) с помощью личных окончаний и в некоторых формах с участием префикса ba-/be-/bä-. Отмечается три уникальных серии личных окончаний: I для образования настоящего-будущего времени изъявительного наклонения, II для образования настоящего-будущего времени сослагательного наклонения («аориста»), III для образования

¹⁴ Схожая система с одним набором окончаний и «вставными» гласными наблюдается в некоторых северных диалектах тати [Пирейко 1991: 147].

нейтрального и длительного прошедшего времени изъявительного наклонения. Ниже в таблице приводятся три серии окончаний мазендеранского языка [Там же: 529].

Таблица 29

Глагольные окончания мазендеранского языка

Серия	Лицо	SG	PL
I	1	-emε	-emi
	2	-eni	-enni
	3	-enε	-enne(nε)
II	1	-em	-im
	2	-i	-in
	3	-ε	-en
III	1	-emε	-emi
	2	-i	-eni
	3	-ε	-enε

Префикс *ba-/be-/bä-* используется в нейтральном прошедшем времени, сослагательном наклонении настоящего времени и императиве. У превербных глаголов и в отрицательных формах префикс *ba-/be-/bä-* отсутствует. Ниже приводится список простых личных глагольных форм (а также модели их образования) в мазендеранском, шамерзади и диалекте Велатру:

- настоящее-будущее время изъявительного наклонения: основа настоящего времени + флексия I;
- нейтральное прошедшее время изъявительного наклонения: префикс *ba-/be-/bä-* + основа прошедшего времени + флексия III;
- длительное прошедшее время изъявительного наклонения: основа прошедшего времени + флексия III;
- настоящее-будущее время сослагательного наклонения: префикс *ba-/be-/bä-* + основа настоящего времени + флексия II;
- императив: префикс *ba-/be-/bä-* + основа настоящего времени + флексия II (в 2SG нулевая флексия).

Единственной формой, в которой префикс *ba-/be-/bä-* несет форморазличительное значение, является нейтральное прошедшее время: только употребление префикса *ba-/be-/bä-* в данном случае отличает форму нейтрального прошедшего времени от формы длительного прошедшего. Другие формы различаются между собой сериями окончаний. Глагольные основы настоящего и прошедшего времени не являются важным отличительным признаком простых личных глагольных форм. Система простых форм глагола в этих языках строится главным образом на использовании разных личных глагольных окончаний. Формы настоящего времени отличаются от форм прошедших времен разным набором флексий. Так же изъявительное наклонение противопоставлено сослагательному разными флексиями. Система простых личных глагольных форм, представленная в мазендеранском, шамерзади и диалекте Велатру, близка к той, что мы видели в осетинском языке, где центральную роль в образовании простых глагольных форм также играют лично-числовые окончания.

Таким образом, в новоиранских языках, за исключением нескольких прикаспийских языков, не отмечается схожей с осетинской схемой устройства глагольной системы, при которой ключевую роль играют лично-числовые окончания.

3.5. Императивные окончания

В осетинском языке в 2SG императива используется нулевое окончание (чистая основа). В 2PL императивное окончание совпадает с окончанием настоящего времени, а в 1PL императивное окончание совпадает с окончаниями настоящего времени и конъюнктива. В 3SG и 3PL императива используются специализированные императивные окончания.

Использование в императиве 2SG чистой основы является типологически тривиальным явлением [Aikhenvald 2010]. В других иранских языках наиболее частой стратегией выражения императива 2SG является использование основы настоящего времени (маркированной или нет префиксом, использующимся также в сослагательном наклонении) с нулевым окончанием.

Формы императива 2PL в других иранских языках обычно имеют такое же окончание, как и 2PL настоящего времени или сослагательного наклонения настоящего времени. Типологически это также является частотным явлением. Однако среди новоиранских языков были замечены несколько аномальных стратегий маркирования 2 лица в императиве. В частности, у нескольких языков в императиве 2SG используется специальное окончание (видимо, восходящее к древнеиранскому императивному окончанию 2SG). Например, в пушту (восточноиранский) в императиве 2SG используется специальное окончание *-a*. Крайне редко в новоиранских языках встречается специальная форма императива 2PL. Единственным обнаруженным примером является мунджанский язык (восточноиранский), который имеет специальный показатель не только для императива 2SG (*-o*)¹⁵, но и для императива 2PL (*-it(-in)*)¹⁶. В северном талышском в императиве 2PL используется окончание *-ən*, в котором, по Л. А. Пирейко [1991: 147], «следует видеть перенос окончания 3-го лица мн. числа».

Специальная форма императива для 3SG и 3PL встречается среди новоиранских языков только в осетинском.

В следующих трех разделах будут рассмотрены категории и грамматические особенности, характерные для новоиранских языков, но отсутствующие в осетинском.

3.6. Отсутствие категории перфекта и плюсквамперфекта

В осетинском языке нет личных перфектных и плюсквамперфектных форм.

В результате настоящего исследования установлено, что категории перфекта и плюсквамперфекта являются типичными для новоиранских языков. Практически во всех новоиранских языках обнаружены перфект и плюсквамперфект. Перфект отсутствует только в прикаспийских языках, при этом в них обнаруживается категория плюсквамперфекта. Единственным языком, в котором есть перфект и отсутствует категория плюсквамперфекта, является кумзари.

Единственным новоиранским языком, в котором нет ни перфекта, ни плюсквамперфекта, является осетинский. Про происхождение перфектных форм в иранских языках см. работу [Jügel 2020].

¹⁵ Т. Н. Пахалина [1989: 239] возводит это окончание к древнеиранскому окончанию императива медиального залога **-hwa*

¹⁶ Происхождение неясно. Т. Н. Пахалина [1989: 239] отмечает, что это окончание «можно было бы восстановить в **-a/itni* (ср. древнеиранское окончание 2 л. мн. ч. **-ta* + суффиксальный элемент *-na*, т. е. аналогично окончанию 1 л. мн. ч. **-m(a)na/i-*)».

3.7. Отсутствие аспектуальных форм

В осетинском языке личные глагольные формы являются аспектуально немаркированными. Категория аспекта обслуживается в осетинском исключительно превербными и служебными словами. В других новоиранских языках в глагольной системе, как правило, обнаруживаются отдельные парадигмы аспектуальных форм. Например, в языках, подробно рассмотренных в разделе 3.4 (ягнобский, персидский, северный талышский и прикаспийские языки), выделяется прошедшее длительное время.

Тем не менее существуют новоиранские языки, в которых, так же, как и в осетинском, нет специальных парадигм аспектуальных форм (например, многие памирские языки: шугнано-рушанские, ваханский, ишкашимский).

3.8. Отсутствие аналитических форм

В глагольной системе осетинского языка все формы времен и наклонений являются простыми, аналитические формы отсутствуют. Во всех восточноиранских языках и в большинстве западноиранских обнаруживаются аналитические формы, образующиеся от причастной формы основного глагола и вспомогательного глагола со значениями 'быть', 'идти', 'иметь', 'стоять' и другими. Одним из самых богатых аналитическими формами языков является современный таджикский язык, где насчитывается несколько десятков личных аналитических форм [Расторгуева, Керимова 1964].

Наиболее частотной аналитической формой среди новоиранских языков является плюсквамперфект, который обычно образуется на основе перфекта с помощью вспомогательного глагола со значением 'быть'. Аспектуальные формы также нередко образуются в иранских языках с помощью вспомогательных глаголов (ср., например, формы прогрессива в персидском и многих других западноиранских языках [Vafaeian 2018]).

В результате настоящего исследования обнаружены несколько западноиранских языков, в которых, так же, как и в осетинском, отсутствуют какие-либо аналитические глагольные формы времен и наклонений. Одним из таких языков является ларский (западноиранский), в котором перфект образуется морфологически, с помощью суффикса *-ess/-est* и личных окончаний или проклитик. Плюсквамперфект, в отличие от других новоиранских языков, в ларском также образуется морфологически, с помощью суффикса *-on*, который присоединяется к перфектному суффиксу *-ess/-est*, и тех же личных окончаний или проклитик [Молчанова 1982: 435–436; Skjærvø 1989: 367]. Аспектуальные формы в ларском языке также образуются морфологически.

Другим языком, не имеющим аналитических глагольных форм времен и наклонений, является кумзари.

Нужно заметить, что несмотря на то, что в глагольных парадигмах осетинского языка отсутствуют аналитические аспектуальные и перфектные формы, в этом языке есть развитая система аналитических модальных и залоговых конструкций, которые строятся из отглагольной нефинитной формы и вспомогательного глагола. Например, конструкции возможности [Выдрин 2013], модальные конструкции со значением «легко/трудно сделать» [Выдрин 2015], конструкции необходимости и намерения [Vydrin 2017], а также другие модальные и залоговые конструкции [Выдрин 2014б].

Выводы

В настоящей работе было показано нетривиальное устройство осетинских глагольных парадигм. По сравнению с другими новоиранскими языками осетинский глагол содержит ряд уникальных и нехарактерных особенностей. Уникальными для типологии новоиранских языков являются следующие особенности: морфологическое будущее время, имперсонал, специальный морфологический показатель переходности, специализированные императивные окончания третьего лица, отсутствие категорий перфекта и плюсквамперфекта. Нехарактерными для новоиранских языков являются следующие черты осетинского глагола: устройство глагольной системы, при которой ключевую роль играют лично-числовые окончания, а не глагольные основы или специальные аффиксы, отсутствие аспектуальных форм, отсутствие аналитических форм.

Причины становления нехарактерной для других новоиранских языков системы глагола в осетинском нужно искать в полной изолированности осетинского от других иранских языков, а также от индоевропейских языков в целом. Действительно, осетинский на протяжении всей своей истории развивался в полной изоляции от родственных языков. Активные контакты осетинского с индоевропейскими языками (русский) начались только с самого конца XVIII в.

Значимым результатом настоящего исследования является обнаружение ряда характерных для внутригенетической типологии особенностей глагола новоиранских языков: категория перфекта и плюсквамперфекта, личные аспектуальные формы, а также аналитические глагольные формы. В статье также отмечаются некоторые нетривиальные для иранских языков грамматические особенности в отдельных новоиранских языках: специализированный показатель императива 2SG в пушту, а также специальные показатели императива 2SG и 2PL в мунджанском, сериальная конструкция в ягнобском. Данные, представленные в настоящей работе, могут быть использованы при дальнейшем типологическом исследовании глагола новоиранских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ALL — аллатив
ENCL — энклитика
FUT — будущее время
GEN — генитив

IMP — императив
IMPERS — имперсонал
INDEF — показатель неопределенности
INF — усеченный инфинитив
NEG — отрицание
NOM — номинатив
PART.PST — причастие прошедшего времени
PL — множественное число

PREF — преверб
PRS — настоящее
SER — сериальная форма
SG — единственное число
SUBJ — сослагательное наклонение настоящего
будущего времени
SUF — суффикс
НКТА — Национальный корпус таджикского
языка (<https://tajik-corpus.org/>)
ОНК — Осетинский национальный корпус
(<http://corpus.ossetic-studies.org/>)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1949 — Абаев В. И. *Осетинский язык и фольклор*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
[Abaev V. I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1949.]

- Абаев 1959 — Абаев В. И. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1959. [Abaev V. I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical sketch of Ossetian]. Ordzhonikidze: North Ossetian Publishing House, 1959.]
- Ахвледиани 1963 — Ахвледиани Г. С. (ред.). *Грамматика осетинского языка*. Т. I: *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963. [Akhvlediani G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Grammar of Ossetian]. Vol. 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1963.]
- Ахвледиани 1969 — Ахвледиани Г. С. (ред.). *Грамматика осетинского языка*. Т. II: *Синтаксис*. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969. [Akhvlediani G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Grammar of Ossetian]. Vol. 2: *Sintaksis* [Syntax]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1969.]
- Багаев 1965 — Багаев Н. К. *Современный осетинский язык*. Ч. I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1965. [Bagaev N. K. *Sovremennyi osetinskii yazyk* [Modern Ossetian language]. Part 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Publishing House, 1965.]
- Багаев 1982 — Багаев Н. К. *Современный осетинский язык*. Ч. II (синтаксис). Орджоникидзе: ИР, 1982. [Bagaev N. K. *Sovremennyi osetinskii yazyk* [Modern Ossetian language]. Part 2: *Sintaksis* [Syntax]. Ordzhonikidze: IR, 1982.]
- Бенвенист 1965 — Бенвенист Э. *Очерки по осетинскому языку*. М.: Наука, 1965. Пер. с франц. [Benveniste E. *Études sur la langue ossète*. Paris: C. Klincksieck, 1959. Transl. into Russian.]
- Боголюбов 1962 — Боголюбов М. Н. Предложения с архаичным причастием в говорах таджикского языка. *Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук*, 1962, 306: 3–5. [Bogolyubov M. N. Sentences with the archaic participle in Tajik dialects. *Uchenye zapiski LGU. Seriya vostokovedcheskikh nauk*, 1962, 306: 3–5.]
- Выдрин 2013 — Выдрин А. П. Две конструкции возможности в осетинском языке. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 121–142. [Vydrin A. P. Two constructions of possibility in Ossetic. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 121–142.]
- Выдрин 2014а — Выдрин А. П. Специализированный имперсонал в осетинском языке: к типологии имперсональности в иранских языках. *Вопросы языкознания*, 2014, 3: 20–33. [Vydrin A. P. Dedicated impersonal in Ossetic: towards a typology of impersonality in Iranian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 3: 20–33.]
- Выдрин 2014б — Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке. *Востоковедение. Историко-филологические исследования*. Межвузовский сб. статей. Вып. 30 (заключительный). Памяти акад. М. Н. Боголюбова. Оглоблин А. К., Телицин Н. Н. (отв. ред.). СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014, 25–80. [Vydrin A. P. Verb in Ossetian. *Vostokovedenie. Istoriko-filologicheskie issledovaniya*. No. 30. Ogloblin A. K., Telitsin N. N. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2014, 25–80.]
- Выдрин 2015 — Выдрин А. П. Легко и трудно осуществить действие. Осетинская модальная конструкция. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, 2: 111–134. [Vydrin A. P. Difficult and easy in Ossetic. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, 2: 111–134.]
- Выдрин 2022 — Выдрин А. П. Переходность в осетинском языке. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2022, 3: 11–30. [Vydrin A. P. Transitivity in Ossetian. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2022, 3: 11–30.]
- Выдрин, Мазурова 2021 — Выдрин А. П., Мазурова Ю. В. Будущее в таджикском: литературное будущее время в современном таджикском языке. *Родной язык*, 2021, 1: 103–117. [Vydrin A. P., Mazurova Yu. V. Standard future tense in modern Tajik. *Rodnoy Yazyk*, 2021, 1: 103–117.]
- Гагкаев 1952 — Гагкаев К. Е. *Очерк грамматики осетинского языка*. Дзауджикау: Севосгиз, 1952. [Gagkaev K. E. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [Sketch of Ossetian grammar]. Dzaudzhikau: Sevosgiz, 1952.]
- Гаффаров 1979 — Гаффаров Р. К вопросу о сравнительном изучении синтаксиса таджикских говоров. *Вопросы языкознания*, 1979, 1: 74–81. [Gaffarov R. On comparative study of syntax in Tajik dialects. *Voprosy Jazykoznanija*, 1979, 1: 74–81.]
- Грюнберг 1963 — Грюнберг А. Л. *Язык североазербайджанских татов*. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Grunberg A. L. *Yazyk severoazerbaidzhanskikh tatov* [The language of North Azerbaijani Tats]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963.]
- Грюнберг 1972 — Грюнберг А. Л. *Мунджанский язык: тексты, словарь, грамматический очерк*. Л.: Наука, 1972. [Grunberg A. L. *Mundzhanskii yazyk: teksty, slovar', grammaticheskii ocherk* [Munjani language: Texts, dictionary, grammatical sketch]. Leningrad: Nauka, 1972.]

- Грюнберг 1987а — Грюнберг А. Л. *Очерк грамматики афганского языка (пашту)*. Л.: Наука, 1987. [Gryunberg A. L. *Ocherk grammatiki afganskogo yazyka (pashto)* [Sketch of Afghani (Pashto) grammar]. Leningrad: Nauka, 1987.]
- Грюнберг 1987б — Грюнберг А. Л. Мунджанский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 155–228. [Gryunberg A. L. Munjani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskii yazyki: vostochnaya gruppa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 155–228.]
- Ефимов 1965 — Ефимов В. А. *Язык афганских хазара*. М.: Наука, 1965. [Efimov V. A. *Yazyk afganski-kh khazara* [The language of Afghani Khazara]. Moscow: Nauka, 1965.]
- Ефимов 1986 — Ефимов В. А. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. М.: Наука, 1986. [Efimov V. A. *Yazyk ormuri v sinkhronnom i istoricheskom osveshchenii* [Ormuri language in synchronic and historical perspective]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Ефимов 2008 — Ефимов В. А. Хазара. *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 2008, 344–414. [Efimov V. A. Khazara. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: sredneiranskii i novoiranskii yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2008.]
- Ефимов 2009 — Ефимов В. А. *Язык парачи*. М.: Восточная литература РАН, 2009. [Efimov V. A. *Yazyk parachi* [Parachi language]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2009.]
- Иоаннесян 1999 — Иоаннесян Ю. А. *Гератский диалект языка дари*. М.: Восточная литература РАН, 1999. [Ioannesyan Yu. A. *Geratskii dialekt yazyka dari* [Herat dialect of Dari]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1999.]
- Калинина 1976 — Калинина З. М. Частица *bə* и ее функции в глагольной системе пушту. *Индийская и иранская филология: Вопросы грамматики*. Дворянков Н. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1976, 68–78. [Kalinina Z. M. The particle *bə* and its functions in Pashto verbal system. *Indiiskaya i iranskaya filologiya: Voprosy grammatiki*. Dvoryankov N. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1976, 68–78.]
- Керимова 1982а — Керимова А. А. Диалекты Фарса. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 316–363. [Kerimova A. A. Dialects of Fars. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskii yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiskii yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 316–363.]
- Керимова 1982б — Керимова А. А. Лурские и бактиярские диалекты. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 287–315. [Kerimova A. A. Luri and Bakhtiari dialects. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskii yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiskii yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 287–315.]
- Кисилёва 1985 — Кисилёва Л. Н. *Язык дари Афганистана*. М.: Наука, 1985. [Kisileva L. N. *Yazyk dari Afganistana* [Dari language of Afghanistan]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Миллер 1953 — Миллер Б. В. *Талышский язык*. М.: Изд-во АН СССР, 1953. [Miller B. V. *Talyshskii yazyk* [Talysh language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1953.]
- Молчанова 1982 — Молчанова Е. К. Ларский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 364–446. [Molchanova E. K. Lari. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskii yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiskii yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 364–446.]
- Молчанова 1997 — Молчанова Е. К. Сивенди. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа. II*. М.: Восточная литература РАН, 1997, 330–418. [Molchanova E. K. Sivandi. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskii yazyki: Severo-zapadnaya gruppa. II*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 330–418.]
- Молчанова 2008 — Молчанова Е. К. Йезди (зороастрийский дари). *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 2008, 235–343. [Molchanova E. K. Yazdi (Zoroastrian Dari). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Sredneiranskii i novoiranskii yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2008, 235–343.]
- Пахалина 1959 — Пахалина Т. Н. *Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты и словарь*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. [Pakhalina T. N. *Ishkashimskii yazyk. Ocherk fonetiki i grammatiki, teksty i slovar* [Ishkashimi. Sketch of phonetics and grammar, texts, and dictionary]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1959.]
- Пахалина 1975 — Пахалина Т. Н. *Ваханский язык*. М.: Наука, 1975. [Pakhalina T. N. *Vakhanskii yazyk* [Vakhani]. Moscow: Nauka, 1975.]

- Пахалина 1987а — Пахалина Т. Н. Ваханский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 408–473. [Pakhalina T. N. Vakhani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 408–473.]
- Пахалина 1987б — Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 474–536. [Pakhalina T. N. Ishkashimi. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 474–536.]
- Пахалина 1989 — Пахалина Т. Н. *Сравнительно-историческая морфология памирских языков*. М.: Наука, 1989. [Pakhalina T. N. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya pamirskikh yazykov* [Comparative morphology of Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Пахалина 1991 — Пахалина Т. Н. Семнанский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа*. Ч. I. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 176–205. [Pakhalina T. N. Semnani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 1. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 176–205.]
- Пирейко 1976 — Пирейко Л. А. *Талышско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1976. [Pireiko L. A. *Talyshsko-russkii slovar'* [Talysh–Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1976.]
- Пирейко 1991 — Пирейко Л. А. Талышский язык. Диалекты тати Ирана. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа*. Ч. I. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 91–175. [Pireiko L. A. Talysh language. Tati dialects of Iran. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 1. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 91–175.]
- Пирейко 1997 — Пирейко Л. А. Гурани. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа*. Ч. II. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 1997, 144–194. [Pireiko L. A. Gurani. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 2. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 144–194.]
- Расторгуева 1975а — Расторгуева В. С. (отв. ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. I. Фонология. Эволюция морфологического типа. М.: Наука, 1975. [Rastorgueva V. S. (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov* [Historical-typological study of Iranian]. Vol. 1. *Fonologiya. Evolyutsiya morfologicheskogo tipa* [Phonology. Evolution of morphological type]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Расторгуева 1975б — Расторгуева В. С. (отв. ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. II. Эволюция грамматических категорий. М.: Наука, 1975. [Rastorgueva V. S. (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov* [Historical-typological study of Iranian]. Vol. 2. *Evolyutsiya grammaticheskikh kategorii* [Evolution of grammatical categories]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Расторгуева 1991 — Расторгуева В. С. Сангесари. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа*. Ч. I. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 206–246. [Rastorgueva V. S. Sangesari. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 1. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 206–246.]
- Расторгуева, Керимова 1964 — Расторгуева В. С., Керимова А. А. *Система таджикского глагола*. М.: Наука, 1964. [Rastorgueva V. S., Kerimova A. A. *Sistema tadzhikskogo glagola* [Tajik verb system]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Расторгуева, Мошкало 1997 — Расторгуева В. С., Мошкало В. В. Диалекты центрального Ирана. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа*. Ч. II. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 1997, 195–329. [Rastorgueva V. S., Moshkalo V. V. Dialects of Central Iran. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 2. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 195–329.]
- Расторгуева, Эдельман 1982 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Гилянский, мазендеранский (с диалектами шамерзади и Велатру). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1982, 447–554. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. Gilani, mazenderani (with Shamarzadi and Velatru dialects). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya grupa, prikaspiiskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 447–554.]
- Таказов 1992 — Таказов Х. А. *Категория глагола в современном осетинском языке*: Дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. [Takazov Kh. A. *Kategoriya glagola v sovremennot osetinskom yazyke* [Category of verb in modern Ossetian]. Doctoral diss. Moscow: Institute of Linguistics, 1992.]

- Тедеев 1989 — Тедеев Г. З. *Семантическая структура осетинского глагола*. Тбилиси: Мецниереба, 1989. [Tedeev G. Z. *Semanticheskaya struktura osetinskogo glagola* [Semantic structure of Ossetian verb]. Tbilisi: Metsniereba, 1989.]
- Техов 1970 — Техов Ф. Д. *Выражение модальности в осетинском языке*. Тбилиси: Мецниереба, 1970. [Tekhov F. D. *Wyrazhenie modal'nosti v osetinskom yazyke* [Expression of modality in Ossetian]. Tbilisi: Metsniereba, 1970.]
- Хромов 1972 — Хромов А. Л. *Ягнобский язык*. М.: Наука, 1972. [Khromov A. L. *Yagnobskii yazyk* [Yaghnobi]. Moscow: Nauka, 1972.]
- Цаболов 1978 — Цаболов Р. Л. *Очерк исторической морфологии курдского языка*. М.: Наука, 1978. [Tsabolov R. L. *Ocherk istoricheskoi morfologii kurdsogo yazyka* [Sketch of Kurdish historical morphology]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Цаболов 1997 — Цаболов Р. Л. Курдский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа*. Ч. II. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 1997, 6–96. [Tsabolov R. L. Kurdish. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki. Severo-zapadnaya grupa*. Part 2. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1997, 6–96.]
- Чёнг 2008 — Чёнг Дж. *Очерки исторического развития осетинского вокализма*. Владикавказ; Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2008. [Cheung J. *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Outline of historical development of Ossetian vocalism]. Vladikavkaz; Tskhinval: V. Gassiev Publ., 2008.]
- Эдельман 1987а — Эдельман Д. И. Язгулямский язык. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 348–407. [Edel'man D. I. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 348–407.]
- Эдельман 1987б — Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская языковая группа. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. Расторгуева В. С. (отв. ред.). М.: Наука, 1987, 236–347. [Edel'man D. I. Shugnani-Rushani language group. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Novoiranskie yazyki: vostochnaya grupa*. Rastorgueva V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1987, 236–347.]
- Эдельман 1990 — Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М.: Наука, 1990. [Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vosotchnoiranskikh yazykov. Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative grammar of East Iranian. Morphology. Elements of syntax]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Юсупова 1998 — Юсупова З. А. *Курдский диалект горани*. СПб.: Наука, 1998. [Yusupova Z. A. *Kurdsii dialekt gorani* [Kurdish Gorani dialect]. St. Petersburg: Nauka, 1998.]
- Юсупова 2000 — Юсупова З. А. *Курдский диалект аврамани*. М.: Восточная литература РАН, 2000. [Yusupova Z. A. *Kurdsii dialekt avramani* [Kurdish Avramani dialect]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2000.]
- Юсуфбеков, Додыхудоева 2008 — Юсуфбеков Ш. П., Додыхудоева Л. Р. Сангличский язык. *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература РАН, 2008, 110–234. [Yusufbekov Sh. P., Dodykhudoeva L. R. Sanglich. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya: Sredneiranskie i novoiranskie yazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2008, 110–234.]
- Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Y. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Authier 2012 — Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden: Reichert, 2012.
- Axenov 2006 — Axenov S. *The Balochi language of Turkmenistan. A corpus-based grammatical description*. Ph.D. diss. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2006.
- Benveniste 1959 — Benveniste E. *Études sur la langue ossète*. Paris: C. Klincksieck, 1959.
- Borjian 2008 — Borjian H. The Komisenian dialect of Aftar. *Oriental Archive*, 2008, 76: 269–424.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Cheung 2002 — Cheung J. Studies in the historical development of the Ossetic vocalism. *Beiträge zur Iranistik. Gegründet von Georges Redard, herausgegeben von Nicholas Sims-Williams*. Bd. 21. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag, 2002.
- Emmerick 1968 — Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London: Oxford Univ. Press, 1968.
- Ethnologue 2023 — Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. 26th edn. Dallas: SIL International, 2023. Online version: <http://www.ethnologue.com>.

- Jahani, Korn 2009 — Jahani C., Korn A. Balochi. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 634–692.
- Jügel 2020 — Jügel Th. The perfect in Middle and New Iranian languages. *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Crellin R., Jügel Th. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2020, 280–309.
- McCarus 2009 — McCarus E. N. Kurdish. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 587–633.
- Nourzaei et al. 2015 — Nourzaei M., Jahani C., Anonby E., Ahangar A. A. *Koroshi. A corpus-based grammatical description*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2015.
- D. Paul 2011 — Paul D. *A comparative dialectal description of Iranian Taleshi*. Ph.D. diss. Univ. of Manchester, 2011.
- L. Paul 2009 — Paul L. Zazaki. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 545–586.
- Skjærvø 1989 — Skjærvø P. O. Languages of Southeast Iran: Lārestānī, Kumzārī, Bāškardī. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Reichert, 1989, 363–370.
- Thordarson 1989 — Thordarson F. Ossetic. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Schmitt R. (ed.). Wiesbaden: Reichert Verlag, 1989, 456–479.
- Thordarson 2009 — Thordarson F. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.
- Vafaeian 2018 — Vafaeian Gh. *Progressives in use and contact: A descriptive, areal and typological study with special focus on selected Iranian languages*. Stockholm: Stockholm Univ., 2018. <http://su.diva-portal.org/smash/get/diva2:1200741/FULLTEXT01.pdf>
- Vydrin 2017 — Vydrin A. Two Ossetic constructions with the future participle: prospective-intention and necessity. *Prospective and proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Korn A., Nevskaya I. (eds.). Wiesbaden: Reichert Verlag, 2017, 147–162.
- Wal Anonby 2015 — van der Wal Anonby C. *A grammar of Kumzari: A mixed Perso-Arabian language of Oman*. Ph.D diss. Universiteit Leiden, 2015. <https://hdl.handle.net/1887/32793>
- Yar-Shater 1969 — Yar-Shater E. *A grammar of southern Tati dialects*. The Hague: Mouton, 1969.

Получено / received 04.01.2022

Принято / accepted 22.11.2022

Beyond syntacticocentric and lexicalist: Event-structural force-dynamic approach to noun incorporation and promotion to direct object in Amguema Chukchi

© 2023

Alexey I. Vinyar

HSE University, Moscow, Russia; alexvinyar@yandex.ru

Abstract: There are two most common approaches to analyzing noun incorporation: syntacticocentric, which derives this construction via syntactic movement, and lexicalist, which argues that this complex verbal stem is formed by compounding in the lexicon via rules operating in a verbal lexical entry. Without discussing the general theoretical possibility of such analyses, in this paper I advocate a much less widespread analysis of noun incorporation. I argue that noun incorporation rules are directly derivable from the event structure. Taking W. Croft's approach to argument and event structure, I review previous studies and provide some new field data which point towards event-structural analysis of noun incorporation and promotion to direct object formulated in concepts of force dynamics, affectedness and subevents' ordering. I also argue that the force-dynamic analysis I propose does not postulate idiosyncratic rules: the restrictions I formulate for noun incorporation and promotion in Amguema Chukchi are simultaneously cognitively and diachronically grounded.

Keywords: Chukchi, Chukotko-Kamchatkan, cognitive linguistics, construction grammar, event structure, incorporation, syntax

Acknowledgements: The research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant No. 075-15-2022-325). I would like to express my gratitude to my colleagues from HSE and the research group on Amguema Chukchi, who contributed to this study by extensively discussing it with me. Special thanks go to Ivan Stenin and Polina Kasyanova, who critically evaluated this article throughout its preparation. I would also like to thank three anonymous reviewers who made data presentation, analysis, and language of this article more coherent. Finally, I praise the contribution of Amguema community to my research. Without my dear Chukchi teachers this study would not be possible, вэлынкыжун! All mistakes and misinterpretations are my responsibility.

For citation: Vinyar A. I. Beyond syntacticocentric and lexicalist: Event-structural force-dynamic approach to noun incorporation and promotion to direct object in Amguema Chukchi. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 114–143.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.114-143

Без лексикализма и без трансформаций: подход от структуры события и силовой динамики к инкорпорации и продвижению в позицию прямого дополнения в амгуэмском чукотском

Алексей Игоревич Виняр

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; alexvinyar@yandex.ru

Аннотация: Существует два основных подхода к анализу инкорпорации имени. Согласно первому, ориентированному на синтаксис подходу, конструкция инкорпорации имени возникает благодаря перемещению (или его отсутствию) в синтаксической структуре. Согласно второму,

лексикалистскому подходу, инкорпорация имени возникает благодаря операции в лексической репрезентации глагольной основы. В этой статье я предлагаю анализ, основанный на других принципах. Инкорпорация имени не ограничивается ни правилами, оперирующими только в лексиконе, ни операциями над синтаксическими структурами. Правила, ответственные за инкорпорацию имени, проистекают напрямую из структуры события. Пользуясь подходом к структуре события, изложенным в книге У. Крофта «Verbs», я разбираю материалы предыдущих исследований и привожу новые данные, полученные в ходе полевой работы с амгуэмским говором чукотского языка. Эти данные указывают, что исследования инкорпорации должны опираться на изучение структуры события и оперировать такими понятиями, как силовая динамика (*force dynamics*), пребывание под воздействием (*affectedness*) и порядок подсобытий в каузальной цепи. Кроме того, я утверждаю, что правила, сформулированные для инкорпорации и продвижения в позицию прямого дополнения таким образом, не являются случайными и произвольными. Напротив, такого рода ограничения на синтаксис инкорпорации обоснованы когнитивно, отражают возможные диахронические пути развития и могут быть проверены на материале типологического исследования.

Ключевые слова: грамматика конструкций, инкорпорация, когнитивная лингвистика, синтаксис, структура события, чукотский язык, чукотско-камчатские языки

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2022-325). Я выражаю благодарность коллегам из НИУ ВШЭ и в особенности группе по исследованию амгуэмского говора чукотского языка, члены которой в разные годы внесли важный вклад в это исследование. Особую благодарность хочется выразить Ивану Стенину и Полине Касьяновой, которые смогли критически оценить этот текст. Также хочется поблагодарить анонимных рецензентов, чьи комментарии значительно улучшили представление данных, их анализ и также сам текст статьи. Наконец, невозможно переоценить вклад сообщества чукчей Амгуэмы. Дорогие учителя чукотского, без вас никакие исследования не были бы возможны, в том числе и это, взыллыкыун! Все ошибки и неточности остаются на совести автора.

Для цитирования: Vinyar A. I. Beyond syntacticocentric and lexicalist: Event-structural force-dynamic approach to noun incorporation and promotion to direct object in Amguema Chukchi. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 114–143.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.114-143

1. Introduction and main results

Amguema Chukchi¹, like other Chukchi varieties (see [Polinskaja, Nedjalkov 1987; Dunn 1999]), makes a productive use of a Noun Incorporation Construction (henceforth NIC): a noun stem denoting P/S_p-like participant² can be expressed not only as a syntactic Direct Object (henceforth DO) marked by nominative case, but also as a part of a verbal stem (compare (1b), regarded as pragmatically odd by some speakers, and (1a)).

- (1) a. *nute-wiriŋa-lʔ-e* Ø-*piʔa-swi-ni-n* *ʔeqe-lʔa-n*
land-protect-ATTR-INS 2/3.S/A-throat-cut-3SG.A.3.O-3SG.O bad-ATTR-NOM.SG

¹ All the data I use in this paper is obtained during my fieldwork in the village of Amguema. Amguema (*Pomwaam* or *omwaan* in Chukchi) is a village in the North-Eastern part of the Chukotka peninsula, which is administratively a part of the Iultin district of the Chukotka Autonomous Okrug. More information about the Amguema variety and elicitation techniques is provided in the end of Section 1.1.

² It has been noted since Bogoras [1922] and Skorik [1948] that Instrument- and Locative-like core arguments and adjuncts can be incorporated in Amguema Chukchi. Additionally, Nedjalkov [1982] and Polinsky [1990] provide some evidence that Cause-like and Agent-like S participants can be incorporated, too. However, as this paper is focused only on the restrictions on the Nominative-marked syntactic Direct Object “promoted by” the NIC incorporating P-like participant of two-place verbs, discussion of patterns of NI of other roles is left for other studies.

b. <i>ʔnute-wiriŋə-lʔ-e</i>	Ø- <i>swi-ni-n</i>	<i>ʔeŋe-lʔ-in</i>	<i>piŋə-n</i>
land-protect-ATTR-INS	2/3.S/A-cut-3SG.A.3.O-3SG.O	bad-ATTR-GEN	throat-NOM.SG
‘The protector of the Motherland cut the enemy’s throat (in a movie).’			

In this paper, I analyze such Amguema Chukchi constructions containing incorporation of P-like participant of a transitive event and promotion of another participant to the DO slot. S-Incorporation and Adjunct-incorporation are left for further studies.³

The NIC in (1) expresses the P participant as a part of complex verbal stem of a transitive verb. Hence, the privileged DO syntactic position becomes “vacant” and is instead occupied by another affected participant (here — the Possessor of the body-part P), which otherwise would have been expressed as a less a prominent syntactic (sub)constituent. As discussed in [Polinskaja, Nedjalkov 1987: 265], this construction provides means for manipulating the pragmatic prominence of the affectedness of participants: the change happening to the throat (the notional verbal P argument) is less pragmatically prominent than the possible effects of this change for the enemy (the notional P’s Possessor). In this paper, I adopt Polinskaja and Nedjalkov’s [1987] perspective on the functions of constructions like (1a) in the constructionist-cognitive framework with the help of the notion of “**profiling**”, a syntactic mechanism connected to human cognitive mechanisms of attention (see [Croft, Cruse 2004: 40–53]). As a general framework-free label for the process of a non-core argument NP “acquiring” the DO syntactic position by virtue of incorporation of the core P-like participant, I use the term “**promotion**”.

The goals of this paper are threefold. The first is to provide a nuanced **description of restrictions** on various subtypes of profiling a participant as a DO achieved by incorporation of a P-like participant of an event in the Amguema variety of Chukchi (see Sections 3.1–3.5). In doing so, I study similar cases described for other varieties by previous researchers, see [Skorik 1948; 1961; 1977; Nedjalkov 1976; 1977; 1982; Kozinsky et al. 1988; Polinskaja, Nedjalkov 1987; Polinskaja 1991; T. Kurebito 1998; 2012; Dunn 1999; Muravyova et al. 2001]. Additionally, I present and analyze some novel pieces of data on previously relatively understudied subtypes of P-participant NICs profiling another participant as a DO, namely the NICs profiling spatial participants of change-of-location or change-of-state events (see Section 3.3), constructions where both an Incorporated Noun (IN) and a Beneficiary / Maleficiary profiled as a DO denote human beings (see the end of Section 3.4) and constructions which can profile different participants depending on the difference in an event’s construal (see Section 3.5).

The second goal is to provide an alternative to the analyses dominant in previous “lexicalist” and “syntactocentric” studies analyses of P-incorporation and promotion to the DO slot (see the discussion in Section 4). The alternative I offer is based on the **event structure** properties and not on the “semantic (proto-)roles” and their hierarchies (see [Rosen 1989; Spencer 1995]) or the types of syntactic configurations and copying / movement mechanisms operating in them (as some “syntactocentric” analyses are, see [Baker et al. 2005; Muro 2009]). Although I adopt the theory of event structure and argument structure developed in [Croft 1991; 2012], I acknowledge that a similar analysis can be transferred to other formal, constructionist or cognitive frameworks. Hence, my goal is to show that **event structure can and should be studied in detail** by any analysis of NICs at least for Amguema Chukchi. The essentials of the event structure analysis are presented in Section 2.2. The comparison of my analysis to the previous ones and its advantages are discussed in Section 4.

The final goal of this study is to argue that the event-structural restrictions I formulate and pose upon the NICs in Amguema Chukchi are not arbitrary but can be **explained by the diachronic**

³ For detailed description of S-Incorporation in other Chukchi varieties, see Nedjalkov [1977; 1982] and Polinsky [1990; 1994]. Adjunct incorporation is briefly analyzed in Spencer [1995]. Additionally, Vinjar & Gerasimenko [2018] discuss a subtype of it and provide some evidence that it is not fully idiosyncratic, although requires a separate analysis.

paths noun incorporation takes. In Section 5, I argue that the restrictions formulated in Section 2.2 are naturally caused by the origin of these constructions in the Body-Part Incorporation Construction.

1.1. Amguema Chukchi: Notes on data collection and some grammar basics

Many⁴ of my consultants⁵ who helped me in collecting the data of Amguema Chukchi were born in the tundra and had little or no competence in Russian before they were taken to boarding school. Amguema can be regarded as a “central” group of Chukchi varieties which is close to the Eastern group of varieties (see [Pupynina 2018: 114]).

The majority of Chukchi data I use in this paper is elicited. Elicitation included translation from Russian and/or evaluating constructed Chukchi sentences and asking consultants to produce sentences with a specific wordform. For a sentence to be considered grammatical, at least 2–3 consultants needed to either produce it or accept it as a well-formed one (the opposite procedure with the same number of consultants was required for a sentence to be considered ungrammatical). All elicitation sessions were recorded, transcribed, and analyzed morphologically. The analyzed materials are stored and (partially) available on demand.

Another type of linguistic data I use in my study is sentences from spontaneous texts. The texts were analyzed by the members of Chukchi language research group (see <https://chuklang.ru/about>) and are available online (https://chuklang.ru/full_texts). For the purposes of navigation, I provide the text title and the number of the sentence in it after the text examples. Additionally, some non-elicited examples of spontaneous Chukchi speech are given (the (1a) example is a representative of this type).

In morphological glossing, I tried to indicate as much morphological information as possible. Thus, in the data presentation I avoid the question of whether a given complex (either due to compounding or due to derivation) stem is well-established or produced in the course of speech.⁶ I used the glosses developed in the Chukchi description field project, which can be found at https://chuklang.ru/static/chukchi_glosses_20171020.pdf. The translation of the lexical stems is in general given according to Weinstein’s [2018] splendid dictionary.

Chukchi is a language with both head and dependent marking of core arguments [Nichols 1986]. The case system is strictly ergative: the S and P participants are marked with nominative case⁷ and the A participant is marked with instrumental case irrespective of the

⁴ All ethnographic and sociolinguistic information in this section is based either on Stenin [2018] or on my personal knowledge.

⁵ During four fieldtrips to Chukotka (2016–2021, total duration is about 4 months), I had an opportunity to work with at least twenty Chukchi people (listed on <https://chuklang.ru/speakers>), mostly bilingual (Chukchi / Russian) and aged between 40 and 70, only two of them being male. However, the most data on Chukchi noun incorporation I discuss here was provided by 12 speakers (mentioned in Acknowledgements).

⁶ An anonymous reviewer suggested that not fully semantically compositional complex stems denoting well-established concepts in Chukchi culture should be glossed in a more integrative way. Although I acknowledge that doing so may be more transparent for a reader and may sometimes better reflect the lexicalized nature of such stems, I still preserve more “literal” glossing because it is difficult to draw a sharp distinction between semantically compositional (although probably lexicalized) stems like *ine-n-melew-etə-lʔə-n* (ANTI-TR-get.better-VB-ATTR-NOM.SG) ‘doctor’ and semantically non-compositional stems like *tərkə-lʔə-n* (testicle-ATTR-NOM.SG) ‘stud buck reindeer’.

⁷ There are some reasons for labelling the Chukchi case which marks the A-participant as instrumental and not ergative: it is not only morphologically identical to the case which marks an Instrument, but

participant's animacy and clausal TAM (2). The case-marking and indexing in the ditransitive construction is organized following indirect-object patterns [Haspelmath 2013]. Chukchi exhibits a "free" pragmatics-based word order and extensive pro-drop [Dunn 1999].

- (2) *ətəy-e ekk-in wata-Ø Ø-pəne-ni-n*
 father-INS son-GEN knife-NOM.SG 2/3.S/A-sharpen-3SG.A.3.O-3SG.O
 'The father sharpened the son's knife.'

1.2. Introducing the force-dynamic approach to argument structure

The force-dynamic approach to argument structure is partially similar to better known approaches to event decomposition (see the discussion in [Croft 2012: 187–205]). As in these approaches, it is argued that the syntactic properties of a construction are dependent on the event structure. Some of the differences between Croft's and other approaches are the following:

- Event structure is not hierarchical but is a flat ordered causal chain;
- It is a whole event which is analyzed, not only the verbal lexical entry;
 - Hence, no distinction between "arguments" and "adjuncts" exists a priori;
- The force-dynamic (or causal, I use these terms interchangeably) chain as a whole represents a semantic frame of an event (see [Croft, Cruse 2004] for an introduction to frame semantics);
- Different segments of the event's frame are profiled by different parts of the construction's syntactic component;

Croft [2012: 197–205] argues that the properties of syntactic coding which other approaches predict on the basis of semantic (proto-/macro-)roles and their ranking are predicted in a force-dynamic approach by the limits of verbal profile and order of participants in the causal chain. He formulates the following principles of argument coding with respect to the verbal profile and the order of subevents:

- (i) The rules of participants' realization, adapted from [Croft 2012: 207]
- a. The verbal profile is delimited by the Subject (Initiator) and Object (Endpoint), if any;
 - b. The Subject is antecedent to Object in a causal chain: SBJ → OBJ;
 - c. An Antecedent Oblique (see below) is antecedent to the Object in the causal chain; a Subsequent Oblique is subsequent to the Object in the causal chain: A.OBL → OBJ → S.OBL;
 - d. Incorporated arguments are between the Subject and Object in the causal chain: SBJ → IN → OBJ.

The following English example illustrates Croft's model of event-structure: *Sue* is the Subject, *hammer* is an Antecedent Oblique, *coconut* is the Object, and *Greg* is a Subsequent Oblique.

also the internal syntax of NPs marked with this case is (at least partially) is identical to the internal syntax of other Oblique-marked NPs (see the discussion of NP structure in [Dunn 1999] for Telqep variety and [Kozlov 2018] for Amguema variety). I label the case which marks the S/P argument (and whose NPs exhibit a special internal syntax) as nominative (and not absolutive) following Muravyova et al. [2001].

- (3) *Sue broke the coconut for Greg with a hammer.* [Croft 2012: 198]

Sue -----► hammer —————► **coconut** ----- Greg

Croft [Ibid.] introduces a three-dimensional event representation which integrates force-dynamic structure with temporal dimension and qualitative dimension (*q*). The latter is needed to indicate the presence / absence of change of state. In this model, each participant has its own subevent. The order of force-dynamic interactions of different participants' subevents is indicated on the vertical dimension. For each participant, the *q* axis represents the qualitative dimension of its subevent: if a participant changes through time, then its part of a diagram changes on the *q* axis. The *t* axis represents how a subevent unfolds over time. The participant is indicated on the left of each subevent. The type of force-dynamic interaction of a subevent is represented on the right.

Let me describe some aspects of my representational conventions and analysis of causal chains which slightly differ from Croft's.

First, Croft distinguishes causal and non-causal interactions between participants: the former ones are marked with arrows, while the latter ones are marked with arrowless lines. In this study, I rather make a distinction between interactions which involve force transmission (e.g., *hitting* events, which involve direct contact between two participants) and force-dynamically neutral events (such as Benefit subevent of *Greg* in (3)). Second, Croft [2012: 215] includes all participants between the Subject and Object into the verbal profile (e.g., *with a hammer* in (3)), although he considers the possibility that these participants are not part of a verbal profile. I regard elements which are not profiled by the verb (the verb does not describe their subevents of a force-dynamic chain) as excluded from the verbal profile. Following Croft [Ibid.], I mark with boldface the subevents which are parts of a verbal profile and use dashed lines to mark the subevents which are profiled by some other elements (e.g., Oblique cases). Additionally, I also use dotted lines to express a **deprofiled** participant (a participant whose subevent is not profiled by any morpheme, see below), namely an IN, see the discussion in Section 2.1. Finally, because volitional Initiators' segments of the causal chain seem to rarely impact the NI phenomena, I often omit them from the force-dynamic representations.

Croft briefly discusses how noun incorporation is related to event structure and argument realization⁸, linking the incorporated noun to a more general class of Indefinite Null Instantiations like English *Scarface killed again* [Ibid.: 334–335], which are present in the event's causal chain. However, Croft's analysis does not predict that INs in the majority of cases correspond to the DO (a profiled participant) in the corresponding non-incorporating structures. I argue that INs' subevents represent a special type of causal chain segments, relating the participants low in information structure to the event and excluded from verbal profile (deprofiled), although present in the event structure.

Let me provide the representation of (3) in Fig. 1 (p. 120). Note that the arrows indicate the application of force while plain lines indicate the force-dynamically neutral interaction. Note that bold lines represent the interaction profiled by the verb. Here two participants (*coconut* and *Greg*) undergo a change of state which is represented by vertical lines. The new state they acquire is represented by a horizontal line. Note that the level of horizontal lines of these participants differs before the event and after it (the new state is higher on *q* dimension): that is because *Greg*'s and *coconut*'s states have changed.

While Croft's theory has many interesting implications, only some of them are important for my study. One of these important implications is the difference between events involving change of states and/or the force-dynamic impact and other events (see Fig. 2, p. 120): this is important for the possibility of NICs (see Section 2.2).

⁸ An advantage of my study is that it not only makes the force-dynamic restrictions on NI more detailed, but also provides a cognitive and diachronic explanation to these restrictions (see Section 6).

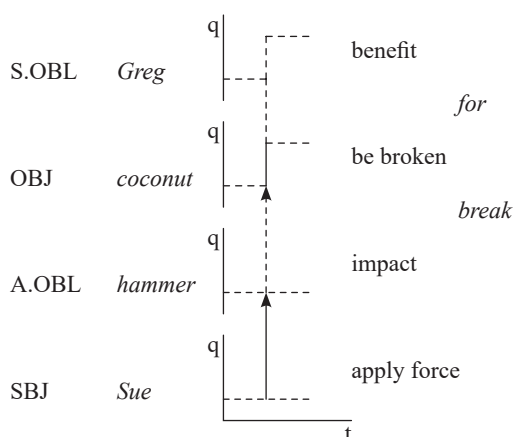

Fig. 1. The force-dynamic structure for *Sue broke the coconut for Greg with a hammer* [Croft 2012: 214]

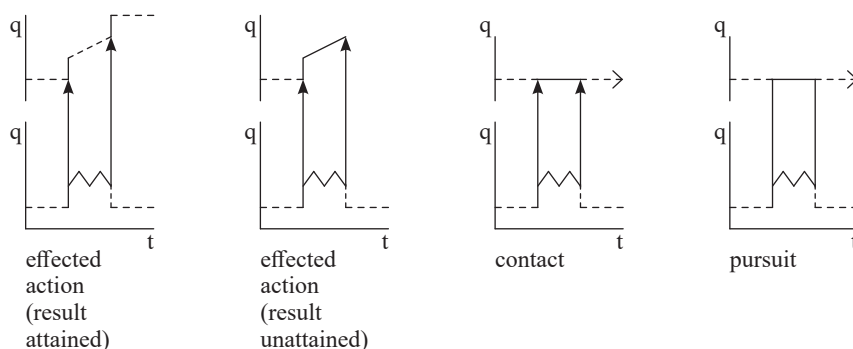

Fig. 2. Affectedness types of events from [Croft 2012: 318]

2. Properties of NICs in Amguema Chukchi and essentials of the current proposal

2.1. Basic properties of Amguema Chukchi NICs

NI in Chukchi (like incorporation of other dependents in other heads, see [Skorik 1948]) attaches a dependent (a noun stem in case of NI) immediately before a head (a verb stem). The INs are devoid of all nominal inflection (case and number) and their semantics is also number-neutral⁹ (and dependent on context), see (4).

⁹ Polinsky [1990] presents some evidence that the plurality of IN can be implied by verbal plurality / pluractionality derivation having the scope over an IN. Earlier, I presented similar cases for the Amguema variety and also discussed some nominal derivational affixes which can signal out IN's plurality [Vinjar 2021: 89–91]. However, IN number in Chukchi begs for a separate study.

- (4) $\emptyset$ - $\lambda\text{att}\lambda\text{-n-qametwa-k-w}\lambda\text{-e}$
 2/3.S/A-dog-TR-eat-CS-TH-2/3SG.S
 ‘She fed dogs / She fed a dog.’

As in other languages which can be classified as exhibiting Mithun’s [1984] Types I–III NI and lacking Type IV (“classifying” incorporation), incorporated participants become inactive for the syntax external to the verbal stem.¹⁰ As the contrast between (5a) and (5b) shows, one can see that the IN is “invisible” for the polypersonal indexation system — the verb becomes intransitive, which is reflected by the change of case marking of the semantic A participant from instrumental to nominative.

- (5) a. *epeqej-ne* $\emptyset$ -*apan-ne-n* *anneen*
 grandmother-AN.INS 2/3.S/A-cook-3SG.A.3.O-3SG.O fish.NOM.SG
 b. *epeqej- $\emptyset$* $\emptyset$ -*ann-apat-y}\lambda\text{-e}*
 grandmother-NOM.SG 2/3.S/A-fish-cook-TH-2/3SG.S
 ‘Grandmother cooked some fish.’

The “invisibility” of INs to external syntax also holds for the constructions which are the focus of this paper, namely the NICs in which the clause and the verb are transitive (6). Despite being transitive, the Object-indexing verb always references a profiled participant distinct from the participant denoted by an IN.

- (6) *epeqej-ne* $\emptyset$ -*ann-apan-ne-n*
 grandmother-AN.INS 2/3.S/A-fish-cook-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Grandmother cooked some fish for someone (e.g., her grandchild).’
 Impossible interpretation: ‘Grandmother cooked some fish.’

The IN’s reference cannot be specified by means employed to narrow down the reference of non-incorporated heads of NPs. That is, INs cannot be modified¹¹ by free-standing adjectives (7a), demonstratives, numerals, relative clauses, or genitives (7b). The last property is important for my study because some non-incorporating constructions involving genitive modifiers of P participants can be paraphrased (if meeting requirements discussed in Section 2.2) as NICs with incorporated P participant and its “Possessor” profiled as a DO (8).

- (7) a. *n}\lambda\text{-mej}\lambda\text{-qin}* $\emptyset$ - $\lambda\text{att}\lambda\text{-n-qametwa-k-w}\lambda\text{-e}$
 ST-big-ST.3SG 2/3.S/A-dog-TR-eat-CS-TH-2/3SG.S
 ‘Someone big fed dogs.’
 Impossible interpretation: ‘Someone fed a big dog.’
 b. **}\lambda\text{ay-in}* $\emptyset$ - $\lambda\text{att}\lambda\text{-n-qametwa-k-w}\lambda\text{-e}$
 father-GEN 2/3.S/A-dog-TR-eat-CS-TH-2/3SG.S
 Intended: ‘He fed father’s dogs.’
 (8) *ekke-te* *}\lambda\text{ay}\lambda\text{-n}* $\emptyset$ - $\lambda\text{att}\lambda\text{-n-qametwa-w-ne-n}$
 son-AN.INS father-NOM.SG 2/3.S/A-dog-TR-eat-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Son fed father’s dogs / Son fed dogs for the father.’

¹⁰ There is putative evidence that at least some constructions with classifying NI are marginally possible in some Chukchi varieties: Polinsky [1994] reports stranding-like construction in the variety she studied, and I was able to find at least one semi-compositional doubling-like construction for the Amguema variety. However, all such cases are marginal and require further study.

¹¹ Here I use terms the “modify” and “modifier” in a purely descriptive sense: in some theories of NP syntax elements I call modifiers can pertain to different syntactic positions (e.g., “complements” and “specifiers”). In Amguema Chukchi (like in other varieties) it is possible to incorporate some modifiers into head noun stem. This stem can “subsequently” be incorporated into a verb stem. However, such constructions are beyond the scope of this paper.

Polinskaja and Nedjalkov [1987] provide some evidence that Chukchi INs are less referential and less information-structurally salient compared to nominative NPs and even demoted oblique NPs. Their observations and conclusions seem to be compatible with the Amguema Chukchi data, too. However, the nuances of INs referentiality and information-structural functions go beyond the scope of this paper and require a separate study (both elicitation- and corpus-based).

To sum up, INs in Chukchi exhibit several semantic, syntactic, and information-structural signs of being less salient: they are invisible to syntax, number-neutral, have very restricted modification possibilities and express participants of lesser information-structural importance (compare this with morphosyntactic properties commonly associated with verbal profiles [Croft 2012: 207; Langacker 2008: 367]). I argue that they represent a case of deprofiled parts of a causal chain (a type absent from Croft [2012]): not only are they absent from the verbal profile (as many Oblique NPs are), but there is also no non-verbal element to profile them in a way similar to the way Obliques are profiled by oblique cases or adpositions. INs are unmarked morphologically and deprofiled semantically: they only serve to establish or enforce the verbal profile (as the *dogs* are acting together with the verb stem to profile the *father* in (8b)).

2.2. Force-dynamic restrictions on DO-Profiling P-Incorporation: The current proposal

In this section, I propose restrictions which are imposed upon all subtypes of DO-profiling P-Incorporation in Amguema Chukchi and highlight it with examples. Note that the restrictions on the morphosyntactic structure I propose are stated (following Croft [2012]) in purely force-dynamic event-structural terms.

In (ii), the restrictions on the formation of NICs in Amguema Chukchi are stated. Note that only the fourth restriction (ii-d), highlighted with boldface, is fully devoted to the constructions studied in this paper; previous restrictions are also responsible (at least partially) for other NICs in Amguema Chukchi. Hence, only (ii-d) is thoroughly discussed below. The first three restrictions are given for the sake of consistency and to show that a force-dynamic approach is able to account not only for DO-Profiling P-Incorporation but also for other NICs.

(ii) Restrictions on the formation of NICs in Amguema Chukchi

- a. The IN is prototypically the participant to which the force is transmitted and/or which undergoes a change on the *q* (qualitative) scale.
- b. The IN is deprofiled (it is not salient for information structure).
- c. The IN cannot follow the participant which undergoes a (potential) change on the *q* scale in the causal chain.
- d. The profiled participant is most immediately affected by the IN's subevent and directly follows the IN in the causal chain.**

Before turning to the illustration and explanation of (ii-d), I discuss other restrictions.

Restriction (a) is equivalent to the common requirement for an IN to represent either an *S_P* (“unaccusative”) or P participant (for lexicalist-like analyses), or to be an internal argument of a V head (for syntactocentric-like analyses, see Section 4.1). Roughly, it excludes Agent-like and Beneficiary-like participants from the list of potential INs. This requirement is met in Chukchi, see (9)¹².

¹² This restriction needs a clarification because it also “mistakenly prohibits” incorporation of Instruments and Locative participants of non-caused motion. The NICs of this type require separate discussion

- (9) *Ø-yakan-qor-pela-ne-n* *atləyə-n*
 2/3.S/A-team-reindeer-leave-3SG.A.3.O-3SG.O father-NOM.SG
 ‘He left a team reindeer for the father.’
 Impossible interpretations: ‘He left the father for a team reindeer’; ‘A team reindeer left the father.’

Restriction (b) encompasses pragmatic / information-structural function of the NI in Amguema Chukchi. It is important for the DO-Profiling P-Incorporation NIC: recall the discussion of the difference between NIC in (1a) and the non-incorporating clause in (1b) due to the the notion of pragmatic saliency. A detailed discussion of these issues applicable to Amguema Chukchi is provided by Polinskaja and Nedjalkov [1987].

Restriction (c) is provided to explain the behavior of some “two-Theme” verbs in Amguema Chukchi and is redundant for DO-Profiling P-Incorporation Constructions. Some events in which two participants seem to undergo a directed change (like some change-of-location-and-state events) incorporate the second participant in the force-dynamic chain (11) (“Locatum” corresponding to the Oblique) and not the third participant (“Location”, DO), see [Vinyar 2021: 75–82]. It is only possible to incorporate a “Location” in the absence of the Locatum (12).¹³

- (10) *ʔaasek-a* *ηarkir-e* *Ø-te-jəŋe-ηə-ni-n* *orwo~or*
 young.man-INS old.clothes.bag-INS 2/3.S/A-MAKE-load-MAKE-3SG.A.3.O-3SG.O sledge~NOM.SG
 ‘The young man loaded the sledge with the bags for old clothes.’
- (11) a. *Ø-ewirʔa-te-jəŋe-ηə-ni-n* *orwo~or*
 2/3.S/A-clothes-MAKE-load-MAKE-3SG.A.3.O-3SG.O sledge~NOM.SG
 b. **Ø-orwə-ta-jəŋa-ηə-γʔ-e* *ewirʔ-e*
 2/3.S/A-sledge-MAKE-load-MAKE-TH-2/3SG.S clothes-INS
 ‘(The father) loaded the sledge with clothes.’
- (12) *Ø-orwə-ta-jəŋa-ηə-γʔ-e*
 2/3.S/A-sledge-MAKE-load-MAKE-TH-2/3SG.S
 ‘(The father) loaded the sledge.’

Finally, I discuss restriction (d), which encompasses minor restrictions on NIC subtypes discussed in Section 3. If one takes a Croft-like view of event structure as an ordered sequence of interactions between participants, one can come up with the idea that participants which are commonly called “affected Possessors” (13), “Recipients” (14), “Beneficiaries / Maleficiaries” (see below), and “Goals / Sources” of caused motion (see below) all follow the IN in the causal chain (see Fig. 4, p. 124).

- (13) *tə-ηojŋə-kəplə-γʔa-n*
 1SG.S/A-pelvis-strike-TH-3SG.O
 ‘I kicked him in the buttocks’ (“Hooligan”, sentence 7).
- (14) *ətlʔa-ta* *Ø-ritqə-jəł-ni-n* *ηeekək-Ø*
 mother-INS 2/3.S/A-porridge-give-3SG.A.3.O-3SG.O daughter-NOM.SG
 ‘Mother gave “green porridge”¹⁴ to the daughter.’

because there are pieces of evidence that these NICs, although being licit, differ drastically in productivity from the incorporation of S/P participants: consider [Vinyar, Gerasimenko 2018] and [Vinyar 2021].

¹³ Here Amguema Chukchi differs from the variety studied by Nedjalkov [1976] and analyzed by Spencer [1995].

¹⁴ A porridge-like mix of herbs semi-digested by a reindeer, berries, and sometimes reindeer blood, see discussion below.

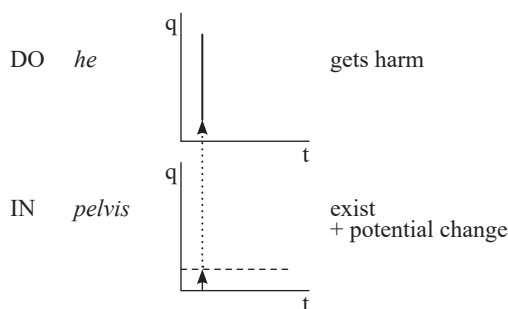

Fig. 3. Force-dynamic structure of (13)

It is quite straightforward that the Recipient-like participant directly follows the IN participant (the Theme-like participant which undergoes literal or metaphorical directed change-of-location subevent): it is hard to imagine a transfer-of-possession event in which some participant intervenes between the moving participant (IN) and the participant getting benefit (unless this participant is Recipient-like himself). However, as I discuss in Sections 3.4 and 3.5, the situation is much more complex in the case of some Beneficiary/Maleficiary-like participants.

For “Affected Possessors” of body-parts and parts-of-objects, the contiguity between the IN’s and profiled DO’s subevents seems even more straightforward: it is hard to imagine an event which is performed to X’s body-part in such a way that someone else is affected prior to X. However, as I discuss in Section 3.4, the situation becomes more complex for other types of possession.

3. Profiling as a DO via P-Incorporation: An NIC subtypes and requirements

In this section, I discuss P-Incorporation Constructions which profile another participant as a DO. The constructions are classified on the basis of types of nominal elements that occupy their slots.¹⁵

3.1. The Body-Part-Incorporating Animate-Profiling NIC

This section is devoted to the construction in which the IN slot is occupied by the noun denoting a body part of an animate whole profiled as DO, see (15).

- (15) *yətya-k* *ʔajɲa-ma* *tərkə-lʔ-e*
 late.autumn-LOC snort.during.the.rutting.season-SIM testicle-ATTR-INS
ya-jeyje-nto-lən
 PF-small.intestine-take.out_{INC}-PF.3SG
 ‘In the fall, during the rut, a stud buck reindeer pulled his intestines out...’ (“Incident”, sentence 2).

¹⁵ As I discuss in Section 5, identifying different lower-level constructions makes sense even for languages with such productive NICs as Chukchi.

Such constructions are formed productively in Amguema Chukchi — see (1a), repeated below as (16a). For some events which imply the affectedness of the whole participant, the non-incorporating paraphrase is even considered odd by some consultants (16b).¹⁶

- (16) a. *nute-wiriŋə-lʔ-e* *Ø-pilyə-swi-ni-n* *ʔeqe-lʔə-n*
 land-protect-ATTR-INS 2/3.S/A-throat-cut-3SG.A.3.O-3SG.O bad-ATTR-NOM.SG
 b. *ʔnute-wiriŋə-lʔ-e* *Ø-swi-ni-n* *ʔeqe-lʔ-in* *pilyə-n*
 land-protect-ATTR-INS 2/3.S/A-cut-3SG.A.3.O-3SG.O bad-ATTR-GEN throat-NOM.SG
 ‘The protector of the Motherland cut the enemy’s throat (in a movie).’

The Profiling Body-Part NIC straightforwardly satisfies the restriction in (ii-d). It is difficult to imagine a subevent happening to X’s body-part to be followed by a subevent pertaining to someone else (not X): normally, (sub)events happening to parts of sentient beings are most immediately experienced by the possessors of these parts.

The event does not need to be high on the affectedness scale to be coded by the Body-Part NIC. Consider (13) above, where the force is transmitted to the man which is kicked (represented by pronominal indexation) via his pelvis and the change of neither physical nor mental state is presupposed (see Fig. 3 above).

Constructions analogous to Chukchi (13) have been recognized as typical for NI cross-linguistically since Sapir [1911]. Moreover, in some languages NI is limited to body-part incorporation constructions (e.g., Wayana and Trió < Guianan < Cariban [Tavares 2005: 263; Meira 1999: 265–267]). However, in Chukchi these constructions represent only a subtype (although an important one, see Section 6) of Profiling NICs.

3.2. Part-Incorporating Inanimate Whole-Profiling NICs

Parts of inanimate non-sentient beings can also be incorporated, providing their wholes with a vacant slot of profiled DO:

- (17) *Ø-kayəryajpə-n-təmŋ-ew-ne-n* *saj-kok-Ø*
 2/3.S/A-cover-TR-get.lost-CS-3SG.A.3.O-3SG.O tea-pot-NOM.SG
 ‘She lost the teapot’s cover.’
 (18) *qətəjy-a* *ye-retem-rəsimirʔew-lin* *jara-ŋə*
 wind-INS PF-roof.of.jaranga-tear.apart-PF.3SG house-NOM.SG
 ‘The wind tore the roof of jaranga apart.’

As in the case of the Body-Part NIC, this construction satisfies the NI requirement in (ii-d). The Whole is introduced in the force-dynamic chain only as following its Part, as shown in Fig. 4 (p. 126), which represents the roof’s separation and damage happening to the jaranga (traditional nomadic Chukchi house).

The degree of DO’s affectedness is variable in this construction. What is important is that the profiled DO be a part of the event’s causal chain and not a mere specification of the reference of the incorporated noun (compare translations of (19) and (20)).

- (19) *Ø-lʔu-ni-n* *jara-ken* *ŋətyət-Ø*
 2/3.S/A-see-3SG.A.3.O-3SG.O house-REL smoke-NOM.SG
 ‘He saw the smoke of a yaranga / He saw the yaranga by its smoke.’

¹⁶ This goes in line with Polinskaja & Nedjalkov’s [1987: 253–254] observation that such incorporation constructions have an assertion of the importance of change of DO’s state.

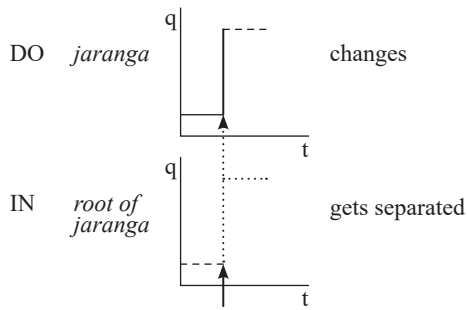

Fig. 4. The force-dynamic structure of (18)

- (20) $\emptyset$ - $\eta\acute{\alpha}t\gamma\acute{\alpha}t$ - $t\acute{o}$ - ne - n $jara$ - $\eta\acute{o}$
 2/3.S/A-smoke-see-3SG.A.3.O-3SG.O house-NOM.SG
 ‘He saw the yaranga by its smoke.’

3.3. Theme-Incorporating Space-Profiling NICs

In this construction, an IN represents an inanimate moving “Theme” and the “Goal / Source / Location” participant affected by the IN’s movement is coded as DO. The profiled DO’s subevent directly follows the IN’s subevent in a causal chain (see (21)). But in this construction, the IN and the profiled DO are not connected by Part-Whole relations. When two entities are not connected by Part-Whole relations, the effect of a subevent happening to the IN is not obligatorily transferred to the participant subsequent to it. Hence, it is almost always possible to code the Spatial-like participant as a Subsequent Oblique and not as an Endpoint of Verbal Profile, compare (21) and (22):

- (21) $\acute{\alpha}t\acute{\lambda}a$ - ta $m\acute{\alpha}s\acute{\alpha}kw\acute{\alpha}$ - n $\emptyset$ - $mumk\acute{\alpha}t$ - $n\acute{\alpha}$ - tip - en - ni - n
 mother-INS shirt-NOM.SG 2/3.S/A-button-TR-be.pinned-VB-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Mother sewed a button to the shirt.’
- (22) $\acute{\alpha}t\acute{\lambda}a$ $\emptyset$ - $mumk\acute{\alpha}t$ - $n\acute{\alpha}$ - tip - et - $\gamma\acute{\gamma}$ - i $m\acute{\alpha}s\acute{\alpha}kw\acute{\alpha}$ - $tk\acute{\alpha}n\acute{\alpha}$ - k
 mother.NOM.SG 2/3.S/A-button-TR-be.pinned-VB-TH-2/3SG.S shirt-TOP-LOC
 ‘Mother sewed a button on the top of the shirt.’

Unlike previously discussed constructions, this construction imposes more severe restrictions on the degree of DO’s affectedness. While in (22) the shirt is changed in an observable property, in (23)–(24) the Goal and Source (respectively) are much less affected and thus cannot be profiled.

- (23) a. $\acute{\alpha}t\acute{\lambda}a$ $\emptyset$ - $koj\eta\acute{\alpha}$ - $tret$ - $\gamma\acute{\gamma}$ - e $stot\acute{\alpha}$ - $tk\acute{\alpha}n\acute{\alpha}$ - k
 mother.NOM.SG 2/3.S/A-cup-put.down-TH-2/3SG.S table_R-TOP-LOC
 ‘Mother put the cup on the table.’
- b. $\acute{\alpha}t\acute{\lambda}a$ - ta $\emptyset$ - $koj\eta\acute{\alpha}$ - $tret$ - ne - n $stot$ - $\emptyset$
 mother-INS 2/3.S/A-cup-put.down-3SG.A.3.O-3SG.O table_R-NOM.SG
 ‘Mother put the cup for a table’ (pragmatically odd).
- (24) a. $\acute{\alpha}t\acute{\lambda}a$ - $\emptyset$ $\emptyset$ - $awer\gamma\acute{\alpha}$ - $\eta\acute{\alpha}to$ - $\gamma\acute{\gamma}$ - e $san\acute{\lambda}a$ - $j\eta\acute{\alpha}$
 mother-NOM.SG 2/3.S/A-clothes-take.out_{INC}-TH-2/3SG.S box-ABL
 ‘Mother took the clothes out of the box.’

- b. *#ətɬa-ta* $\emptyset$ -*awerʔə-ɲəto-ne-n* *seɲəl-∅*
 mother-INS 2/3.S/A-clothes-take.out_{INC}-TH-2/3SG.S box-NOM.SG
 ‘Mother took the clothes out for a box’ (pragmatically odd).

Although the exact degree of the DO’s affectedness needed for the construction’s usage to be felicitous is not yet determined, the data suggest that the more evident the DO’s change, the more appropriate the construction. The sentences (25) and (26) show that the same verb stem *jəto/ɲəto* ‘to take out’ as in (24) can be employed in an NIC (26). However, the events are slightly different, as the translation suggests. While removing the clothes from the box does not change the box’s shape in any way, removing the supplies from the bag does have such an effect on the bag. The representation for the event in (26) is given in Fig. 5.

- (25) *alʔek-na* *taqʔa-t* $\emptyset$ -*jəto-ne-na-t* *awes-səko-jpə*
 Oleg-AN.INS supply-NOM.PL 2/3.S/A-take.out-3SG.A.3.O-3SG.O-PL bag-IN-ABL
 ‘Oleg took the supplies out of the bag.’
- (26) *alʔek-na* $\emptyset$ -*taqʔa-nto-ne-n* *ewis-∅*
 oleg-AN.INS 2/3.S/A-supply-take.out_{INC}-3SG.A.3.O-3SG.O bag-NOM.SG
 ‘Oleg emptied the bag by taking the supplies out.’

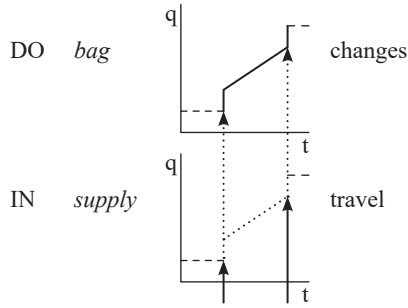

Fig. 5. The force-dynamic structure for (26)

3.4. The P-Incorporating Beneficiary/Maleficiary-Profiling NIC

In constructions like (27c), the profiled animate DO undergoes the positive (so-called Engager-Beneficiary, according to the classification in Song [2010]) or negative change in her dimension of ownership. This means that the possessive relations between the DO and NI are either facilitated or weakened.

A type of event commonly coded by this construction is transfer of possession. Consider (27) and (28). In (27), the possessive relations between the DO and the IN are created, and in (28), the possessive relations are terminated.

- (27) a. *ətɬa-ta* *riɬqə~riɬ* $\emptyset$ -*jəl-ni-n* *enaratʔ-etə*
 mother-INS porridge~NOM.SG 2/3.S/A-give-3SG.A.3.O-3SG.O neighbor-DAT
 ‘Mother gave some “green porridge” to the neighbor.’
- b. *ətɬa* $\emptyset$ -*riɬqə-jəl-ɣʔ-i* *enaratʔ-etə*
 mother.NOM.SG 2/3.S/A-porridge-give-TH-2/3SG.S neighbor-DAT
- c. *ətɬa-ta* $\emptyset$ -*riɬqə-jəl-ni-n* *ɲeekək-∅*
 mother-INS 2/3.S/A-porridge-give-3SG.A.3.O-3SG.O daughter-NOM.SG
 ‘Mother gave some “green porridge” to the daughter.’

- (28) a. *tʔul-ŋinqej-e tumy-in mane-t Ø-tʔul-en-ni-ne-t*
 thief-boy-INS friend-GEN money-NOM.PL 2/3.S/A-thief-VB-3SG.A.3.O-3SG.O-PL
 b. *tʔul-ŋinqej-e Ø-mane-tʔol-an-ne-na-t tumyə-t*
 thief-boy-INS 2/3.S/A-money-thief-VB-3SG.A.3.O-3SG.O-PL friend-NOM.PL
 ‘A boy-thief stole money from his friends.’

The change in the IN’s subevent (the change of location (27) and/or possession (28) and/or state (29)) should directly cause the change in DO’s state of well-being, i.e. the DO should either directly benefit or be harmed. Example (29) illustrates that the IN changes its state (*the dogs become less hungry*) so that the DO benefits from it (*father can use the dogs more effectively*), see Figure 6.

- (29) *ekke-te atlayə-n Ø-ʔattʔə-n-qametwa-w-ne-n*
 son-INS father-NOM.SG 2/3.S/A-dog-TR-eat-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘The son fed the dogs for his father.’

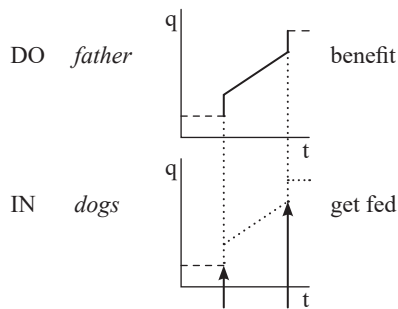

Fig. 6. Force-dynamic structure for (29)

Some change-of-location events do not affect the possessive relations between the IN and the DO (i.e., do not have an impact on how the DO can use the IN) and so cannot be coded by the Beneficiary/Maleficiary-Profiling NIC. In (30), the clothes undergo change of location; however, the girl cannot manipulate them more effectively. This event can be contrasted with the “opposite” event of taking the clothes from the drying stick (31). In this event, it becomes easier for the girl to manipulate the clothes (because she does not need to take them off herself).¹⁷

- (30) a. *Ø-awerʔə-jme-ɣʔ-e pʔa-jme-jolyə-tkənə-k ŋaakka-ɣtə*
 2/3.S/A-clothes-hang-TH-2/3SG.S dry-hang-CONT-TOP-LOC daughter-DAT
 b. **ŋeekək Ø-awerʔə-jme-ne-n pʔa-jme-jolyə-tkənə-k*
 daughter.NOM.SG 2/3.S/A-clothes-hang-3SG.A.3.O-3SG.O dry-hang-CONT-TOP-LOC
 ‘[The mother] hung up clothes on the drying stick for the daughter.’
- (31) *Ø-ewirʔə-nwiriw-ni-n ŋeekək-Ø pʔa-jme-jolyə-tkən-epə*
 2/3.S/A-clothes-take.off-3SG.A.3.O-3SG.O daughter-NOM.SG dry-hang-CONT-TOP-ABL
 ‘[The mother] took the clothes from the drying stick for the daughter.’

There is an indication that the DO slot in this construction is constrained by (ii-d). In principle, “taking from” events can contain two participants: the one who directly loses the object taken and the one who loses the possession of this object only by virtue of the former participant

¹⁷ Examples (30) and (31) represent a non-prototypical case of branching of causal chains: both ‘daughter’ and ‘drying stick’ follow ‘clothes’ in the causal chain. Such cases are discussed in Section 3.5.

losing the object. Example (32) allowed two interpretations: either the money belonged to the boy, or the boy had someone else's money with him. Both cases can in principle be encoded by the Maleficiary-Profiling NIC because the boy is the participant most directly experiencing the loss of the money. In (33), however, the boy is the first participant to experience the loss of the money, whereas the father (the real owner of the money) experiences the loss only indirectly (see Fig. 7, which displays the impossible relationship between the causal chain and NIC for ungrammatical sentence (33c)).

- (32) *ʔaasek-a* *Ø-man-ewwna-ne-n* *ŋinqej-Ø*
 young.man-INS 2/3.S/A-money-take.away-3SG.A.3.O-3SG.O boy-NOM.SG
 Interpretation A: 'The young man took away the money from the boy (the money could belong to someone else).'
 Interpretation B: 'The young man took away the boy's money.'
- (33) a. *ʔaasek-a* *Ø-ewwna-ne-na-t* *ŋenqaj-epə* *ətləy-in* *mane-t*
 young.man-INS 2/3.S/A-take.away-3SG.A.3.O-3SG.O-PL boy-ABL father-GEN money-NOM.PL
- b. **ʔaasek-a* *ətləyə-n* *Ø-man-ewwna-ne-n* *ŋenqaj-ɣəpə*
 young.man-INS father-NOM.SG 2/3.S/A-money-take.away-3SG.A.3.O-3SG.O boy-ABL
- c. **ʔaasek-a* *ətləyə-in* *Ø-man-ewwna-ne-n* *ŋinqej-Ø*¹⁸
 young.man-INS father-GEN 2/3.S/A-money-take.away-3SG.A.3.O-3SG.O boy-NOM.SG
 'The guy took the father's money from the boy.'

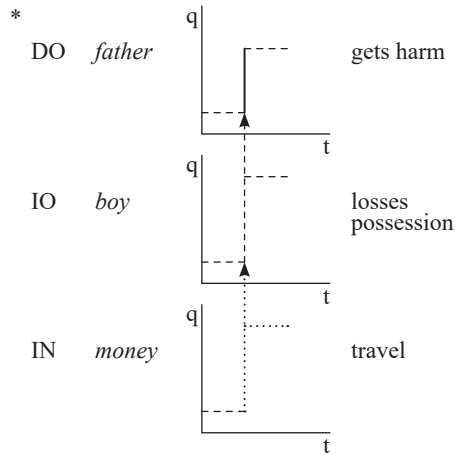

Fig. 7. The force-dynamic structure of *(33b)

Let me discuss this example in more detail. Unlike body-parts discussed in Section 3.1, alienably possessed objects can directly affect different participants, so in some situation there could be more than one "candidate" for profiling as a DO. Here the principle of immediate affectedness ((ii-d), see Section 2.2) comes into play. The participant who is the first to experience the positive / negative effect of the IN's subevent occupies the profiled DO slot for her/himself. Due to this principle, (37b) is ungrammatical: the *father* cannot become the DO because this slot belongs to the *boy*, who experiences the loss of money in the most direct way. Neither can the *father* stay as a genitive modifier (because INs cannot be modified by genitives, see Section 2.1). Hence, NI is ungrammatical in this context.

¹⁸ Exemplified (33c) is impossible for purely morphosyntactic reasons: it is impossible for genitive constituents in Amguema Chukchi to modify INs.

In addition to these cross-linguistically common constructions with inanimate incorporated P, Amguema Chukchi also exhibits a profiling-via-NI construction which codes a force-dynamic interaction between two human referents.¹⁹ Consider (34):

- (34) *telenjep maraw-ma unitʔ-e ɣ-akka-nmə-ləna-t ʔəttʔəjot-lʔa-t*
 long-ago war-SIM Chaplino.Yupik-INS PF-son-kill-PF.3SG-PL before-ATTR-NOM.PL
 ‘Long ago during wars Eskimos used to kill our ancestors’ sons.’

In (34), the subevent happening to the sons (IN) transfers its effect (harm) upon the ancestors via the kinship link between the two. As in previously discussed constructions, the order of sub-events is IN-DO: the ancestors are affected only by virtue of IN’s affectedness.

The NIC in question poses restrictions on the type of relations between IN’s and DO’s sub-events: if both IN and DO are human, the event must either strengthen or weaken the link between the IN and the DO.

In the case of (34), the link between the ancestors and their sons is destroyed due to the murder of the latter. In (35) below, on the contrary, the NI construction encodes an event which establishes a link between two human participants.

- (35) *tə-ŋewəsqet-lʔu-ɣʔe-n van’a-Ø*
 1SG.S/A-girl-see-TH-3SG.O Vanya-NOM.SG
 ‘I found Vanya his future girlfriend.’

The event expressed by this construction can not only terminate or establish a link but also can merely have an impact on this link. Consider (36). Here a woman is affected because of the empathy link between her and her son.

- (36) *toptər-a ŋewʔen-jərʔə-n Ø-ekke-n-metew-en-ni-n*
 doctor-INS woman-content-NOM.SG 2/3.S/A-son-TR-recover-VB-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘The doctor healed the woman’s son.’

One can hypothesize that the construction is sensitive to the degree of IN’s affectedness and semantic transitivity of an event. However, I argue that the impact on the link between an IN and a DO is more important for this construction than the degree of IN’s affectedness. To begin with, some events low on the transitivity (see [Malchukov 2005]) or affectedness scale (see [Beavers 2011]) cannot be expressed by this NIC, see (37):

- (37) **tasʔa-na Ø-ŋawətləwe-jayna-ne-n epeqeɟ-Ø*
 Tasya-AN.INS 2/3.S/A-granddaughter-go.to.meet-3SG.A.3.O-3SG.O Granny(nickname)-NOM.SG
 Intended: ‘Tasya went to meet Epeqeɟ’s granddaughter.’

However, affectedness and semantic transitivity cannot fully account for the (im)possibility of incorporation of this type: the effect of the subevent chain upon the relations between the IN and DO should be considered. Consider (35) above, which does not encode an effected action. In terms of affectedness and semantic transitivity, (35) is like (37) and less semantically transitive as compared to (38), which denotes a contact/impact situation with a possible attained result (see the summary of affectedness types in [Croft 2012]).

- (38) **termesʔə-ŋinqej-e enaratʔə-n Ø-akka-talajwə-ne-n*
 bully-boy-INS neighbor-NOM.SG 2/3.S/A-son-hit-3SG.A.3.O-3SG.O
 Intended: ‘The bully-boy beat the neighbor’s son.’

¹⁹ While incorporation of human referents is not a rare feature (see some examples in [Baker 1996]), the transitive NI construction in which a human DO is indirectly affected by a subevent happening to a human IN seems rather rare. To my knowledge, it occurs in Oluta Popoluca (< Mixe-Zoquean; see [Zavala 2000: 365]) and Nadëb (< Nadahup; see [Weir 1990]) and also probably in Ese Ejja (< Pano-Tacanan, see [Vuillemet 2014]).

As mentioned above, the event properties important for this NIC are the ones which impact the link between an IN and a DO. Hence, events which destroy (34) or establish (35) such links can be coded by NI irrespectively of the general degree of transitivity.

The diverse behavior of certain change-of-state verbs is instructive here. Above I have shown that the healing event can be coded by an NI construction (36). This is not surprising, because the change-of-state event in question impacts the empathy/possession link between the IN and the DO (without healing, the link could have been terminated). However, a change-of-state event in (39) below cannot be coded by an NIC. I argue that this is due to the fact that the washing event leaves the link between two participants intact.

- (39) **ɣewəsqet-e enaratʔə-n Ø-nenen-ilyətew-ni-n*
 girl-INS neighbor-NOM.SG 2/3.S/A-baby-wash-3SG.A.3.O-3SG.O
 Intended: ‘The girl washed the neighbor’s baby.’

There is some evidence that the restrictions on the P-Incorporating Beneficiary/Maleficiary-Profiling NIC with two human referents being the IN and the DO are rooted in the possibility of construing (see [Croft 2012: 13–19] for the notion of construal) the DO’s segment as a harm/benefit change subtype. Hence, these restrictions depend on the degree of how closely the two participants are linked as well as on the event type. As (34)–(39) show, the stronger the impact on the empathy link and the stronger the empathy link itself, the more felicitous the construction. Compare (36) to (39) for the role of event structure and (40)–(41) (less felicitous and infelicitous respectively) to (35)–(36) for the role of relation closeness between participants.

- (40) **ʔatlay-e ekək Ø-ine-nə-ɣəjiw-eta-lʔə-lʔu-ni-n*
 father-INS son.NOM.SG 2/3.S/A-ANTI-TR-sign-VB-ATTR-see-3SG.A.3.O-3SG.O
 Intended: ‘The father found his son a teacher/mentor.’

- (41) **ine-n-melew-eta-lʔ-e ɣinqej-Ø Ø-ine-nə-ɣəjiw-eta-lʔə-nə-melew-en-ni-n*
 ANTI-TR-recover-VB-ATTR-INS boy-NOM.SG 2/3.S/A ANTI-TR-sign-VB-ATTR-TR-recover-VB-3SG.A.3.O-3SG.O
 Intended: ‘The doctor healed the boy’s teacher.’

The lesser-studied NIC with both IN and DO referring to humans provides us some insights. First, this construction also follows the IN-DO order in the causal chain (see (ii-d) in Section 2.2). Second, the possibility of using this NIC is constrained by the nature of the possession link between an IN and a DO and the event type, which effect is “transferred” through this link.

3.5. Constructions with several profiling possibilities

In Section 3.3, I discussed the Space-Profiling NIC with affected inanimate spatial participant occupying the DO slot, while Section 3.4 was devoted to the Beneficiary/Maleficiary-Profiling NIC with an animate participant, which, if it receives benefit or harm from the event, can take the privileged DO slot. Both constructions respect the IN-DO order in the causal chain (see (v)) and additionally impose some more subtle restrictions on the possible event structures they code. However, an open question remains: if an event structure is in principle compatible with both types of constructions, which construction would be used, and which participant would occupy the DO slot?

Some complex events are straightforward in terms of NI because the constraints of one of the constructions is not met by the event structure in question. The event of hiding in the box, for example, does not affect the shape or state of the box and thus does not meet the requirement of the Space-Profiling NIC, see (42b) and also Section 3.3. The requirements of the Beneficiary/Maleficiary-Profiling NIC, on the contrary, are fully met: it is harder for the boy to interact with the toys now, and so the boy can be profiled, see (42a):

- (42) a. *ətlʔa-ta* *Ø-uwisw-ineŋe-numkew-ni-n* *ŋinqeŋ-Ø* *seŋle-saku*
 mother-INS 2/3.S/A-play-TOOL-hide-3SG.A.3.O-3SG.O boy-NOM.SG box-IN
 b. **ətlʔa-ta* *ŋenqaj-yəpə* *seŋət-Ø* *Ø-uwisw-ineŋe-numkew-ni-n*
 mother-INS boy-ABL box-NOM.SG 2/3.S/A-play-TOOL-hide-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘The mother hid the toys from the boy in the box.’

In (43), on the other hand, the event of putting the clothes on the drying stick does not facilitate the interaction between the daughter and her clothes; hence, only the drying stick (which is covered) can be profiled:

- (43) a. *Ø-awerʔa-jme-ne-n* *pʔa-jme-joŋə-n* *ŋaakka-ɣtə*
 2/3.S/A-clothes-hang-3SG.A.3.O-3SG.O dry-hang-CONT-NOM.SG daughter-DAT
 b. **ŋeekək* *Ø-awerʔa-jme-ne-n* *pʔa-jme-joŋə-tkənə-k*
 daughter.NOM.SG 2/3.S/A-clothes-hang-3SG.A.3.O-3SG.O dry-hang-CONT-TOP-LOC
 ‘[The mother] hung the clothes on the drying stick for the daughter.’

However, there are some complex events that meet the requirements of both constructions and seem to violate the global requirement for the DO’s subevent to immediately follow the IN’s subevent (see (ii-d)). Consider (44)–(45). The translation is given according to the consultants who commented on the semantic difference.

- (44) *alʔek-na* *Ø-taqʔa-təjo-ne-n* *ŋewəsqet-Ø* *tejusə-saku*
 Oleg-AN.INS 2/3.S/A-supply-put.in_{INC}-3SG.A.3.O-3SG.O girl-NOM.SG sack-IN
 ‘Oleg put the supplies in the sack for the girl.’
 (45) *alʔek-na* *Ø-taqʔa-təjo-ne-n* *ŋawəsqat-etə* *tejusə-n*
 Oleg-AN.INS 2/3.S/A-supply-put.in_{INC}-3SG.A.3.O-3SG.O girl-DAT sack-NOM.SG
 ‘Oleg prepared the sack full of supplies for the girl.’

At first glance, these two sentences contradict the immediate affectedness requirement or argue in favor of generally undesirable branching causal chains (see [Croft 2012: 221–248]). However, the translation difference between the two examples indicates that the event construals in (44) and (45) are different. The translation implies that the branching causal chain in Fig. 8 is a suitable representation only for (44) but not for (45). The translation of (44) indicates that the subevent of *supplies* directly precedes both the *girl* and the *sack* (the girl gains possession simultaneously with the supplies’ transfer). For (45), the representation in Fig. 9 is more appropriate: the girl benefits from the fact that the sack is full of supplies but not from the mere fact of supplies’ movement to the sack.

Hence, the difference between two construals can be summarized as following: if the event is construed just as a transfer of possession and no change of the spatial participant is specified, then the event can be represented as a branching causal chain with the animate participant undergoing a benefit change and the spatial participant undergoing no change. Consequently, it is only the animate participant which is profiled (see Fig. 8, p. 133).

If, on the other hand, the spatial participant undergoes a directed change and the animate participant benefits from this change but not from the mere motion of the Theme participant (expressed by the IN), then the spatial participant directly follows in the Theme participant in the causal chain and only afterwards the animate participant’s benefit-like subevent is introduced (see Fig. 9, p. 133). Hence, the spatial participant directly follows the IN’s subevent and is profiled as a DO.

Consider another event that permits two construals and can be coded by both the Beneficiary/Maleficiary-Profiling and Goal/Source-Profiling NICs. The event presented in (46) can be regarded as either a transfer-of-possession event (the boy can now more easily manipulate the books irrespectively of the box) (46b) or as an event with an affected Location (not only the books become ordered but the box itself is put in order) and with a Beneficiary which benefits from the change of Location (46a).

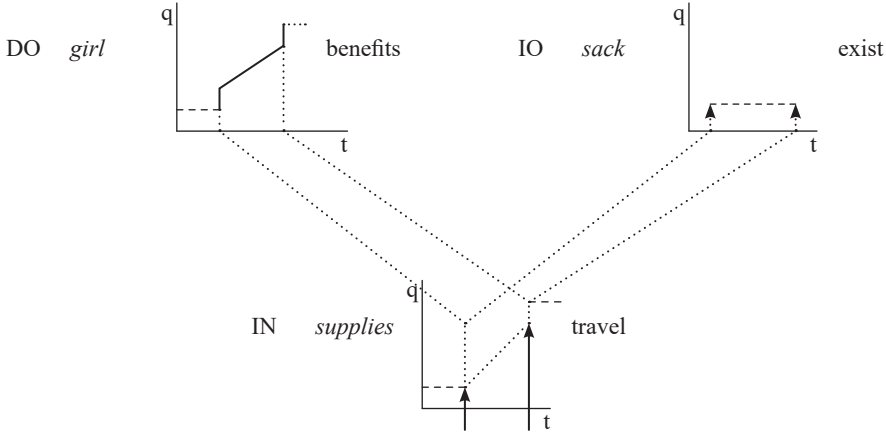

Fig. 8. The force-dynamic structure for (44). The *girl* benefits directly from the *supplies*' transfer (left part) and no *sack*'s change is specified (horizontal representation in the right part)

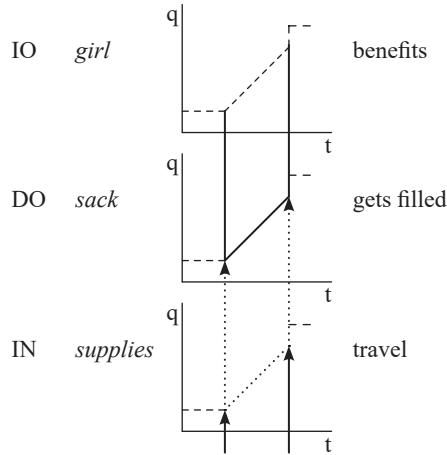

Fig. 9. The force-dynamic structure for (45)

- (46) a. *ətlʔa-ta* *keli-n-umek-ew-ni-n* *seŋət-Ø* *ŋenqaj-etə*
 mother-INS 2/3.S/A-book-TR-group_N-CS-3SG.A.3.O-3SG.O box-NOM.SG boy-DAT
- b. *ətlʔa-ta* *keli-n-umek-ew-ni-n* *ŋinqej-Ø* *sanʔa-səko-ɣtə*
 mother-INS 2/3.S/A-book-TR-group_N-CS-3SG.A.3.O-3SG.O boy-NOM.SG box-IN-DAT
- ‘The mother put the books together (in order) in the box for the boy.’

To sum up, the profiled DO in Amguema Chukchi NICs always directly follows the IN's sub-event. The picture becomes more complicated because of events which can be construed as either transfer-of-possession events (the Beneficiary/Maleficiary-Profiling NIC) or affected Goal/Source events (the Goal/Source-Profiling NIC). However, I argue that in the case of such events two different types of construal and hence two different types of force-dynamic structure are employed.

4. Comparison with previous analyses

In this section, I discuss previous analyses of promotion triggered by NI which various scholars applied to Chukchi and other languages.

4.1. Lexicalist and syntactiocentric analyses

The majority of proposed analyses of NICs which formulate their hypotheses in a more or less strict framework can be classified as either “syntactiocentric” or “lexicalist” (terms and analysis taken from [Haugen 2015]). Roughly speaking, the proponents of syntactiocentric analyses argue that NI is a result of some syntactic processes and are thus subject to restrictions imposed on the syntactic structure. Notable syntactiocentric analyses are [Baker 1988; 1996; Baker et al. 2005; Muro 2009; Barrie 2011; Barrie, Mathieu 2016]. The linguists arguing for the lexicalist analyses, on the other hand, consider NI to represent a sub-type of the general word-formation process of compounding, which is an operation in the lexicon. According to this family of analyses, syntactic processes cannot affect NI and all restrictions on NI are posed upon the verbal lexical entry. Among lexicalist analyses, works such as [Mithun 1984; Mithun, Corbett 1999; Rosen 1989; Spencer 1995; Anderson 2000] should be mentioned.

Baker [1988; 1996; Baker et al. 2005] argues for a syntactiocentric analysis which posits that the promoted participant is a possessor and a part of the internal argument’s NP, whose Head is stranded via incorporation. Barrie [2009; 2011] and Barrie & Mathieu [2016] developed a slightly similar syntactiocentric analysis for promotion in Northern Iroquoian: the analysis makes the promotion of indirect objects possible and draws a distinction between alienable and inalienable possession while still not posing any event-structural restrictions.

Despite the differences, the two analyses have the following commonalities:

- The verb neither subcategorizes nor posits restrictions on the promoted participant;
- The promotion is a by-product of the head N/XP movement to become an IN and its interaction with a complex syntactic configuration in a nominal domain;
- NICs are derived from the same syntactic structures as their non-incorporating (quasi)synonyms.

Rosen’s [1989] approach to DO-promoting P-Incorporating Constructions is far from ideal. Rosen considers promoted participants to represent just another type of modifier stranding (probably a genitive one) [Ibid.: 301–302]. However, she fails to account for the fact that in all constructions she discusses this participant is marked as a verbal syntactic argument but not as a nominal modifier. Additionally, her analysis violates Mithun’s [1984] hierarchy.²⁰

In response to syntactiocentric analyses, lexicalist ones argue that the promoted participant is a part of verb’s lexical entry. Spencer’s [1995] approach to Chukchi NICs is lexicalist and is based on Rosen’s [1989] paper, although it substantially modifies her analysis, borrowing some ideas from Michelson [1991].

On the basis of second-hand data, Spencer analyses various argument structure alternations connected with Chukchi NICs (see Section 2.2) and manages to prove that the possibility of incorporation is connected to a Patientivity hierarchy similar to Dowty’s [1991] features indicating Proto-Patient. The verbal lexeme poses a restriction that the promoted participant be affected as a result of the event (see [Spencer 1995: 474–477]).

²⁰ Note also the recent abandonment of the [Rosen 1989]-like idea of possessor modifier stranding in [Olthof 2020].

To sum up, the main analytical difference between lexicalist and syntacticocentric approaches to DO-Profiling P-Incorporation are that:

- In lexicalist approaches, the promoted DO is argued to be subcategorized by the verbal lexeme; usually it is the affectedness requirement which is discussed. No such requirement is stated in syntacticocentric ones;
- In lexicalist approaches, the promoted participant is argued to be accessible for lexical-structural rules and not to be merely an NP-internal modifier. In syntacticocentric approaches, the promoted participant enters the relations with the verb due to incorporation.

Additionally, there is at least one analysis which incorporates the “lexicalist” affectedness requirement into a syntacticocentric analysis: Muro’s theory of excorporation.²¹ Muro [2009: 86–91] proposes different clause structures and syntactic features for languages in which (in)alienability is important for NICs and languages in which the affectedness is prominent.

Let me also briefly identify the commonalities between two quite different cognitive / constructionist analyses: [Tuggy 1981] for Tetelcingo Nahuatl and [Velázquez-Castillo 1996] for Paraguayan Guarani.

- Although the two languages have similar or identical morphosyntax, several minor sub-constructions composing a NI (macro)construction can be identified;
- Constructions and restrictions on their formation can operate in a prototype-like fashion [Velázquez-Castillo 1996: 149–161];
- Effected action performed upon Human Body-Part can be regarded as a prototype [Ibid.: 155–161].

4.2. Amguema Chukchi data and previous analyses

In Section 3, I described the system of Amguema Chukchi DO-Profiling P-Incorporating Constructions and their formational restrictions. I tried to formulate the restrictions purely in event-structural terms, without any reference to global syntactic or semantic “roles” not derived from event structure. Although some construction subtypes have construction-specific event-structural requirements (see the end of Section 3.4 for specific restrictions of the construction with DO and P-like participant slots occupied by human referents), all of them obey the force-dynamic principle (ii-d) stated in Section 2.2 and repeated here as (iii).

- (iii) The profiled participant is the most immediately affected by the IN’s subevent. The profiled participant’s sybevent directly follows the IN’s subevent in the causal chain.

In this section, I discuss the advantages of the force-dynamic approach to NICs I presented over previous syntacticocentric and lexicalist analyses.

Let me first start with the syntacticocentric analysis in its version which derives the promotion to DO via stranding of IN’s possessor (see [Baker 1988; Baker et al. 2005], or [Barrie 2009], to a lesser extent). There is some quite straightforward evidence that such analyses fail to capture Chukchi data such as (51), where the DO can be only interpreted as the receiver of the book, not its owner. This indicates that the profiled DO is a part of the event’s causal chain, not a mere syntactic possessor of the IN.

- (47) *alʹoša-na* *Ø-keʹi-ren-ni-n* *ivan-Ø*
 Alyosha-AN.INS 2/3.S/A-book-bring-3SG.A.3.O-3SG.O Ivan-NOM.SG

‘Alyosha brought the book to Ivan’, but not ‘Alyosha brought Ivan’s book (here).’

²¹ INs are left in the lower levels of the verbal syntactic structure, while free-standing NPs/DPs are escaping these lower domains due to semantic and syntactic reasons.

Note that the verb *ret-* ‘bring’ seems to be monotransitive in Chukchi (even when it is a three-place verb, the third argument being a spatial one, not a Recipient/Beneficiary). Consider (48):

- (48) *al'oša-na keli~kel Ø-ren-ni-n*
 Alyosha-AN.INS book~NOM.SG 2/3.S/A-bring-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Alyosha brought the book (here).’

It is natural to say such sentence without any implication that there is someone who will receive the book (Alyosha can bring book here, read it, and take it back with himself). Hence, it cannot be said that the recipient-like participant is syntactically the verb’s argument and thus somehow outranks the syntactic possessor. Examples like (48) provide strong evidence²² against the “possessor-raising-like” analysis.

Promotion of non-possessor participants instead of possessors poses problems for previous syntacticocentric analyses like [Baker et al. 2005]. On the other hand, promotion of non-arguments can pose problems for lexicalist analyses like the one proposed by Spencer [1995] for Chukchi.

First of all, Spencer [Ibid.: 483–484] provides some evidence that possessors in Chukchi can be treated not as a part of an NP but as verbal dependents, which makes it easier to argue that they can be represented in the Predicate-argument structure. However, such data is not confirmed for Amguema Chukchi. Consider (49), where the profiled DO in (49c) can only correspond to the part of the complex NP in a relational form (53a) and cannot be marked by the case assigned by the verb (53b), contrary to Spencer. Hence, there is no evidence that the participant profiled as the DO in (53c) is present in the lexical structure of the verb *rətəmjew* ‘lose’.

- (49) a. *Ø-rə-təmjew-ew-ni-n saj-koka-ken kayəryajpə-n*
 2/3.S/A-TR-get.lost-CS-3SG.A.3.O-3SG.O tea-pot-REL cover_N-NOM.SG
 b. **Ø-rə-təmjew-ew-ni-n kayəryajpə-n saj-koka-jpə / saj-koka-k*
 2/3.S/A-TR-get.lost-CS-3SG.A.3.O-3SG.O cover_N-NOM.SG tea-pot-ABL / tea-pot-LOC
 c. *Ø-kayəryajpə-n-təmjew-ew-ne-n saj-kok-Ø*
 2/3.S/A-cover-TR-get.lost-CS-3SG.A.3.O-3SG.O tea-pot-NOM.SG
 ‘She lost the teapot’s cover.’

Let me move to the data which can be problematic to previous lexicalist and syntacticocentric analyses which do not focus on the event structure and argue for some sort of semantic or syntactic hierarchies. Consider (50)–(51) in the following context explained to my consultants: Ivan and Timur both wear glasses with similar optical power (so that each of them can wear the other’s glasses). For some reason, Timur put on Ivan’s glasses and went outside. There a bully broke those glasses. I asked my consultants to retell this short story in Chukchi and then offered them two constructed examples, shown in (50) and (51). My consultants commented that (50) sounds much more natural than (51)²³, which indicates that the person who experiences the event directly (Timur, who wears the glasses) is the best candidate for the profiled DO slot. The person who experiences the event only indirectly (Ivan, who owns the glasses) is not a suitable candidate to occupy the DO slot.

- (50) *timur-na ya-jpə-ləna-t tin-ləle-t ivan-nen i e-witu-kə-ŋinqej-e*
 Timur-AN.INS PF-put.on-PF.3SG ice-eye-NOM.PL Ivan-GEN and_R CAR-hear-CAR-boy-INS

²² Note that I am discussing here only those syntacticocentric analyses of NICs which ignore the affectedness property of a promoted “Possessor”. More sophisticated analyses, such as those discussed by Deal [2017] or developed by Landau [1999] (thanks to Maria Polinsky for drawing my attention to these papers) may solve the problems the Chukchi data poses for Baker et al.’s [2005] and Barrie’s [2009] analyses without totally abandoning Possessor Raising.

²³ Some consultants created sentences like (50) directly translating from Russian. However, no one offered (51) as a translation from Russian.

Ø-tin-ləle-n-sime-w-ni-n *timur*
 2/3.S/A-ice-eye-TR-break-CS-3SG.A.3.O-3SG.O Timur.NOM.SG

‘Timur put on Ivan’s glasses and a bully broke those glasses (on Timur).’

- (51) *timur-na ya-jpə-ləna-t tin-ləle-t ivan-nen i e-wilu-kə-ŋinqej-e*
 Timur-AN.INS PF-put.on-PF.3SG ice-eye-NOM.PL Ivan-GEN and_R CAR-hear-CAR-boy-INS

Ø-tin-ləle-n-sime-w-ni-n *ivan*
 2/3.S/A-ice-eye-TR-break-CS-3SG.A.3.O-3SG.O Ivan.NOM.SG

The most natural interpretation: ‘Timur put on Ivan’s glasses and a bully broke some other glasses on Ivan.’

Note that it is difficult to explain the difference between (50) and (51) with some sort of syntactic or semantic hierarchy. Consider (52), which some of my consultants offered instead of (51) to improve the latter.

- (52) *timur-na ya-jpə-ləna-t tin-ləle-t ivan-nen i e-wilu-kə-ŋinqej-e*
 Timur-AN.INS PF-put.on-PF.3SG ice-eye-NOM.PL Ivan-GEN and_R CAR-hear-CAR-boy-INS
ivan-nen tin-ləle-t rə-sime-w-ni-ne-t
 Ivan-GEN ice-eye-NOM.PL TR-break-CS-3SG.A.3.O-3SG.O-PL

‘Timur put on Ivan’s glasses and the bully-boy broke Ivan’s glasses (on Timur).’

The possibility of (52) gives us several insights. First, there are no purely information-structural restrictions for Ivan (the owner of the glasses) to be mentioned in the second clause. Second, Timur (the temporary user) should not be syntactically present in the second clause unless incorporation happens, so it is difficult to attribute NI restrictions to some sort of syntactic blocking rules. In a similar vein, it is hard for the proponents of lexical-structural rules to argue that it is the lexical entry which determines the impossibility of the owner of the glasses to become a DO in this NI context: the lexical entry of the verb *rəsimew* ‘to break_{TR}’ hardly specifies any of the participants. To sum up, what makes the events of ‘breaking glasses affecting their owner’ and ‘breaking glasses affecting their user’ different is the nuance of the event structure itself. The DO slot is restricted to the participant whose benefit/harm subevent is most directly influenced by the IN’s subevent.²⁴

I argue that both syntacticocentric and lexicalist approaches which do not focus on the event structure suffer from similar problems when dealing with Chukchi data: the possibility of promotion depends on contextually-determined event structure. Obviously, those syntacticocentric approaches which model event structure²⁵ in syntax are not subject to this criticism (this is also true for lexicalist approaches which focus not on semantic role hierarchies but on event structure). For example, a possible approach to NI working in the spirit of [Lundquist, Ramchand 2012] or [Ramchand 2019] would probably be able to capture nuances of event structure syntactically.

Finally, let me briefly consider two cognitive/constructionist approaches to NICs and promotion. Velázquez-Castillo [1996] (and Tuggy [1981] to a lesser extent) posit that it is the degree of affectedness which is responsible for argument’s promotion. However, as it is not the

²⁴ An anonymous reviewer suggested that the proposed analysis of this piece of data does not contradict the basic lexicalist claims: the event structure requirements can be specified in the verb entry without the direct specifications of which participant is profiled as a DO. However, I argue that it probably would be problematic for lexicalist approaches to NICs to provide a distinction between the two affected participants (the one whose property is damaged and the one who experience the event of property damage): this event-structural distinction is contextual and presumably cannot be accounted by the structure of verb’s lexical entry itself.

²⁵ The question of whether different theories of event structure and syntactic/lexical representation can be successfully applicable to Chukchi data lies beyond the scope of this paper. For example, Muro [2009: 86-91] manages to include affectedness in his syntacticocentric analysis, however it is not clear whether his binary distinction is sufficient.

degree but the immediateness of affectedness that happens to be crucial for NICs' restrictions, these analyses may be incomplete for Amguema Chukchi. Moreover, I argue that the restriction for a DO to be most immediately affected by the IN's subevent can receive a functional-diachronic explanation.

5. Restrictions explained. A view from diachrony?

In Section 3, I showed that DO-profiling in Amguema Chukchi obeys the event-structural restriction of immediate affectedness of DO (see (ii-d) in Section 2.2, repeated here as (iii)).

(iii) The profiled participant is the most immediately affected by the IN's subevent. The profiled participant's sybevent directly follows the IN's subevent in the causal chain.

This restriction has an important disadvantage: what is the external (cognitive, functional, diachronic, generative) reason for it? To put it differently — why is the restriction the way it is?

I argue that at least (iii) can be explained diachronically, through functions and origin of sub-constructions which together form the macroconstruction of the DO-Profiling NIC in Chukchi.

Unfortunately, there is no historical record of the Chukotko-Kamchatkan languages (despite the profound reconstruction by Fortescue [1998]) and NI in Koryakic languages is not described in sufficient detail to provide a reconstruction for each developmental step (despite the presence of insightful papers by T. Kurebito [1998] and M. Kurebito [2017]). Here I provide a preliminary hypothesis about the diachrony of the DO-Profiling NICs, on the basis of typological evidence, which does not go against comparative data from Koryakic branch.

I argue that the origin of DO-Profiling NIC is a construction in which the profiled DO is affected by an action directed to a Body-Part (which was incorporated), as in (53).

- (53) *trampə-na frantsuženka kay-male-ne-n*
 Trump-AN.INS french.woman_R.NOM.SG hand_{INC}-rub-3SG.A.3.O-3SG.O
 'Trump stroked a French girl's hand' (volunteered by a consultant).

First, this construction is obviously present and productive in all Chukotko-Koryakic, see [Skorik 1948; Dunn 1999; Kurebito 2017; Kibrik et al. 2000; Nagayama 2003: 50]. Second, as Velázquez-Castillo [1996] argues, this construction can be regarded as cognitively and functionally basic (the IN is very low in animacy, the DO is high in animacy, and the two are strongly connected).²⁶ Finally, there is at least one language where the only P-Incorporating NIC present is a Body-Part-Incorporating DO-Profiling Construction: Madngele²⁷ (< Eastern Daly, Northern Australia) [Zandvoort 1999: 96–97].

I argue that after the Body-Part-Incorporating DO_i-Profiling Construction was established (probably in Proto-Chukotko-Koryakic), it gave birth to two distinct constructions. Due to the extension of possible INs to non-body-part items close to the personal sphere and through which bodies are often affected (like clothes), the feature of force-dynamic affectedness of the Possessor through its Body-Part (53) was extended to force-dynamic affectedness of an Owner / User through a Possessum close to its body (see (50)–(51) above) and finally to affectedness of the Beneficiary / Maleficiary through that property. Similar development can be postulated for Koryak (see [T. Kurebito 2001: 37]).

²⁶ Also see discussion of semantically similar constructions for external possession in general in [Payne, Barshi 2001].

²⁷ This list can be expanded only by nouns denoting bodily liquids or one's words or path (see [Zandvoort 1999: 97–98]).

An intermediate stage of such a proposed pathway was described and analyzed for the External Possession Construction in Czech by Fried [2010: 223] and by Velázquez-Castillo [1996: 160] for Paraguayan Guarani.

It is possible to imagine how this line of construction's development and extension continued. As restrictions on control of the DO over the IN gradually became weaker, close and culturally important animals (like dogs, see (8)) became able to occupy the IN's slot (available for Koryak [T. Kurebito 1998: 37], too). Later the construction was extended even to interpersonal relations, see (34) (I was not able to find indisputable evidence of this change for Koryak). Along this development path, the force-dynamic restrictions remained intact.

Another line of constructional evolution hypothetically proceeded through the weakening of the pragmatic requirement of the DO's affectedness: the DO could be inanimate if it changed its state under direct impact of the IN's subevent. Most probably, the bridging context was exhibited by something like (54), where the IN slot was still occupied by a noun denoting a body-part term, — this made the metaphorical transfer (Body-Part > Part-of-Object) easier. The same construction can be found in Koryak [Kurebito 2001: 46].

- (54) *svetlana-na yriyorievna-na ajmak-Ø Ø-yətolqələ-swe-ne-n*
 Svetlana-AN.INS Grigoryevna-AN.INS carcass-NOM.SG 2/3.S/A-rib-cut-3SG.A.3.O-3SG.O
 'Svetlana Grigoryevna cut ribs from the (reindeer) carcass.'

I argue that this line of development eventually led to the emergence of Goal/Source-Profiling NICs. The bridging construction probably involved contexts in which either a former Part (the moving Theme) detached from a former Whole (the Source) or a moving Theme (the future Part) attached to an affected Goal (the future Whole), see (55). Over time, the strength of connection between IN and DO could become weaker and weaker (compare (55) and (56)).

- (55) *ətʔa-ta məsəkwə-n Ø-mumkəl-nə-tip-en-ni-n*
 mother-INS shirt-NOM.SG 2/3.S/A-button-TR-be.pinned-TR-3SG.A.3.O-3SG.O
 'Mother sewed a button to the shirt.'

- (56) *ɲewəsqet-e nelyə-n Ø-titi-npen-ni-n*
 girl-INS skin-NOM.SG 2/3.S/A-needle-stick.into-3SG.A.3.O-3SG.O
 'The girl stuck a needle in the skin.'

There is some evidence that the DO-Promoting NI in modern Western Frisian is nowadays in the middle of this process, see [Dijk 1997: 158].

Finally, the construction extended to the point when it became possible for merely affected (which does not necessarily formor cease to form a single Whole with an IN) Goal / Source / Location to occupy the profiled DO slot. This stage can be observed in Yucatec Mayan, see [Lehmann, Verhoeven 2005: 159].

The pathway I propose for the NIC's development is summarized in Fig. 10 (p. 140).

Such a pathway explains why the IN cannot follow the DO in the causal chain (ii-c) and no participant can intervene between an IN and a profiled DO (ii-d), i.e., the DO should be the most immediately affected participant.

If all Profiling NICs arose from the Body-Part-Incorporating Animate-Profiling NIC, such restrictions are natural — nothing can intervene between a body-part and its Possessor and the Possessor is always of more importance than its body-part.

6. Conclusions

In this paper, I have shown (see Sections 2.2 and 3) that there is an alternative to previous lexicalist and syntacticocentric analyses of noun incorporation. A detailed examination of Amguema

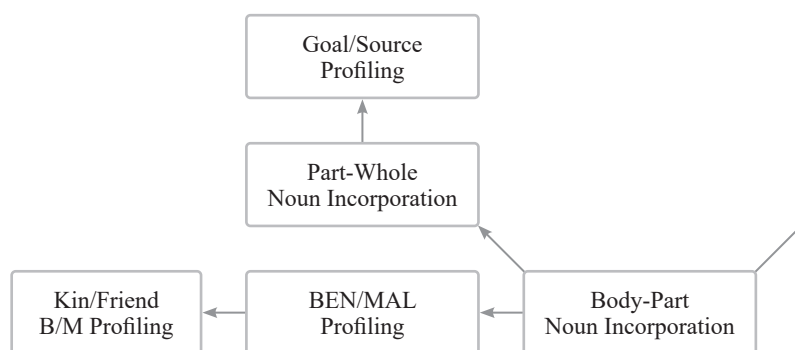

Fig. 10. The development of the Profiling NIC in Amguema Chukchi

Chukchi data reveals some nuances (like the requirement of immediate affectedness of the direct object) which can hardly be analyzed without direct reference to event structure (see discussion in Section 4). This does not mean that lexicalist or syntactiocentric analyses are inapplicable in general. However, such analyses need to pay attention to event structure itself.

Moreover, the event-structural restrictions I pose (see Section 2.2) are not arbitrary and can be explained if one takes a functional-cognitive approach to diachronic syntax (see Section 5). The plethora of Amguema Chukchi DO-profiling noun incorporation constructions stem from the Body-Part-Incorporating Human-Profiling Noun Incorporation Construction, which represents a prototype for the pragmatic function of profiling these constructions serve (see discussion in [Polinskaja, Nedjalkov 1987]). While the restrictions on the degree of affectedness and the strength of the link between in the Incorporated Noun and the Direct Object are weakened for the descendant constructions, the general force-dynamic requirement for the Direct Object to be the participant most directly by the Incorporated Noun's subevent remains inherited.

ABBREVIATIONS

In glosses:

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person

A — transitive subject

ABL — ablative

AN — high in animacy

ANTI — antipassive

ATTR — attributive

CAR — caritive

CS — change of state

CONT — container

DAT — dative

GEN — genitive

IN — inside an object

INS — instrumental

LOC — locative

NOM — nominative

O — direct object

PF — perfect

PL — plural

REL — relational

S — intransitive subject

SG — singular

SIM — simultaneous

ST — stative

TR — transitivizer

TH — thematic suffix

TOOL — instrument for V

TOP — top of an object

VB — verbalizer

Elsewhere:

DO, OBJ — direct object

IN — incorporated noun

IO — indirect object

NI — noun incorporation

NIC — noun incorporation construction

NP — noun phrase

SBJ — subject

REFERENCES

- Anderson 2000 — Anderson S. R. Lexicalism, incorporated (or incorporation, lexicalized). *Proc. of the Chicago Linguistic Society*, 2000, 36: 13–34.
- Baker 1988 — Baker M. C. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988.
- Baker 1996 — Baker M. C. *The polysynthesis parameter*. New York: Oxford Univ. Press, 1996.
- Baker et al. 2005 — Baker M. C., Aranovich R., Golluscio L. A. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications. *Language*, 2005, 81: 138–176.
- Barrie 2009 — Barrie M. Noun incorporation, doubling and possessor raising: Against ϕ -deletion. *Proc. of Workshop on Structure & Constituency in Languages of the Americas*. Vancouver: UBCWPL, 2009, 1–13.
- Barrie 2011 — Barrie M. *Dynamic antisymmetry and the syntax of noun incorporation*. Dordrecht: Springer, 2011.
- Barrie, Mathieu 2016 — Barrie M., Mathieu E. Noun incorporation and phrasal movement. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2016, 34(1): 1–51.
- Beavers 2011 — Beavers J. On affectedness. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2011, 29(2): 335–370.
- Bogoras 1922 — Bogoras W. Chukchee. *Handbook of American Indian languages* 2. Boas F. (ed.). Washington: Government Printing Office, 1922, 631–903.
- Croft 1991 — Croft W. *Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Croft, Cruse 2004 — Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Deal 2017 — Deal A. R. External possession and possessor raising. *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. 2nd edn. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell, 2017, 1–32.
- Dijk 1997 — Dijk S. *Noun incorporation in Frisian*. Ph.D. diss. Univ. of Groningen, 1997.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 1991, 67: 547–619.
- Dunn 1999 — Dunn M. J. *A grammar of Chukchi*. Ph.D. diss. Australian National Univ., 1999.
- Fortescue 1998 — Fortescue M. D. *Language relations across Bering Strait: Reappraising the archaeological and linguistic evidence*. London: Cassell, 1998.
- Fried 2010 — Fried M. Plain vs. situated possession in Czech: A constructional account. *The expression of possession*. McGregor W. (ed.). New York: De Gruyter Mouton, 2010, 213–248.
- Haspelmath 2013 — Haspelmath M. Argument indexing: A conceptual framework for the syntactic status of bound person forms. *Languages across boundaries*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 197–226.
- Haugen 2015 — Haugen J. D. N. Incorporation. *Word-formation*. Vol. 1. Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, 413–434. <https://doi.org/10.1515/9783110246254-024>
- Kozinsky et al. 1988 — Kozinsky I. S., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. *Passive and voice*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988: 651–706.
- Kozlov 2018 — Kozlov A. A. *Nekotorye problemy imennoi gruppy. Relyativizatsiya* [Some puzzles of noun phrase structure. Relativization]. Web-document, 2018. https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AK_noun_phrase_relativization.pdf
- Kibrik et al. 2000 — Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. *Yazyk i fol'klor alyutortsev* [Alutor language and folklore]. Moscow: Nasledie, 2000.
- M. Kurebito 2017 — Kurebito M. Koryak. *The Oxford handbook of polysynthesis*. Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017, 830–851.
- T. Kurebito 1998 — Kurebito T. A report on noun incorporation in Chukchi. *Languages of the North Pacific Rim*. Vol. 4. Miyaoka O., Oshima M. (eds.). Kyoto: Graduate School of Letters, Kyoto Univ., 1998, 97–113.
- T. Kurebito 2001 — Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi. *Languages of the North Pacific Rim*. Vol. 6. Miyaoka O., Endo F. (eds.). Kyoto: Nakanishi, 2001, 65–84.
- T. Kurebito 2012 — Kurebito T. An outline of valency-reducing operations in Chukchi. *Objectivization and subjectivization: A typology of voice systems*. Nakamura W., Kikusawa R. (eds.). Osaka: National Museum of Ethnology, 2012, 177–189.

- Landau 1999 — Landau I. Possessor raising and the structure of VP. *Lingua*, 1999, 107(1–2): 1–37.
- Langacker 2008 — Langacker R. W. *Cognitive Grammar*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008.
- Lehmann, Verhoeven 2005 — Lehmann C., Verhoeven E. Noun incorporation and participation: A typological study on participant association with particular reference to Yucatec Maya. *Typological studies in participation*. Lehmann C. (ed.). Berlin: Akademie Verlag, 2005, 105–188.
- Lundquist, Ramchand 2012 — Lundquist B., Ramchand G. Contact, animacy and affectedness in Germanic. *Comparative germanic syntax: The state of the art*. Ackema P., Alcorn R., Heycock C., Jaspers D., van Craenenbroeck J., Vanden Wyngaerd G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012, 223–248. <https://doi.org/10.1075/la.191.08lun>
- Malchukov 2005 — Malchukov A. Case pattern splits, verb types, and construction competition. *Competition and variation in natural languages*. Amberber M., de Hoop H. (eds.). London: Elsevier, 2005, 73–117.
- Michelson 1991 — Michelson K. Possessor stranding in Oneida. *Linguistic Inquiry*, 1991, 22(4): 756–761.
- Mithun, Corbett 1999 — Mithun M., Corbett G. G. The effect of noun incorporation on argument structure. *Boundaries of morphology and syntax*. Mereu L. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1999: 49–72. <https://doi.org/10.1075/cilt.180.05mit>
- Mithun 1984 — Mithun M. The evolution of noun incorporation. *Language*, 1984, 60(4): 847–894.
- Meira 1999 — Meira S. *A grammar of Tiriyo*. Ph.D. diss. Rice Univ., 1999.
- Muravyova et al. 2001 — Muravyova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Yu. *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. Ms., Moscow, 2001.
- Muro 2009 — Muro A. *Noun incorporation: A new theoretical perspective*. Ph.D. diss. Università degli Studi di Padova, 2009.
- Nagayama 2003 — Nagayama Yu. *Oчерк grammatiki alyutorskogo yazyka* [Sketch of Alutor grammar]. Kyoto: Nakanishi Printing Co., Ltd., 2003.
- Nedjalkov 1976 — Nedjalkov V. P. Diathesen und Satzstruktur im Tschuktschischen. *Satzstruktur und Genus Verbi*. Lötsch R., Růžicka R. (eds.). Berlin: Akademie Verlag, 1976, 181–211.
- Nedjalkov 1977 — Nedjalkov V. P. Posessivnost' i inkorporatsiya v chukotskom yazyke (inkorporatsiya podlezhashchego) [Possession and incorporation in Chukchi (subject incorporation)]. *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka*. Xrakovskij V. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1977, 108–138.
- Nedjalkov 1982 — Nedjalkov V. P. Chukotskie glagoly s inkorporirovannym podlezhashchim [Chukchi verbs with incorporated subject]. *Kategoriya sub"ekta i ob"ekta v yazykakh razlichnykh tipov*. Katsnel'son S. D. (ed.). Leningrad: Nauka, 1982, 135–153.
- Nichols 1986 — Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*, 1986, 66: 56–119.
- Olthof 2020 — Olthof M. Formal variation in incorporation: A typological study and a unified approach. *Linguistics*, 2020, 58(1): 131–205.
- Payne, Barshi 2001 — Payne D. L., Barshi I. (eds.). *External possession*. Amsterdam: John Benjamins, 2001. <https://doi.org/10.1075/tsl.39>
- Polinskaja 1991 — Polinskaja M. S. Inkorporirovanoe slovo v chukotskom yazyke [Incorporated word in Chukchi]. *Morfema i problemy tipologii*. Vardul' I. F. (ed.). Moscow: Nauka, 1991: 357–382.
- Polinskaja, Nedjalkov 1987 — Polinskaja M. S., Nedjalkov V. P. Contrasting the absolutive in Chukchee. *Lingua*, 1987, 71: 239–269.
- Polinsky 1990 — Polinsky M. Subject incorporation: Evidence from Chukchee. *Grammatical relations: A cross-theoretical perspective*. Dziwirek K., Farrell P., Mejias-Bikandi E. (eds.). Stanford: Stanford Linguistics Association, CSLI, 1990, 349–364.
- Polinsky 1994 — Polinsky M. Relativization in Chukchi. *Papers from the 7th Conf. on the Non-Slavic Languages of the USSR*. Aronson H. I. (ed.). Columbus: Slavica Publ., 1994, 241–262.
- Pupynina 2018 — Pupynina M. Yu. Osobennosti kolymского варианта чукотского языка [Linguistic features of Kolyma Chukchi]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 3: 112–127.
- Ramchand 2019 — Ramchand G. Event structure and verbal decomposition. *The Oxford handbook of event structure*. Ramchand G., Truswell R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2019, 2–35.
- Rosen 1989 — Rosen S. Two types of noun incorporation: A lexical analysis. *Language*, 1989, 65(2): 294–317.
- Sapir 1911 — Sapir E. The problem of noun incorporation in American languages. *American Anthropologist*, 1911, 13(2), 250–282.
- Skorik 1948 — Skorik P. Ya. *Oчерк po sintaksisu chukotskogo yazyka: Inkorporatsiya* [A sketch of Chukchi syntax: Incorporation]. Leningrad: Uchpedgiz, 1948.
- Skorik 1961 — Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Grammar of Chukchi]. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1961.

- Skorik 1977 — Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Grammar of Chukchi]. Vol. II. Leningrad: Nauka, 1977.
- Song 2010 — Song Jae Jung (ed.). *The Oxford handbook of linguistic typology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Spencer 1995 — Spencer A. Incorporation in Chukchi. *Language*, 1995, 71(3): 439–489.
- Stenin 2018 — Stenin I. A. *Obshchie svedeniya o chukotskom yazyke i issleduemom govore* [General information on the Chukchi language and the studied (Amguema) variety]. Web-document, 2018. https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_IS_introduction.pdf
- Tavares 2005 — Tavares P. S. *A grammar of Wayana*. Ph.D. diss. Rice Univ., 2005.
- Tuggy 1981 — Tuggy D. *The transitivity-related morphology of Tetelcingo Nahuatl: An exploration in space grammar*. Ph.D. diss. Univ. of California, San Diego, 1981.
- Velázquez-Castillo 1996 — Velázquez-Castillo M. *The grammar of possession: Inalienability, incorporation, and possessor ascension in Guarani*. Amsterdam: John Benjamins, 1996.
- Vinyar, Gerasimenko 2018 — Nesintaksicheskie ogranicheniya na inkorporatsiyu v chukotskom [Non-syntactic restrictions on incorporation in Chukchi]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2018, 2: 78–111.
- Vinyar 2021 — Vinyar A. I. *Noun incorporation in Chukchi and beyond: A force-dynamic constructionist approach*. Master thesis. HSE Univ. (Moscow), 2021.
- Vuillermet 2014 — Vuillermet M. Two types of incorporation in Ese Ejja (Takanan). *Word formation in South American languages*. Danielsen S., Zúñiga F., Hannss K. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2014, 113–142.
- Weinstein 2018 — Weinstein Ch. *Chukchi–French–English–Russian dictionary*. Vienna: Lema, 2018.
- Weir 1990 — Weir E. M. H. Incorporation in Nadëb. *Amazonian linguistics: Studies in Lowland South American languages*. Payne D. L. (ed.). Austin: Univ. of Texas Press, 1990, 321–363.
- Zandvoort 1999 — Zandvoort F. B. *A grammar of Matngele*. Armidale: Univ. of New England, 1999.
- Zavala 2000 — Zavala R. *Inversion and other topics in the grammar of Olutec (Mixean)*. Ph.D. diss. Univ. of Oregon, 2000.

Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте

© 2023

Анастасия Борисовна Хазова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; ahazova@hse.ru

Аннотация: В статье содержится обзор работ отечественных и зарубежных авторов, касающихся изучения компьютерно-опосредованной коммуникации с точки зрения лингвистики. Описываются особенности цифрового канала коммуникации, способные оказать влияние на разные уровни языка. Основное внимание уделяется тем исследованиям, которые посвящены изучению лексики, морфологии, синтаксиса и пунктуации текстов, порожденных в ходе интернет-коммуникации. Рассматриваются частные случаи количественного изучения этих уровней языка, делается вывод об особой подвижности лексического уровня. Отмечается смешанный характер заимствований из устной и письменной речи морфологических, синтаксических и пунктуационных признаков и подчеркивается механизм работы экономии языковых средств на каждом из уровней. В работе дается подробное описание исследований И. Карпова и А. Бодомо на корпусном материале, а также привлекается материал Национального корпуса русского языка. Кроме того, описываются работы, затрагивающие вопросы речевых паттернов коммуникации и code-switching. Особое внимание уделяется проблеме наследования черт устной и письменной речи компьютерно-опосредованной коммуникацией, показывается, как на разных уровнях происходит заимствование и трансформация многих элементов, а также поясняется, какие экстралингвистические факторы способны влиять на эти изменения. Отдельное внимание уделяется таким конструкциям, как благопожелания и обращения, а также их функционированию в различных интернет-пространствах (почте, мессенджерах, социальных сетях, форумах). В заключительной части статьи делается вывод о промежуточном положении компьютерно-опосредованной коммуникации между устной и письменной коммуникацией, а также обсуждаются перспективы изучения интернет-общения с помощью количественных методов.

Ключевые слова: интернет, корпусная лингвистика, обзор, обращения, переключение кодов, речевой этикет, устная речь, электронная коммуникация

Для цитирования: Хазова А. Б. Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте. *Вопросы языкознания*, 2023, 2: 144–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.144-156

Linguistic studies of computer-mediated communication

Anastasiya B. Khazova

HSE University, Moscow, Russia; ahazova@hse.ru

Abstract: The article presents an overview of the work of Russian and foreign authors concerning the phenomenon of computer-mediated communication in linguistic perspective. We describe the features of the digital communication channel that can influence different levels of language, with special attention to the studies focusing on vocabulary, morphology, syntax, and punctuation of texts generated during Internet communication. We consider specific quantitative studies of these levels of language and note the special lability of the lexical level. We also demonstrate the mixed nature of borrowing morphological, syntactic, and punctuation features from spoken and written language and highlight the role

of the linguistic economy principle at each level. The paper gives a detailed description of the corpus studies by I. Karpov and A. Bodomo, and also draws on the material from the Russian National Corpus. In addition, the works dealing with the issues of speech patterns of communication and code-switching are described. Further, we address the problem of inheritance of features of spoken and written language by computer-mediated communication: we show how many elements are borrowed and transformed at different levels and explain which extralinguistic factors can influence those changes. Special attention is paid to such constructions as well-wishes and appeals, as well as their functioning in various Internet spaces (e-mail, messengers, social media, forums). The final part of the article summarizes the results, concludes about the intermediate position of computer-mediated communication between oral and written communication, and discusses the prospects for studying Internet communication using quantitative methods.

Keywords: code-switching, corpus linguistics, electronic communication, internet, oral discourse, survey, terms of address, verbal etiquette

For citation: Khazova A. B. Linguistic studies of computer-mediated communication. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 144–156.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.144-156

Введение

Компьютерно-опосредованной коммуникацией называют форму взаимодействия между людьми с использованием цифровых устройств. При появлении новых технических средств, которые могут облегчить и улучшить качество человеческого общения, происходит изменение устоявшихся способов коммуникации.

Тексты, порождаемые в ходе компьютерно-опосредованной коммуникации, безусловно, появляются не только в интернет-пространстве. Это и взаимодействие в ходе телефонных звонков и видеоконференций, и sms-переписка. Но заметно чаще исследователи выбирают предметом своего изучения тексты из сети Интернет (мессенджеры, социальные сети, блоги, электронная почта), потому что они являются наиболее доступными, машиночитаемыми, легко сохраняемыми и обрабатываемыми. Именно эти коллекции текстов и будут предметом изучения рассматриваемых нами статей.

Регулярно изменяющийся с технологической точки зрения канал взаимодействия, будь то компьютер, мобильный телефон или другое устройство, неизбежно влияет на электронное общение и возникающие в процессе тексты. Кроме того, он привносит в них различные элементы вариативности в зависимости от глубины этих изменений и может затрагивать как самые подвижные, так и более статичные уровни языка.

Изменение каналов коммуникации с помощью различных устройств, позволявших опосредованно в режиме реального времени обмениваться информацией, началось не с распространением персональных компьютеров, а с активного использования стационарных телефонов. Непосредственное общение постепенно дополнялось голосовым контактом через телефон [Ball 1968; Baron 1984]. Через некоторое время аналогичным образом компьютеры органично встроились в систему коммуникации и стали соседствовать с письмом и живой речью. Благодаря этому расширилось коммуникационное пространство и к уже привычным способам общения добавилось общение через интернет.

Исследования взаимодействия людей в интернете в основном касаются процессов, происходящих в языке вне зависимости от путей коммуникации. Мы сосредоточимся на работах, авторы которых рассматривают языковые особенности, возникшие под влиянием или по причине коммуникации с помощью различных цифровых устройств. Авторы этих исследований предпринимают попытку зафиксировать языковые изменения, демонстрирующие влияние устройств на текст на таких уровнях, как лексика, морфология и синтаксис. Также исследователи не обходят вниманием использование эмодзи, хэштегов и других специфических графических элементов [Галямина 2014]. Эти знаки предлагаются

платформами для эмоционального обогащения коммуникации, так как у пользователей нет возможности дополнительно воздействовать на адресата своего сообщения с помощью интонации, жестов, мимики и других внетекстовых проявлений эмоций.

Во многих работах отмечается, что в компьютерно-опосредованной коммуникации присутствуют черты как устной, так и письменной коммуникации [Dino, Gustilo 2015; Карпов и др. 2022: 17–18]. Есть множество механизмов наследования стилистических особенностей различных устоявшихся форм общения. Устное и письменное общение трансформировалось во множество цифровых форм — голосовые и текстовые чаты, электронные письма. Сама коммуникация с помощью электронных средств занимает промежуточное положение между коммуникацией лицом к лицу и заочным общением, не требующим моментальной реакции, сочетая их в различных видах [Baron 1984: 118].

В поле внимания современных лингвистов компьютерно-опосредованная коммуникация попадает часто. В большинстве своем эти работы посвящены внутриязыковым вопросам языка интернета как без учета воздействия внешних факторов [Crystal 2002; Кронгауз 2013; Punske et al. 2019; Добрушина, Борзенко 2022], так и с учетом влияния компьютерно-опосредованной коммуникации на языковую грамотность школьников и студентов [Watt 2010; Smirnov 2017].

Существует небольшой пласт исследований, посвященных влиянию цифровых средств на язык компьютерно-опосредованной коммуникации [Baron 1984; Bodomo 2010; Dino, Gustilo 2015]. Эти работы фокусируются на применении электронных устройств в качестве средств коммуникации и демонстрируют некоторые характерные изменения в языке, появившиеся за последние 20 лет. Кроме того, есть ряд работ русскоязычных авторов, отмечающих в рамках изучения интернет-коммуникации языковые особенности, продиктованные именно особенностями канала общения, см., например, [Какорина 2007; 2008].

В настоящей статье представлен обзор работ, затрагивающих лингвистический аспект влияния электронных устройств на компьютерно-опосредованную коммуникацию.

1. Влияние цифровых устройств текстового ввода на компьютерно-опосредованную коммуникацию с точки зрения лексики, морфологии, синтаксиса и пунктуации

В среде исследователей интернет-языка первопроходцем, постаравшимся в первом приближении описать компьютерно-опосредованную коммуникацию через особенности ее формирования при использовании цифровых средств с точки зрения языка, стал Адамс Бодомо. В своей книге «Computer-mediated communication for linguistics and literacy: Technology and natural language education» [Bodomo 2010] он обращается к темам перехода коммуникации с использованием технологий, изменения языка под влиянием интернета, а также возникновения понятия мультиграмотности, связанной с умением передавать различную информацию с помощью компьютеров и мобильных телефонов.

Как замечает исследователь, когда общение переместилось в плоскость использования персональных компьютеров, появилась возможность компенсировать недостаток эмотивной функции языка с помощью комбинирования разных типов медиа (текста, видео, музыки, изображений) [Ibid.: 6, 117]. Отличительной чертой его работы является использование корпуса текстов для подсчета различных языковых явлений — определенных слов и конструкций в корпусе, их частот, а также их появления у определенных групп. В отличие от многих работ, концентрирующихся на качественных методах исследования,

работа Бодома затрагивает область изучения количественных характеристик компьютерно-опосредованной коммуникации. Именно такой взгляд на тексты позволяет работать с большим объемом материала и выделять те тенденции, которые могут остаться без внимания при «медленном чтении».

Среди русскоязычных работ отдельно стоит выделить исследование И. Карпова, Т. Крыловой и С. Тимошенко [Карпов и др. 2022], посвященное лингвистическому анализу электронного комментария в социальных сетях. В нем авторы на материале корпуса из 400 тысяч комментариев и 10 тысяч новостей рассматривают более 180 графических, морфологических и синтаксических признаков. Ссылаясь на хрестоматийные работы по компьютерно-опосредованной коммуникации Дэвида Кристала [Crystal 2006; 2011] и Янниса Андруцопулоса [Androutsopoulos 2011: 149], коллектив авторов предлагает методику количественного исследования интернет-комментария. На основе собранного корпуса исследователи выделяют тенденции, характерные для разговорной речи, описывают, как и в какой степени эти тенденции в сравнении с тенденциями письменной речи проявляются в электронном комментарии, демонстрируют специфику электронного комментария на уровне морфологии и синтаксиса. К морфологическим признакам авторы относят «признаки, основанные на морфологических характеристиках отдельных словоформ: частеречной принадлежности и значениях грамматических категорий», а к синтаксическим — «признаки, полученные в результате синтаксического анализа: синтаксические функции отдельных слов и данные о мультиграммах». В первом случае наибольший интерес представляют личные местоимения и частицы, во втором — причастные обороты, согласованные определения, обстоятельства и сочетания, несущие синтаксическую функцию частицы. В заключении на основе проведенного количественного анализа авторы делают вывод о промежуточном статусе компьютерно-опосредованной коммуникации по отношению к устной разговорной и письменной речи.

В последние 20 лет электронная коммуникация сосредоточена не только в плоскости компьютерного взаимодействия: различные приложения для общения также активно используются на телефонах, планшетах и других устройствах, позволяющих осуществлять текстовый ввод информации. Кроме того, благодаря развитию облачных сервисов, общение может происходить и внутри приложений для работы над различными типами файлов (комментарии в Google Docs и др., GitHub и пр.). Сейчас на пике популярности находятся сервисы для видео- и аудиоконференций, видеотрансляций, а также различные игровые пространства — все эти формы взаимодействия в сети не исключают возможность текстового общения. Таким образом, рассматривая любую коммуникативную активность человека в интернет-среде, мы приходим к выводу, что значительную долю такого взаимодействия составляет именно ввод текстовой информации.

Несмотря на то, что в онлайн-пространстве существует множество инструментов кодирования и передачи информации, язык во множестве случаев успешно адаптируется под компьютерно-опосредованный канал коммуникации и формирует набор характеристик, являющихся реакцией на особенности интернет-среды. Отметим, что большинство из них можно разбить на две группы.

Первая — это механизмы экономии, проявляющиеся на разных уровнях языковой системы, вторая — появление новых слов и конструкций. Примеры экономии языковых средств распределены неоднородно — на некоторых уровнях языка они почти не встречаются, в то время как на других представлены достаточно широко (например, в области лексики). Большая часть наблюдений исследователей касается изучения природы сокращений, которые могут быть представлены одной буквой или цифрой, заменяющей целое слово (*ate* — 8, *for* — 4), или изменять значение символа (*ss* — \$, *oo* — %). Их появление может быть мотивировано физическими характеристиками цифровых устройств и желанием пользователей максимально ускорить процесс коммуникации путем исключения из речи как можно большего количества элементов. Но при этом пользователи стараются сохранить максимально возможную информационную насыщенность сообщения.

Для начала рассмотрим наиболее отзывчивый к воздействию внешних факторов уровень языка — лексический. Проследивая связь между языковыми изменениями и технологиями, А. Бодомо отмечает появление особенностей, самая очевидная из которых — активное использование сокращений, диктуемое характеристиками устройств ввода. К ним относятся размер экрана, возможная скорость набора текста на клавиатуре и время отправки. В то же время, как отмечают Р. Мифтахова и Е. Морозкина [2012: 163] в статье «Влияние информационных технологий на развитие лингвистических норм», кажущееся «комфортным для отправителя» использование сокращений далеко не всегда позитивно воспринимается получателем из-за возможных трудностей с декодированием информации.

С. Бараса и М. Мус, кроме ранее упомянутых сокращений, останавливаются на более редком явлении — активном использовании «графонов». Так называются стилистически уместные искажения орфографической нормы, отражающие индивидуальные или диалектные нарушения фонетической нормы (англ. *lyf* ‘life’, *nyc* ‘nice’, *gutnyt* ‘good night’) [Barasa, Mous 2009: 239]. Для русского языка характерны графоны, передающие на письме устные близкие к просторечным стяжения: *чо, шо, ща, щас*.

Продолжая тему экономии языковых средств в интернет-коммуникации, Р. Мифтахова и Е. Морозкина [2012: 162] особо выделяют акронимы — вид аббревиатуры, состоящий из начальных букв слова или словосочетания. Стоит отметить, что в англоязычной среде большинство единиц такого рода образуется путем комбинирования букв и цифр, заглавных букв, редукции, а также через использование омофонов. Исследователи подразделяют акронимы на несколько видов и приводят следующую классификацию на основе способа их образования:

- акронимы предложений: *GTG* (*got to go*), *BRB* (*be right back*), *LOL* (*laughing out loud*), *imho* (*in my humble opinion*), *aka* (*also known as*);
- буквенные омофоны: *U* (*you*), *R* (*are*);
- комбинации буквенных и/или цифровых омофонов: *B4* (*before*);
- аббревиация (в терминологии авторов статьи — редукция слов): *tmr* (*tomorrow*), *coz* (*because*), *gd nite* (*good night*);
- комбинация начальных букв: *TTUL* (*talk to you later*).

Аналогичный подход к классификации акронимов обнаруживаем и у А. Бодомо [Bodomo 2010: 46]. Простота классификации позволяет успешно применять ее и для русскоязычной интернет-среды — почти к каждому способу образования удастся обнаружить более одного примера использования.

Приведем примеры для русского языка, воспользовавшись классификацией Р. Мифтаховой и Е. Морозкиной, исключив из нее буквенные омофоны, так как они не характерны для русскоязычного интернет-сообщества:

- акронимы предложений: *gg wp* (аналог *ggwp* — *good game well played*), *лол* (*lol* — *laughing out loud*), *ака* (*aka* — *also known as*), *кмк* (как мне кажется);
- комбинации буквенных и/или цифровых омофонов: *про100* (просто), *о5* (опять);
- аббревиация (в терминологии авторов статьи — редукция слов): *лвл* (аналог *lvl* — *level*);
- комбинация начальных букв: *ЕОТ* (*есть одна тян* — о нравящейся девушке).

Одним из популярных акронимов, возникших в начале 2000-х, можно назвать слово *лытдыбр*. Оно появилось как кириллическая транслитерация слова *lytdybr*, которое, в свою очередь, является примером замены кириллических букв на латинские в соответствии с раскладкой клавиатуры для слова *дневник* [Кутыркина 2011: 25].

Кроме того, стоит обратить внимание на усечения, играющие большую роль в интернет-коммуникации: *норм* — нормально, *пон* — понял, понятно, *хор* — хорошо.

Отдельно стоит отметить влияние цифровизации социальных практик на обогащение языков новыми словами. Представим некоторые примеры в таблице.

Таблица

**Примеры обогащения лексического состава русского языка
с помощью обозначений реалий интернет-среды**

Англоязычная коммуникация	Русскоязычная коммуникация	Значение
<i>to google</i>	<i>гуглить</i>	искать в поисковой системе (часто вне зависимости от названия самой поисковой системы)
<i>2ch (dvach)</i>	<i>двачевать</i>	выражать одобрение (от названия популярного имиджбора — интернет-форума, сфокусированного на размещении изображений)
<i>YouTuber</i>	<i>ютубер</i>	видеоблогер, преимущественно размещающий контент на платформе YouTube
<i>TikToker</i>	<i>тиктокер</i>	видеоблогер, преимущественно размещающий контент на платформе TikTok
<i>selfie</i>	<i>селфи</i>	фотографический автопортрет
<i>vlogger</i>	<i>влогер</i>	автор видеоблогов (безотносительно площадки хостинга видео)

Большая часть этих слов и выражений, по понятным причинам, отсутствует в основных толковых словарях [БАС-3], но отражается в таких проектах и изданиях, как [НРЛ; НРЛ 2021] (например, *зуминар*, *инстамаска*, *тиктокер*), а в дальнейшем освоенные единицы попадают в новые словари (например, *блогер* в [АТоС 2016, 1], ср. [РОС]), поскольку активно используются в коммуникации, являясь заимствованиями из английского языка. Часть из них можно назвать откликом на появившийся сервис или иную реалию современной коммуникации. Это слова, которые характеризуют некоторое устоявшееся действие или объект, существующие благодаря среде компьютерного взаимодействия (например, *блогер*, *мессенджер*, *отфотошопить*). Зачастую они обозначают объект или процесс, являющиеся неотъемлемой частью компьютерно-опосредованной коммуникации.

В электронных комментариях многие языковые единицы на уровне морфологии демонстрируют поведение, свойственное как устной разговорной [Земская и др. 2011], так и письменной речи.

К примеру, разговорные частицы *а*, *и*, *да* активно используются в интернет-переписке [Карпов и др. 2022] (примеры из [НКРЯ]):

- (1) [Герда (nick)] *Да* я сама не знаю, а что? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]
- (2) [Герда (nick)] *И* на кого ты злишься, если не секрет? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]
- (3) [Герда (nick)] *А* это была не издевка!
[agd-ardin (nick)] *А* что это было? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]

Частицы, активное употребление которых больше свойственно разговорной речи, активно проявляют себя, поскольку выполняют контактоустанавливающую функцию. По данным цитируемой работы, чаще всего встречаются *ну* (4)–(5), *вот* (6)–(7), а также *а*, *и*, *да*, *же*, *вроде*, *только*, *прямо*, *просто*, *ведь*, *ни*, *неужели*, *разве*, *даже*.

- (4) [Герда (nick)] *Ну* я не в курсе ваших альтернатив... [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]

- (5) [*Герда (nick)*] **ну** в субботу мы типа доотмечали, а в воскресенье ботала. [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]
- (6) [*Хасеки Хюрем Султан ???*] **Вот** собственно, хотелось бы узнать, что меня может ждать... какого рода иск он может подать? [Общение отца с ребенком. Есть возражения со стороны матери (05.05.2015)]
- (7) [*Хасеки Хюрем Султан ???*] Знаете, Простомуница, в этой семье уже погиб один ребенок, и ничему жизнь этих людей не научила. **Вот** так же, на даче... Смешного ничего я в этом не вижу. [Общение отца с ребенком. Есть возражения со стороны матери (05.05.2015)]

Личные местоимения занимают важное положение в интернет-общении, их количество в электронной коммуникации значительно превышает аналогичные показатели в письменном общении. Зачастую такие тексты диалогичны и пишутся с расчетом на функционирование 1 и 2 лица: так, в работе [Карпов и др. 2022: 14] приводится пример, в котором на шесть предложений встречается шесть личных местоимений.

Значительно меньше внимания исследователи компьютерно-опосредованной коммуникации уделяют синтаксису и пунктуации. А. Бодомо [Bodomo 2010: 115] предполагает, что при попытке сокращения длины предложения в области морфологии может наблюдаться редукция с сохранением ряда элементов, а на синтаксическом уровне — использование эллипсиса и сокращение различных функциональных элементов.

Исследователь выделяет два класса сокращений. Первый характеризуется с точки зрения сохранения лексической информации и тех пунктуационных знаков, которые имеют наибольшее значение для ее интерпретации (*Ты пойдешь со мной на ланч? / Ланч?*). Второй класс явлений выделяется на основе усечения ряда местоимений (*miss u terribly!*) или упрощенного использования показателей времени (*YES I RECEIVE*).

Заметим, что эти наблюдения справедливы и для русскоязычных участников интернет-коммуникации. Существует ряд особенностей реализации выделенных Бодомо явлений как в связи с особенностями структуры русского языка, так и с тем, что далеко не все подобные примеры мотивированы именно каналом коммуникации.

Часто наблюдаемое отсечение пунктуационных знаков в сообщениях англоязычных пользователей закрепилось и в русскоязычном сегменте. Но существует и обратная тенденция, характеризующаяся избыточностью пунктуационных знаков, когда для намеренного утрирования эмоциональной составляющей сообщения наблюдается сгущение пунктуации (ср.: *!!!Иадынадын,))0* — обозначение саркастической улыбки). Это явление наблюдается в основном в сообщениях, созданных при помощи ПК, что, как нам представляется, связано с более простым механизмом ввода подобных конструкций по сравнению с использованием клавиатур мобильных устройств, требующих переключения экранов символов.

Некоторые явления, например повторы, находят отражение только в устной коммуникации. Напротив, отсечение элементов предложения или сгущение пунктуационных знаков встречаются только в письменной речи. Но многие из них функционируют в обоих типах коммуникации. В качестве примера можно привести глагол «иду», который в составе слова-предложения может как использоваться в устной разговорной речи (*— Идешь на обед? — Иду!*), так и быть коротким ответом с использованием электронных устройств (*— Ждем тебя в вестибюле. — Иду!*). Здесь же наблюдается и процесс опущения ряда элементов (местоимения, наречия) с сохранением информационной насыщенности. Можно предположить, что определенно-личные предложения (эллипсис у А. Бодомо применительно к англоязычной интернет-коммуникации) достаточно широко распространены в электронной коммуникации и особенно явно проявляют себя в менее формальных пространствах интернет-общения — форумах, социальных сетях, мессенджерах (пример из [НКРЯ]):

- (8) [agd-ardin (nick)] *Я тоже пойду только к четвертой паре*
[Герда (nick)] *Чего делаешь?*
[agd-ardin (nick)] *Ты не поверишь* **Слю.** [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]

Обращают на себя внимание и полупредикативные конструкции, почти не встречающиеся в устной разговорной речи, но активно функционирующие в письменной. В среде интернет-коммуникации причастные и деепричастные обороты встречаются реже, чем в литературных текстах, но тем не менее присутствуют в достаточном количестве: *Я вот не могу слушать, зная, что это конечный список, как-то потоково могу только воспринимать музыку...* [Карпов и др. 2022: 12].

Что касается определений, то в интернет-коммуникации мы можем наблюдать и согласованные определения, но в компьютерно-опосредованной коммуникации они встречаются реже, чем в письменных текстах, согласно исследованию [Карпов и др. 2022: 9, 11], ср. пример из [НКРЯ]:

- (9) *Самый **простой** способ все же вспомнить пароль... попробуй подобрать сама.* [ICQ+QIP+Miranda (2006)]

Эти наблюдения позволяют нам сделать вывод о том, что компьютерно-опосредованная коммуникация занимает промежуточное положение между устной разговорной и письменной речью и наследует черты обоих типов коммуникации.

Языковые особенности современной компьютерно-опосредованной коммуникации, обнаруженные на материале английского языка, оказались справедливы и для других языков, в частности, китайской [Шемчук, Гусева 2019] и русской цифровой коммуникации. Их перечень и способы реализации значительно различаются, но общим оказывается основной принцип: большинство приемов направлено на увеличение скорости общения с помощью компьютеров и мобильных телефонов.

Наибольшему влиянию, как и в англоязычной среде, оказывается подвержен лексический уровень языка. Здесь мы обнаруживаем несколько приемов, помогающих сократить объем сообщений и при этом сохранить их информационную наполненность — это использование сокращений, графонов и акронимов. Кроме того, цифровизация социальных практик приводит к постоянному обогащению языка новыми словами.

На синтаксическом уровне главным механизмом экономии становится появление определенно-личных предложений. С точки зрения пунктуации обращают на себя внимание сгущение или сокращение пунктуационных знаков для усиления эмотивности.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что, появившись позднее и занимая промежуточное положение между устным и письменным типами взаимодействия, компьютерно-опосредованная коммуникация наследует и адаптирует важные для успешной электронной коммуникации языковые особенности. К этому выводу приходит И. Карпов с коллегами, отдельно отмечая, что нельзя говорить о прямом влиянии разговорной речи на электронную коммуникацию. По их мнению, «имеет место сходство коммуникативной ситуации: в похожих условиях начинают действовать похожие тенденции» [Карпов и др. 2022: 17]. Кроме того, мы можем наблюдать ограниченное влияние тенденций, характерных для письменной речи, на электронную коммуникацию на примере интернет-комментария.

2. Разговорные паттерны в области компьютерно-опосредованной коммуникации

Совмещение черт устного и письменного взаимодействия проявляется и на уровне паттернов коммуникации — наборов определенных лексических, синтаксических и других

особенностей, характерных для различных коммуникативных ситуаций и каналов общения. Изменчивость и нестабильность системы разговорных паттернов в компьютерно-опосредованной коммуникации становилась предметом исследования в ряде работ. В большинстве из них звучит идея о том, что перечень особенностей электронной коммуникации напрямую зависит от языка, на котором происходит взаимодействие.

Среди множества статей, обращающихся к вопросу использования коммуникативных паттернов, особняком из-за необычного использования этого термина стоит работа [Dino, Gustilo 2015]. Исследователи используют понятие «code-switching» для описания процесса переключения как между языками (когда в рамках одного речевого акта сосуществуют фразы на двух и более языках) [Androutsopoulos 2013: 667], так и между паттернами общения в разных коммуникативных ситуациях. Близкое понятие «code-mixing» (когда в рамках одной фразы сосуществуют слова на двух и более языках) хоть и имеет прямое отношение к компьютерно-опосредованной коммуникации, но не пересекается с областью существования речевых паттернов.

Отдельно стоит рассмотреть спонтанность и резкую смену языковой ситуации. Существует практика переключения с одного языка на другой в рамках одного речевого акта. Об этом подробно пишет Сандра Бараса в [Barasa 2016], особо отмечая, что при постоянном переключении это явление может укорениться в повседневной коммуникации и спонтанно использоваться в устном общении. Такие нарушения могут возникать в тех случаях, когда пользователь привыкает к определенному набору речевых клише и не всегда успешно подстраивается под изменившуюся языковую ситуацию, используя отличный от привычного канал коммуникации.

С. Бараса отмечает, что в ситуациях, когда нужно определить, насколько случайно возникло переключение кода, главная сложность заключается в том, что не вполне понятно, как измерять уровень спонтанности при наборе сообщений пользователями. Выходом автор видит построение некоторой психолингвистической модели для определения этого показателя, но открытым остается вопрос его количественного измерения.

В отечественной традиции существует пласт исследований, посвященных «переключению кода» [Багана, Блажевич 2010: 64], в которых это выражение обозначает именно те процессы, которые связаны с языковым переключением. Поэтому чтобы развести эти два понятия, в нашей работе мы будем использовать термин «переключение паттернов коммуникации» в отношении изменчивости речевых паттернов и их присутствия в языковом акте.

Стоит заметить, что в русскоязычном сегменте интернета мы встречаем как примеры переключения с одного языка на другой (code-switching и code-mixing), так и примеры переключения паттернов коммуникации. Первое относится к ситуациям, когда высказывание дополняется некоторым устоявшимся выражением (например, *if you know what I mean*).

Второе явление представляет собой набор механизмов и элементов, формирующих паттерны общения в рамках определенных коммуникативных ситуаций — деловой переписки, взаимодействия в социальных сетях. Некоторые из этих форм общения могут наследоваться из других типов коммуникации, например: обращения и подписи в электронной почте по образцу бумажных писем (*Дорогой..., с уважением* и т. д.). С наследованием этих конструкций приходит и необходимость соблюдения этих норм, адаптированная под цифровое пространство.

Самый распространенный фактор нарушения паттернов электронной коммуникации — это низкий уровень сетевой грамотности, который может выражаться в недостаточном усвоении норм коммуникации в определенной среде (в почтовой переписке, общении в мессенджере, социальной сети и форуме эти нормы различаются), а также в трудностях при использовании электронных средств коммуникации. Кроме того, возможно и сознательное нарушение устоявшихся шаблонов цифрового взаимодействия.

Ш. Хастрдова изучила корпус из 793 сообщений и классифицировала формы обращений в зависимости от типа ситуации — вход в какое-либо коммуникативное

интернет-пространство, выход из него, обращения в процессе беседы в чате. В перечисленных коммуникативных ситуациях чаще всего встречались следующие формы: существительные общего назначения (10), прозвища (никнеймы) (11), ласкательные выражения, личные местоимения (12) и невежливые формы (примеры из [Hastrdlova 2009]):

- (10) *james6 has JOINED the conversation.*
mike_in_pa has LEFT the conversation.
james6 : hi ladies
- (11) *Chief3212: there's some life. hello fatal*
FatalisticHomeRun: hey chief
- (12) *Guest_ButterflyBack has joined the conversation. (AJS summons)*
Guest_ButterflyBack: hi all (pre-conversational opening-greeting)

Кроме того, было отмечено, что больше половины бесед (56,3 %) начинались без специальных «открывающих» языковых конструкций, а завершение диалога часто происходило без каких-либо специальных маркеров (86 % случаев). Таким образом, мы можем наблюдать, как из ранее существовавшего паттерна бумажного письма произошло заимствование обращений в электронные письма и сообщения. При совершившемся переходе ослаб компонент «обязательности» этого элемента — если в электронных письмах с высокой долей вероятности мы встретим обращение к адресату (которое может в некоторых случаях выпадать после обмена несколькими письмами), то в случае с электронными сообщениями они могут вовсе отсутствовать или использоваться не всеми участниками коммуникации.

Понятно, что эти изменения возникли в связи с изменением канала коммуникации — общение в чатах зачастую носит более экономичный характер из-за увеличенной по сравнению с письмами скорости коммуникации. Часто при общении в мессенджерах пользователи хорошо знают своего адресата и опускают в продолжающейся переписке благопожелания вида [A + S] (*Доброе утро! Добрый день! Спокойной ночи!*).

Стоит учитывать, что трансформация паттернов коммуникации в электронных письмах и сообщениях происходит не только благодаря внутренним процессам (особенностям ввода, наследованию элементов из других форм общения, экономии языковых средств), но и под влиянием внешнего контекста. Помимо исчезновения конструкций благопожелания в одних случаях, в других может появляться ряд новых как ответ на какое-либо событие-аттрактор. Примером подобной трансформации можно считать активно используемое англоязычными пользователями в почтовой переписке «hope you are well», а также схожее по смыслу и распространившееся на фоне сложной эпидемиологической ситуации из-за COVID-19 в русскоязычной интернет-коммуникации «будьте здоровы».

Как и в устном общении, в компьютерно-опосредованной коммуникации возможно нарушение устоявшихся приемов взаимодействия. Например, использование в деловой переписке конструкций, графических знаков и выражений, свойственных общению в социальных сетях. Причинами этих нарушений может выступать множество экстралингвистических факторов.

Возникновение конфликтных ситуаций на почве смешения паттернов существует не только в устном общении, но и в поле компьютерно-опосредованной коммуникации. Кроме того, возникновение подобных ситуаций возможно при взаимодействии на разных языках и не является исключительным свойством русскоязычной или англоязычной интернет-коммуникации.

Например, С. Оливейра в статье [Oliveira 2013] повествует о конфликте на форуме одного португальского университета, развернувшемся на почве разногласий по поводу корректности обращений в университетской газете. В качестве обращения к обладателям научных степеней разного уровня предлагались несколько языковых конструкций. Один из пользователей обратился к другому с помощью формулы *Sr. FN + LN [Mr. First Name + Last Name]*, на что получил ответ, что языковая конструкция такого вида не может быть

использована, так как в ней нет прямого указания на степень того, к кому обращаются. Третий участник беседы заметил следующее:

- (13) *No. 'Sr. + FN' [Mr. + First Name] is impossible. It won't do. The Academic world is vast, diverse, open and has its fragility: the respect of a certain elegance is not imposed by law. It's just as well, but it imposes greater moral duty* [Oliveira 2013].

Заключение

В практике исследования компьютерно-опосредованной коммуникации существует множество направлений, рассматривающих как формальные характеристики текста, так и влияние экстралингвистических факторов. Важным аспектом цифрового общения является влияние канала коммуникации, которое прослеживается на разных уровнях языковой системы.

Исследователи отмечают, что максимальная интенсивность воздействия прослеживается на уровне лексики — появление новых языковых форм, использование акронимов, графонов, различные формы экономии языковых средств. На уровне морфологии отмечается гораздо меньшее воздействие, проявляющееся в повышении количества форм 1 и 2 лица по сравнению с письменной речью.

Синтаксическая составляющая интернет-текстов не менее интересна, но при этом оказывается мало изучена — на этом уровне языка мы встречаем небольшое количество причастных и деепричастных оборотов. Также иногда мы можем встретить эллипсис, но для уточнения особенностей его присутствия в интернет-коммуникации требуется проведение дополнительных количественных исследований (в русскоязычных текстах часто встречаются определительно-личные предложения). Перечисленные ранее особенности синтаксического уровня языка, используемого в компьютерно-опосредованной коммуникации, позволяют подтвердить догадку об активном использовании механизмов экономии языковых средств.

Между тем пунктуация оказывается затронута в значительно меньшей степени и в существующих работах характеризуется главным образом использованием сокращений и опущений. Вместе с тем заслуживает внимания и пристального изучения точка как чрезвычайно важный элемент сообщения, способный выступать в том числе знаком агрессии, давления. Привлекает внимание исследователей и орфография, изучаются и механизмы возникновения ошибок, и коммуникативная значимость орфографии в интернет-пространстве [Голев 2013; Кронгауз 2013; Галямина 2014].

Паттерны коммуникации, присущие как речевому, так и письменному общению, успешно наследуются интернет-коммуникацией и способны изменяться в зависимости от характера интернет-пространства — например, будут значительно различаться деловая переписка в корпоративной почте и общение с близким другом в мессенджере. Особое внимание обращают на себя благопожелания и обращения — их функционирование (и во многом появление) напрямую зависит от того, в каком интернет-пространстве были порождены рассматриваемые тексты.

Открытым и малоизученным остается вопрос нарушений в области применения паттернов коммуникации. Ясно, что такие нарушения могут иметь различные причины — от ошибочного распознавания языковой ситуации до незнания норм цифрового этикета и сложностей в освоении электронных устройств. Одна из сложностей изучения нарушений, в том, что их причины могут носить экстралингвистический характер. К сожалению, пока не существует достоверной методики как качественной оценки, так и количественного измерения этих параметров, поскольку часть из них мотивирована спонтанностью коммуникации.

Описанные ранее особенности позволяют сделать вывод о промежуточном положении компьютерно-опосредованной коммуникации между устной разговорной и письменной речью. Интернет-пространство, порождающее большое количество текстов, несмотря на ряд ограничений в выражении эмотивной функции, всячески поощряет авторов через множество экстралингвистических факторов к использованию индивидуального стиля. Этому способствуют как конструкция устройств и их физические параметры, так и интерфейсные решения, а также расширение семантики текста через использование дополнительных медиаэлементов (видео, стикеры, gif-изображения). Ранее проведенные исследования обнаруживают следы письменной и устной разговорной речи почти на всех уровнях языковой системы и открывают новые возможности для изучения этой формы коммуникации качественными и количественными методами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АТОС 2016 — *Академический толковый словарь русского языка*. Т. 1: А—ВИЛЯТЬ. / Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
- БАС-3 — *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–. СПб., 2004–.
- НРЛ — *Новое в русской лексике. Словарные материалы*. <https://neolex.iling.spb.ru>
- НРЛ 2021 — *Новое в русской лексике. Словарные материалы—2019*. Ридецкая Ю. С. (отв. ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- РОС — Русский орфографический академический словарь. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. <https://orfo.ruslang.ru>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Багана, Блажевич 2010 — Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 2010, 12: 63–68. [Bagana Zh., Blazhevich Yu. S. On code-switching. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*, 2010, 12: 63–68.]
- Галямина 2014 — Галямина Ю. Е. Лингвистический анализ хештегов Твиттера. *Современный русский язык в Интернете*. Ахипкина Я. Э., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014, 13–22. [Galyamina Yu. E. Linguistic analysis of Twitter hashtags. *Sovremennyy russkii yazyk v Internetе*. Akharkina Ya. E., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2014, 13–22.]
- Голев 2013 — Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*, 2013, 5(25): 12–30. [Golev N. D. Russian written colloquial language and its reflection in routine metalinguistic consciousness of virtual communication participants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2013, 5(25): 12–30.]
- Добрушина, Борзенко 2022 — Добрушина Е. Р., Борзенко Е. О. Языковая игра с падежным окончанием -ов, или Как падонки сменились котиками. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 2022, 81(4): 81–88. [Dobrushina E. R., Borzenko E. O. Playing with the case marker -ov, or How padonki were succeeded by kitties. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2022, 81(4): 81–88.]
- Земская и др. 2011 — Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. *Русская разговорная речь*. М.: Флинта, 2011. [Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'* [Colloquial Russian]. Moscow: Flinta, 2011.]
- Какорина 2007 — Какорина Е. В. Язык Интернет-коммуникации. *Язык массовой и межличностной коммуникации*. Засурский Я. Н. (ред.). М.: Медиа-Мир, 2007, 393–478. [Kakorina E. V. Language of Internet communication. *Yazyk massovoi i mezhlichnostnoi kommunikatsii*. Zasurskii Ya. N. (ed.). Moscow: Media-Mir, 2007, 393–478.]
- Какорина 2008 — Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр). *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже*

- XX–XXI веков. Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2008, 549–578. [Kakorina E. V. Media and Internet communication: Internet forum as a new communicative genre. *Sovremenniy russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov*. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008, 549–578.]
- Карпов и др. 2022 — Карпов И. А., Крылова Т. В., Тимошенко С. П. Комплексный лингвистический анализ электронного комментария в социальных сетях. *Русский язык в научном освещении*, 2022, 1: 9–43. [Karpov I. A., Krylova T. V., Timoshenko S. P. The language of comment in social networks: An overview of morphological and syntactic features. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022, 1: 9–43.]
- Кронгауз 2013 — Кронгауз М. А. *Самоучитель Олбанского*. М.: АСТ, 2013. [Krongauz M. A. *Samouchitel' Olbanskogo* [Self-teaching book of Albanian]. Moscow: AST, 2013.]
- Кутыркина 2011 — Кутыркина Л. В. Устный и письменный язык: встреча в пространстве Рунета. *Вестник МГУП*, 2011, 12: 12–25. [Kutyrykina L. V. Spoken and written language: An encounter in the space of Runet. *Vestnik MGUP*, 2011, 12: 12–25.]
- Мифтахова, Морозкина 2012 — Мифтахова Р. Г., Морозкина Е. А. Влияние информационных технологий на развитие лингвистических норм. *Вестник Башкирского ун-та*, 2012, 17(1): 162–163. [Miftakhova R. G., Morozkina E. A. Influence of IT on evolution of linguistic norms. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, 17(1): 162–163.]
- Шемчук, Гусева 2019 — Шемчук Ю. М., Гусева М. Д. Тенденции обновления словарного состава обиходного языка путем перехода в него интернет-лексем. *Язык и культура*, 2019, 45: 121–133. [Shemchuk Yu. M., Guseva M. D. Tendencies of renewal of colloquial lexicon through borrowing Internet-lexemes. *Yazyk i kul'tura*, 2019, 45: 121–133.]
- Androutsopoulos 2011 — Androutsopoulos J. Language change and digital media: A review of conceptions and evidence. *Standard languages and language standards in a changing Europe*. Kristiansen T., Coupland N. (eds.). Oslo: Novus Press, 2011, 145–159.
- Androutsopoulos 2013 — Androutsopoulos J. Code-switching in computer-mediated communication. *Pragmatics of computer-mediated communication*. Herring S., Stein D., Virtanen T. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 667–694.
- Ball 1968 — Ball D. W. Toward a sociology of telephones and telephoners. *Sociology and everyday life*. Truzzi M. (ed.). Hoboken (NJ): Prentice Hall, 1968, 59–75.
- Baron 1984 — Baron N. S. Computer mediated communication as a force in language change. *Visible Language*, 1984, 18(2): 118–141.
- Barasa 2016 — Barasa S. Spoken code-switching in written form? Manifestation of code-switching in computer mediated communication. *Journal of Language Contact*, 2016, 9(1): 49–70.
- Barasa, Mous 2009 — Barasa S., Mous M. The oral and written interface in SMS: Technologically mediated communication in Kenya. *Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap Occasional Series*, 2009, 15: 234–242.
- Bodomo 2010 — Bodomo A. *CMC for linguistics and literacy*. Hong Kong: IGI Global, 2010.
- Crystal 2002 — Crystal D. Language and the Internet. *Transactions on Professional Communication*, 2002, 45(2): 142–144.
- Crystal 2006 — Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Crystal 2011 — Crystal D. *Internet linguistics: A student guide*. New York: Routledge, 2011.
- Dino, Gustilo 2015 — Dino C., Gustilo L. Digitalk: An exploration of the linguistic features of CMC. *International Journal of Languages, Literature, and Linguistics*, 2015, 1: 51–55.
- Hastrdlova 2009 — Hastrdlova S. *Language of Internet Relay Chat*. Ph.D. diss. Brno: Masaryk Univ., 2010.
- Oliveira 2013 — Oliveira S. M. Address in computer-mediated communication. *Pragmatics of computer-mediated communication*. Herring S. C., Stein D., Virtanen T. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 291–313.
- Punske et al. 2019 — Punske J., Butler E. Do me a syntax: Doggo memes, language games and the internal structure of English. *Amperсанд*, 2019, 6: 1–9.
- Smirnov 2017 — Smirnov I. The digital flynn effect: Complexity of posts on social media increases over time. *Social informatics*. Ciampaglia G., Mashhadi A., Yasseri T. (eds.). Oxford: Springer, 2017, 24–30.
- Watt 2010 — Watt H. J. How does the use of modern communication technology influence language and literacy development? A review. *Contemporary Issues in Communication Science and Disorders*, 2010, 37: 141–148.

[Рец. на: /Review of:] **J. Bressem. *Repetitions in gesture: A cognitive-linguistic and usage-based perspective***. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. (Applications of Cognitive Linguistics, 46.) ix + 260 p. ISBN: 978-3-11-069772-8. DOI: 10.1515/9783110697902.

Юлия Владимировна Николаева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
julianikk@gmail.com

Yulia V. Nikolaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; julianikk@gmail.com

Благодарности: Рецензия написана в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Acknowledgements: This review was written within the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.157-166

1. Введение

В последнее десятилетие развивается когнитивный подход к грамматике [Langacker 1999] и новые модели учитывают в том числе и жестикуляцию, сопровождающую речь [Kok, Cienki 2016; Wilcox, Xavier 2013]. Эти модели рассматривают жесты как знаковые единицы и допускают, что они могут быть частью высказывания. Типичные примеры единиц, в которых жесты встроены в синтаксическую структуру предложения, — высказывания с указательным жестом (*вон там*) и невербальные подтверждения отрицания, такие как жест «покачать головой». Сторонники такого подхода к языку исходят из того, что речь изначально мультимодальна, а грамматика — «потенциально мультимодальна» [Cienki 2012].

Уже накоплено много подтверждений того, что жестикуляция так же подчиняется коммуникативному намерению, как и речь, и регулируется теми же принципами. Мы можем наблюдать тесную связь кинетических сигналов с семантическими, синтаксическими и прагматическими характеристиками соответствующих высказываний, которая подкрепляется синхронизацией речи и жестов. Среди самых заметных функций жестов — передача пространственной информации (в дополнение к вербальному сообщению) и выделение главных элементов в сообщении (см., например, [Müller, Tag 2010]); движения говорящего показывают его иллокутивное намерение, играют важную роль в управлении коммуникацией и выражают отношение говорящего к передаваемому сообщению. Кроме того, в зависимости от аспектуальных характеристик глагола у сопровождающих его жестов меняется форма (место жеста в пространстве, направление и скорость движения, траектория и т. д.), характер соотношения с речью по времени (жесты могут запаздывать по отношению к соответствующему глаголу или его аргументам, либо опережать их) и распределение информации между двумя модальностями [Duncan 2005; Kita, Özyürek 2003; McNeill, Duncan 2000; Müller 2000].

Книга Яны Брессем «Повторы в жестах» («*Repetitions in gesture*») рассматривает жестикуляцию, сопровождающую речь, как знаковую систему и развивает принципы **мультимодальной грамматики**, рассматривающей жестикуляцию как часть речевого сообщения, подчиняющуюся тем же принципам, что и языковые структуры. Рекурсия как

свойство языка наглядно проявляется в жестикуляции в виде повторения движений, и изучение свойств таких рекурсивных паттернов может приблизить нас к пониманию природы языка в целом. Я. Брессем сравнивает повторы в звучащих и жестовых языках и в жестикуляции (далее обозначения «жестикуляция» и «жесты» будут относиться к движениям рук, сопровождающим речь, если не сказано иное). Таким образом, важным принципом становится мультимодальность, которую автор определяет как а) структурную взаимосвязь нескольких каналов коммуникации, которые объединяются в единую семиотическую систему, или б) единую семиотическую систему, выраженную в разных модальностях (см. также [Fricke 2012; 2014]). Я. Брессем называет свой метод мультимодальной грамматикой конструкций, описывающей взаимосвязь между речью и жестикуляцией с позиций когнитивной лингвистики и на основе корпусных данных.

2. Редупликация в звучащих и жестовых языках

Основная идея, обосновывающая изучение жестовых повторов с позиций мультимодальной грамматики, заключается в следующем: абстрактный процесс копирования, с одной стороны, и иконичность самой схемы, с другой, являются базовыми принципами, по которым строятся повторяющиеся последовательности в речевых и визуальных каналах.

Повтор элементов при образовании единиц более высокого порядка в звучащих языках можно наблюдать на всех уровнях, начиная от повтора слогов (*ку-ку*, *тик-так*) и морфем (*прапрапрадедушка*). Для стилистических целей этот же принцип может использоваться при повторении отдельных слов (*очень, очень горячий; быстро-быстро*) или более длинных конструкций (*Там акула, там акула позади тебя!*), может быть средством словообразования или использоваться для выражения числа и времени; в жестовых языках редупликация служит, например, для образования множественного числа или наречий времени.

Говоря о морфосинтаксических функциях редупликации в звучащих языках, можно отметить следующие: в области именных частей речи это образование существительных, множественность, образование реципрокальных местоимений; для глаголов функции еще разнообразнее и включают глагольную множественность (число участников, дистрибутивность, совместность) и аспект (континуативные, инхоативные, комплетивные и итеративные значения). Типологически самыми частотными из этих значений оказываются множественность, диминутивность и интенсификация [Mattes 2014; Niepokuj 1997; Ursensky 1972]. Из этих значений видно, что редупликация — явление, отличающееся большой степенью иконичности, но не обязательно через увеличение объема или числа сущностей (ср. «повтор единицы указывает на повторяющийся опыт» [Haspelmath 2008: 3]), а скорее через усложнение описываемых качеств [Stolz 2007].

В жестовых языках редупликации — чрезвычайно продуктивный механизм для образования глагольных и именных форм со значениями аспектуальности, дистрибутивности, временным и лично-числовым маркированием, что в целом очень похоже на список значений для звучащих языков. Дополнительные возможности, предоставляемые визуальной модальностью, включают, помимо числа повторов, их скорость и амплитуду, возможность использовать при редупликации две руки вместо одной, а также изменение места производства жеста и направления движения (так, для реципрокальных значений движение двух рук будет разнонаправленным — к себе и от себя). Другое отличие жестовых языков — в числе повторов: в звучащих языках элемент, как правило, повторяется дважды, в жестовых двукратные повторы хоть и встречаются, но гораздо реже, чем многократные [Wilbur 2009; Pfau, Steinbach 2006], поскольку некоторые лексемы жестовых языков состоят из повторяющихся движений [Kimmelman 2018]; при этом в жестовых языках повторы

строго ритмичны и с точки зрения конфигурации и ориентации рук представляют собой точные копии исходных единиц. Обычно литература о жестовых языках не различает итерацию и редупликацию, однако некоторые источники упоминают знаки с незначимым переходным элементом (возвращением в начальное положение) между ними и связывают их с просодическим выделением, в противоположность явно грамматическим значениям редупликаций.

3. Структура книги

Рецензируемая книга выстроена следующим образом. В первой главе представлены теоретическая база и метод исследования; вторая подробно рассматривает уже изученные аспекты, касающиеся повторов и редупликаций в звучащих и жестовых языках. В третьей главе эти принципы применяются к повторам в жестикуляции, и там же рассматриваются структурные и семантические характеристики таких комплексов; таблица на с. 61 показывает все встреченные в корпусе типы и их подробное описание. Четвертая и пятая (самая объемная) глава описывают, что такие жесты меняют в значении сопровождаемых слов и как они встраиваются в синтаксические структуры в речи. Здесь же обсуждается вопрос о том, можно ли говорить о мультимодальном синтаксисе, если учитывать такого рода жестикуляционные конструкции как часть речевого сообщения. Шестая глава затрагивает когнитивные аспекты жестовых повторов: в ней рассматривается внимание и салиентность (термин, пришедший из когнитивных наук и обозначающий выделенность некоторого объекта на каком-либо фоне) в ракурсе повторяющихся жестовых последовательностей. В седьмой (завершающей) главе обобщаются принципы построения паттернов (способов использования повторяющихся элементов) во всех трех рассмотренных типах знаковых систем — звучащих, жестовых языках и жестикуляции.

Каждая глава начинается с исчерпывающего введения для тех, кто не знаком с данной областью, и заканчивается кратким обобщением полученных результатов.

Таким образом, отталкиваясь от традиционных лингвистических областей (повторяющиеся паттерны в звучащих и жестовых языках как сфера морфосинтаксиса), Я. Брессем выделяет универсальные принципы их описания, не зависящие от модальности, и переносит их на менее структурированную и в целом малоизученную область — жестикуляцию, сопровождающую речь. Одна из главных особенностей жестикуляции как средства коммуникации заключается в том, что существенная доля синтаксических и дискурсивных связей в общении лицом к лицу выражается языковыми средствами, а движения рук выглядят менее связными и более хаотичными; собеседники не всегда подкрепляют свою речь жестами, поэтому движения рук могут передавать только часть сообщения, подчеркивая или дополняя его содержание; наконец, жесты, сопровождающие речь, в гораздо меньшей степени можно назвать конвенциональными, они более спонтанны, в них заметно большее влияние внеязыкового контекста и индивидуального стиля говорящего. В результате можно предположить, что к жестикуляции плохо применимо понятие синтаксиса. Задача книги — показать, что один из базовых принципов языка, а именно рекурсивность, прослеживается во всех аспектах языкового общения, включая невербальную составляющую.

4. Метод и материал

Материалом для исследования послужили видеозаписи разных жанров и видов дискурса (естественный разговор, телешоу, политические дискуссии, комментарии экспертов) с участием 40 немецкоязычных дикторов, общей продолжительностью 30 часов. Всего

в корпусе встретилось 182 жестовых повтора (которые были составлены суммарно из 921 жеста). Условием для отбора жестов было их появление внутри одной жестовой фразы (т. е. между повторами не было ретракций и возвращений в положение покоя, про фазы жеста подробнее см. [Kendon 2004; Litvinenko et al. 2018]). Жесты в этих повторах считались похожими, если в них была одинаковая конфигурация рук, ориентация ладони и/или характеристики движения.

Я. Брессем следует подходу К. Мюллер и ее коллег, когда при анализе жестов исследователь отталкивается от их формы и исходя из внешних признаков восстанавливает их значение, последовательно анализируя:

- 1) форму жеста;
- 2) локальный жестовый контекст — как жест встроен в последовательность других жестов;
- 3) локальный речевой контекст (синтаксис, семантика, прагматика);
- 4) особенности жестикуляции, использование жестов в подобных и других контекстах.

Анализ формы выбран ключевым признаком, но при этом фактически учитываются все аспекты языка, включая семантику и прагматику, а также более широкий контекст, вплоть до индивидуального стиля жестикуляции у данного говорящего. Авторы данного подхода, говоря о форме, считают ее проявлением когнитивно-семиотических свойств визуальных знаков, подразумевая, что жесты как знаки связаны с когнитивными процессами в сознании равно говорящего и слушающего, а их форма мотивирована действиями и образами в сознании говорящего и стандартными способами, которыми эти образы передаются в жестикуляции («Какие действия показывает говорящий, когда мы видим жест?»).

При анализе жесты сопоставлялись с интонационными единицами исходя из того, что интонационная единица — «фокус сознания говорящего в данный момент» [Chafe 1994: 63], а также для того, чтобы изучить, как жестикуляция сочетается с фразовым ударением. Для каждой фазы жеста (подготовка — переход от нейтрального положения к начальной точке собственно жеста; мах — основная фаза, передающая информацию адресату; ретракция — возвращение в нейтральное положение) были отмечены речевые единицы, синхронизированные с ними по времени (от фонем до предложений).

5. Типы жестовых повторов: итерации и редупликации

Говоря о жестикуляции, Я. Брессем различает два основных типа повторов: **итерации** и **редупликации**. В первом типе маховые фазы жестов не обязательно расположены сразу друг за другом (между ними может появиться подготовительная фаза перед следующим махом) и могут относиться к разным просодическим единицам; в отличие от редупликаций, они используются скорее в стилистических и прагматических целях и служат для привлечения внимания адресата за счет того, что повторяющийся сегмент становится более выделенным. Очевидно, что граница между двумя типами повторов (дискурсивные vs. грамматические значения) не дискретна: значения эмфазы и интенсификации могут передаваться любым типом.

Основным различием между итерациями и редупликациями Я. Брессем называет появление во втором типе конструкции, объединяющей отдельные элементы. При итерациях повтор единицы не приводит к созданию нового (комплексного) значения в жесте, каждый элемент такой конструкции независим от предыдущих и последующих и может быть удален из последовательности без изменения ее значения; это в каком-то смысле более простая структура (или, может быть, критерии для ее выделения более свободные). Доля таких последовательностей в изученном корпусе составила почти 90 %. Второй

тип — редупликативная конструкция — предполагает, что повторение создает структуры различной глубины, и подразумевает появление нового сложного значения, передаваемого независимо от контекста (в т. ч. речевого), в котором она была использована; получившаяся структура передает дополнительную семантическую и грамматическую информацию и таким образом вносит свой вклад в значение мультимодальной конструкции, в которой жесты и речь выступают как части одного сообщения. Аналогично редупликативным явлениям в речи, жестовые редупликации чаще всего связаны с семантикой итеративности (и тогда совпадают по времени с глагольной группой и передают адвербиальное значение) или множественности (в таких случаях могут совпадать по времени не только с именной группой, но и со всем высказыванием; если по времени и значению жест связан с именной группой, он выступает как адъективный компонент). Жесты, входящие в итеративные конструкции, могут, согласно подходу Я. Брессем, передавать некоторую дополнительную информацию, например, относительно траектории движения или формы предмета. Жесты в рамках редупликаций только дублируют семантическую информацию, содержащуюся в словах, сфера значений таких конструкций ограничена морфосинтаксисом.

С точки зрения когнитивных процессов адресата, редупликации связаны с информацией, уже находящейся в фокусе внимания, а итерации — с тем, что находится на периферии внимания как некий второстепенный или фоновый материал. Повторяющиеся конструкции в жестикуляции можно расценивать как инструмент управления вниманием адресата, поскольку итерации делают соответствующую часть сообщения более выделенной. Таким образом, итерации в жестикуляции можно сравнить с повтором слов и словосочетаний в жестовых и звучащих языках, который используется для стилистических и просодических целей и может маркировать фокус внимания и различать фигуру и фон [Chafe 1994]. В отличие от них, редупликации в жестикуляции (сопоставимые с повторами морфем или частей слов в звучащих языках) выражают лексические и грамматические значения, такие как итеративность или множественность.

Из таблиц в главе 4, описывающих эти два типа повторов, можно предположить еще одно различие между итерациями и редупликациями: в первом случае чаще всего это иллюстрация конкретного действия, события или описание конкретного референта (собака, которая царапает пол; округлая форма миски), а во втором — метафорическое описание абстрактных явлений (как в примере на с. 57, где говорящая рассказывает о книге — руководе для парикмахеров — и добавляет: «Можно внимательно изучить все шаги», — делая три движения кистью руки от себя и перед каждым следующим движением сменяя руку вниз).

6. Заключение

Книга Я. Брессем «Повторы в жестах» отличается основательностью и последовательностью методологии и смелым, если не сказать революционным, взглядом на привычные явления. Очень аккуратное и последовательное сопоставление повторов в жестикуляции с одной стороны и в звучащих и жестовых языках с другой позволяет увидеть «протоязыковой» потенциал жестов, сопровождающих речь, и подтверждает тезис автора об изначальной мультимодальности языка в целом и грамматики в частности. Еще одно несомненное достоинство исследования — охват всех уровней языка, от фонетики до прагматики. Представляется перспективным различение а) жестов, встраивающихся в именные группы (как признаки референта), — грамматические значения редупликаций в этом случае относятся к сфере множественности — и б) жестов, синхронизированных и семантически связанных с глаголами (тогда их грамматическая область — аспектuality).

Примеры множественных (для жестов, соответствующих по времени именным группам), итеративных и дуративных значений (для жестов, сопровождающих глагольные группы) в жестикуляции могут показаться интуитивно простыми и очевидными, однако анализ корпусных данных полезен здесь, чтобы связать сложные теоретические конструкции и повседневный опыт использования языка и жестов¹.

При этом в целом книгу «Повторы в жестах» отличает глубина и тщательность проработки темы: самый ранний из рассмотренных источников, посвященных языковым повторам, относится к 1862 году, а из современных источников охвачены практически все, имеющие отношение к жестам и к повторам в языке.

Еще одно достоинство книги — подробное описание примеров, в которых видно, с какими фонемами синхронизировано каждое движение, показано место фразового ударения и подробно описаны все особенности жеста (фаза жеста, конфигурация руки, ориентация ладони, траектория, направление движения и другие детали — например, изменение скорости на следующем повторе). Это позволяет проследить логику автора и одновременно может быть полезно как пример детальной разметки при сопоставлении языковых и кинетических явлений.

Схемы и подробные классификации рассматриваемых явлений помогают сравнить все типы повторов, найденные автором, исходя из разных признаков, однако иногда таблицам не хватает более развернутых описаний.

Среди важных находок в теоретическом и методологическом аспекте можно назвать также попытки оценить и описать с помощью иерархий степень семантической и синтаксической встроенности жестов в языковое высказывание, а также степень устойчивости мультимодальных конструкций, которые анализируются с позиций когнитивной грамматики Лангакера.

На мой взгляд, некоторую хаотичность в изложение вносит то, что определения основных изучаемых явлений меняются и уточняются по ходу работы. Так, в первых двух главах термин «повторы» (*repetitions*) используется и как общее понятие для итераций и редупликаций, и как синоним итераций (например, на с. 23 и 29); только при переходе к более подробному рассмотрению жестовых повторов появляется термин «итерации», снимающий неоднозначность. Затем редупликации разделяются на два типа — А и Б, но объяснение их различий появляется только 12 страниц спустя.

Некоторые наблюдения (например, описание функций итераций как преимущественно дискурсивных, а редупликаций — как грамматических; формальные и семантические различия этих двух типов жестовых повторов) повторяются каждые 10–15 страниц, с большей или меньшей подробностью. То же самое можно сказать про иконичность как принцип, лежащий в основе повторов (копирование сегментов и встраивание этих копий в структурированную последовательность) — этот факт упоминается много раз в разных главах.

Наконец, есть некоторые соображения дискуссионного порядка, которые тоже хотелось бы упомянуть.

В работах по жестикуляции иконичность нередко рассматривается как свойство, не требующее дополнительных обоснований. В данной книге среди жестовых последовательностей были такие, в которых маховые (основные) фазы жестов перемежались подготовительными, т. е. вспомогательными. Однако само по себе выделение или невыделение вспомогательных фаз в похожих по форме и значению жестах иногда выглядит субъективным и произвольным; еще более неоднозначным представляется прямолинейное толкование последовательностей с подготовительными фазами как менее тесно связанных

¹ Идею о том, что аспектуальные значения вполне можно визуализировать через иконические иллюстрации, можно встретить в статьях У. Крофта и Л. Янды [Croft 2012; Janda 2015], хотя их работ почему-то нет в списке источников (возможно, потому, что их исследования лежали скорее в области аспектуальности, чем жестикуляции).

между собой по сравнению с повторами, состоящими только из махов. В литературе есть примеры буквального толкования внешних признаков жестов: в работе Д. Макнила [McNeill 1992] жест, выполненный двумя руками, трактовался как свидетельство большей эмоциональной вовлеченности говорящего и одновременно важности события в рассказе (по сравнению с жестом, выполненным одной рукой). Позже было показано, что одно-ручность / двуручность жеста зависит скорее не от центральности события в нарративе и не от отношения к нему говорящего, а от свойств изображаемых референтов или действий. Возможно, в случае со вспомогательными фазами, вклинившимися в жестовые итерации, толкование таких последовательностей как менее связанных оправданно, но одной иконичности для обоснования этого недостаточно.

Как нередко бывает в таких работах, охватывающих почти все известные теории и описания, иногда на соседних страницах оказываются противоречащие друг другу точки зрения, выдвинутые разными авторами, но Я. Брессем это никак не комментирует, и читателю предстоит самостоятельно разобраться, кто прав: например, Д. Макнил, считающий, что жесты почти всегда при повторях заметно уменьшаются в амплитуде и/или времени реализации и используются для контраста с другим жестом или передачи диминутивных значений (цитата на с. 42), или Х. Брукс с наблюдениями о жестовых повторях, при которых идет нарастание амплитуды и смещение от себя и вверх, что выражает увеличение количества или степени некоторого признака (с. 43). Наконец, в работе встречаются опечатки, путаница с нумерацией таблиц, синтаксические и стилистические погрешности.

Из-за перечисленных выше недочетов текст выглядит несколько сырым и не очень тщательно вычитанным; создается впечатление, что желание автора издать книгу быстро было сильнее желания «причесать» текст. Однако это предоставляет читателю возможность проследить логику рассуждений и увидеть, как формировалась система, которая получилась в итоге, что само по себе интересно.

Что касается изначального посыла про принципиальное различие двух типов повторов (дискурсивного vs. грамматического по своим функциям, или более полного и точного копирования vs. модификации движения к концу серии с точки зрения формальных признаков жеста), это противопоставление кажется несколько натянутым, хотя теоретически оно может быть полезно для выявления не всегда заметных, но значимых различий. Судя по приведенным примерам и комментариям к ним, оба типа функций могут прекрасно сочетаться в одном жесте (эмфаза как «просодическая» функция может быть дополнительным значением и в итерациях, и в редупликациях; дублировать или, наоборот, дополнять значение слова могут оба типа), и их выраженность, как представляется после прочтения, скорее зависит от угла зрения и целей исследования, чем от собственных свойств объекта наблюдения. При этом несомненная ценность книги состоит в том, что она подробно показывает, как абстрактные грамматические категории проявляются в жестах или эволюционируют из жестов (которые, по некоторым гипотезам, произошли от практических действий) и, более глобально, из опыта взаимодействия с миром. Таким образом подход Я. Брессем связывает идею воплощенного познания, с которой сейчас связано одно из самых бурно развивающихся направлений в психологии, и базовые лингвистические концепты. И с другой стороны, автор приводит убедительное обоснование того, что можно говорить о языке как фундаментальной когнитивной способности человека независимо от того, наблюдаем мы его через призму звучащих языков, жестовых языков или жестикуляции, сопровождающей речь.

В дальнейших исследованиях в этой области предстоит проверить надежность формальных и семантических признаков для различения выделенных подгрупп среди жестовых повторов (итерации и редупликации, а среди вторых — связанные с метафорическим отображением движения и, соответственно, значениями итеративности vs. повторы как использование пространства для выражения значения множественности).

Еще один дискуссионный вопрос касается «битов» («жестовых ударений») — это такой тип жестов, который отличается предельно простой формой и нечетким значением,

в прототипическом случае это короткое движение расслабленной руки вниз одновременно с фразовым ударением. Я. Брессем несколько раз возвращается к идее о том, что «биты» — возможно, не отдельный тип жестов в целом, а что-то вроде просодической модификации более содержательных жестов, когда на какой-то другой жест накладываются несколько коротких движений вниз. В рассмотренных примерах встречаются случаи, которые можно было бы отнести к «битам» и с точки зрения функций (просодическое выделение, управление вниманием адресата), однако собственно «биты» (или ритмические жесты как отдельный тип для многократных «битов» в классификации [Ekman, Friesen 1969]) не рассматриваются ни как отдельная категория, ни как подтип жестовых повторов, хотя приведенные в книге примеры среди первого типа жестовых повторов (итераций) позволяют предположить, что могут быть основания для выделения многократных «битов» в отдельную группу.

Судя по примерам, подробно разобранным в книге, получается, что типы жестовых повторов, в зависимости от

- а) их формальных признаков (наличие дополнительных фаз в жесте),
- б) функционального типа (абстрактные или конкретные изобразительные жесты, или же рекуррентные жесты с наложенной ритмической составляющей),
- в) дополнительной семантической информации в жесте

— разделяются на три сферы языка, с которыми они взаимодействуют:

- 1) семантика (итерации, которые представляют собой иллюстрации конкретных референтов и событий, опирающиеся в первую очередь на визуально-кинестические репрезентации),
- 2) синтаксис (редупликации, к которым были отнесены иллюстрации абстрактных референтов и событий, отчасти опирающиеся на культурно обусловленные жестовые метафоры, например для таких понятий, как пошаговый процесс или разнонаправленное повторяющееся движение),
- 3) просодия («биты», наложенные на рекуррентные или какие-то другие жесты).

В зависимости от того, к какой части предложения относится вербальная составляющая, иллюстрируемая жестами, можно дополнительно говорить о разделении на жесты, связанные со значением множественности vs. актуальности.

В заключение можно сказать, что эта книга — еще один шаг к пониманию того, как жестикуляция используется в коммуникации. Прделанная Я. Брессем работа показывает, что разные признаки жестовых последовательностей оказываются связаны с лингвистическими характеристиками сопровождаемых жестах слов. Эта работа демонстрирует, что уже созданы и проверены методы для такого соотнесения (способы оценить, насколько жесты добавляют новую информацию по отношению к словам и насколько различается информация, передаваемая словами и жестами; практика выявления грамматических значений, таких как множественность или итеративность, если они передаются жестами; степень встроенности жеста в языковое выражение и степень устойчивости этой связи и ее повторения в разных контекстах). Какие-то из этих методов, несомненно, требуют доработки, многие выводы и аксиомы предстоит проверить и подтвердить или опровергнуть в дальнейших исследованиях, однако очевидно, что эта книга — важный вклад в понимание того, как в речевой коммуникации используются другие каналы, помимо вербального, для передачи чисто языковых значений, и того, что язык включает кинестические средства, даже если речь идет не о языках глухих, а о жестикуляции, сопровождающей речь.

Кроме того, анализ повторяющихся структур в звучащих и жестовых языках и в жестикуляции показал универсальность повторов как фундаментального принципа для построения более сложных единиц. Можно ли в таком контексте говорить про «грамматику» жестов — видимо, вопрос не столько терминологии, сколько времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Chafe 1994 — Chafe W. L. *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Cienki 2012 — Cienki A. Usage events of spoken language and the symbolic units (may) abstract from them. *Cognitive processes in language*. Kosecki K., Badio J. (eds.). Frankfurt: Peter Lang, 2012, 149–158.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Duncan 2005 — Duncan S. Gesture in signing: A case study in Taiwan Sign Language. *Language and Linguistics*, 2005, 6(2): 279–318.
- Ekman, Friesen 1969 — Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage and coding. *Semiotica*, 1969, 1: 49–98.
- Fricke 2012 — Fricke E. *Grammatik multimodal: Wie Wörter und Gesten zusammenwirken*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.
- Fricke 2014 — Fricke E. Between reference and meaning: Object-related and interpretant-related gestures in face-to-face interaction. *Body — language — communication. An international handbook on multimodality in human interaction*. Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D., Bressen J. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014, 1788–1802.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*, 2008, 19(1): 1–33.
- Janda 2015 — Janda L. A. Russian aspectual types: Croft's typology revised. *Studies in Slavic linguistics and accentology in honor of Ronald F. Feldstein*. Shrager M., Andrews E., Fowler G., Franks S. (eds.). Bloomington: Slavica Publ., 2015, 147–167.
- Kendon 2004 — Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Kimmelman 2018 — Kimmelman V. Reduplication and repetition in Russian Sign Language. *Exact repetition in grammar and discourse*. Finkbeiner R., Freywald U. (eds.). Boston: De Gruyter Mouton, 2018, 91–109.
- Kita, Özyürek 2003 — Kita S., Özyürek A. What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal? Evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking. *Journal of Memory and Language*, 2003, 48: 16–32.
- Kok, Cienki 2016 — Kok K. I., Cienki A. Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges. *Cognitive Linguistics*, 2016, 27(1): 67–100.
- Langacker 1999 — Langacker R. *Grammar and conceptualization*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Litvinenko et al. 2018 — Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Fedorova O. V., Nikolaeva Ju. V. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 2018, 5(2): 4–17.
- Mattes 2014 — Mattes V. *Types of reduplication: A case study of Bikol*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- McNeill, Duncan 2000 — McNeill D., Duncan S. Growth points in thinking for speaking. *Language and gesture*. McNeill D. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 141–161.
- McNeill 1992 — McNeill D. *Hand and mind. What gestures reveal about thought*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Müller, Tag 2010 — Müller C., Tag S. The dynamics of metaphor: Foregrounding and activating metaphoricity in conversational interaction. *Cognitive Semiotics*, 2010, 6: 85–120.
- Müller 2000 — Müller C. Zeit als Raum. Eine kognitiv-semantische Mikroanalyse des sprachlichen und gestischen Ausdrucks von Aktionsarten. *Botschaften verstehen. Kommunikationstheorie und Zeichenpraxis. Festschrift für Helmut Richter*. Hess-Lüttich W. B., Schmitz E., Walter H. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000, 211–228.
- Niepokuj 1997 — Niepokuj M. *The development of verbal reduplication in Indo-European*. Washington: Institute for the Study of Man, 1997.
- Pfau, Steinbach 2005 — Pfau R., Steinbach M. Backward and sideward reduplication in German Sign Language. *Studies on reduplication*. Hurch B. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2005, 569–594.
- Stolz 2007 — Stolz T. Re: duplication: Iconic vs counter-iconic principles (and their correlates). *Europe and the Mediterranean as linguistic areas*. Ramat P., Roma E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 317–350.

- Wilbur 2009 — Wilbur R. B. Productive reduplication in a fundamentally monosyllabic language. *Language Sciences*, 2009, 31(2–3): 325–342.
- Wilcox, Xavier 2013 — Wilcox S., Xavier A. N. A framework for unifying spoken language, signed language and gesture. *Todas as Letras: Revista de Língua e Literatura*, 2013, 15(1): 88–110.
- Uspensky 1972 — Uspensky B. A. Subsystems in language, their interrelations and their correlated universals. *Linguistics*, 1972, 10(88): 53–71.

Получено / received 23.01.2023

Принято / accepted 21.03.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 14.04.2023 Дата выхода в свет 28.04.2023
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 250 экз. Зак. 5/2а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1